АННА МИЧИ

АКАДЕМИЯ ТРЕХ СИЛ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Я всю жизнь мечтала учиться на факультете боевой магии, но в наше время девочки должны или сидеть дома, или сражаться на безопасном расстоянии. Но Сатьяна Сантерн не из тех, кто сдаётся! Даже если один насмешливый старшекурсник только и делает, что язвит.

- Анна Мичи
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
  - Глава 31
  - Глава 32
  - Глава 33
  - Глава 34

- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48

Анна Мичи
Академия Трёх Сил

Глава 1

Когда из академии пришло письмо, я тренировалась на заднем дворе с Пасом. Брат сверкал глазами и корчил рожи, а я прыгала вокруг, пытаясь достать. Безуспешно: он-то был уже на третьем курсе, а я только в этом году должна была поступать. Лас, правда, клялся, что не использует заклинаний, которых я ещё не знала, но, по-моему, жульничал. Иначе я бы не проигрывала ему постоянно.

Вот и теперь…

— Ничего, — пропыхтела я, когда получила тупым концом тренировочного меча в живот, через все магические щиты и барьеры — конец игры. — Вот увидишь, на следующий год я тебя обставлю. У вас будет групповая практика, а у нас усиление, боевая мощь, всякие заклинания.

Брат в ответ только хозяйским жестом потрепал мои волосы. Вытер пот со лба, уставился вдаль. Пшенично-золотые пряди в его влажных волосах смешивались с розовыми — благословение Аррага и отличительный знак всех настоящих Сантернов. У нас у всех были такие волосы, кроме матери, по крови чужачки.

— По-моему, принесли почту, — брат смотрел в сторону забора. — Вижу зелёную форму.

Я подпрыгнула, безуспешно стараясь сравняться ростом с Пасом. Ничего не вышло, но кусочек зелёной шляпы с огромным павлиньим пером выхватить удалось. Эх, мало того, что младшая, ещё и самая мелкая. Ещё и единственная девчонка в семье. Постоянно приходится чувствовать себя самой слабой, самой неумелой, самой «Да ладно, Сатьяна, ты молодец, для девчонки вообще отлично».

Но ничего. В этом году я начну учиться на факультете боевой магии. Как дед и отец, и братья. Научусь использовать настоящие боевые заклинания, не эти простенькие, которые знает каждый младенец, а мощные и зрелищные. С мечом я обращаюсь и так неплохо, а вот с магической стороной куда хуже. Хочется поскорее уметь выделывать такие же трюки, как Лас: мгновенно подскакивать к противнику с помощью «порыва», приковывать к себе его внимание «яростным взглядом», сковывать ноги магической удавкой.

А потом… ну это уже ко второму курсу, а то и третьему — у меня появится собственная группа. Как появилась в этом году у Ласа.

Собственная команда, где я буду лидером.

Я зажмурилась, представляя, как мы впятером (обычная

комплектация боевой группы) методично уничтожаем гигантскую тварь. Матёрую, величиной в дом, роняющую ядовитые слюни. Я впереди, удерживая внимание твари, оглушаю, кромсаю, не даю ей ни минуты покоя, чтобы она не опомнилась и не обратила внимание на мой тыл, где, собственно, и сосредоточена основная мощь команды. Те, кого я защищаю и кто под прикрытием упорно заливают тварь магией или стрелами. Или зайдя с другого бока, ищут слабое место, пока я отвлекаю внимание на себя. И, конечно, целитель, который вливает силу в мою защиту и следит за безопасностью других членов команды.

Эх, скорее бы это время пришло!

— Не хочешь проверить, что там принесли? — брат уже развеял магический доспех и ополоснулся. — Ставлю на кон свой нож, там твоё письмо о поступлении.

Я кивнула. Стащила через голову свой доспех, обычный, кожаный, тоже умылась. Радость скользнула мелкими пузырьками, пощекотала изнутри.

У меня не было никаких сомнений в том, что я поступила. Я же Сантерн из клана Сантернов. У клановых преимущество, тем более что речь о факультете боевой магии, нашем профессиональном. Но всё равно лёгкий мандраж захватил, когда я ступила в прохладный холл.

Письмо из академии я увидела сразу. Оно лежало на обеденном столе, с травянисто-зелёной печатью на конверте, уже расколотой. Отец с матерью сидели рядышком и о чём-то беседовали. Отец чуть хмурил брови, вертя в руках сложенный в несколько раз листок, а мама говорила что-то с улыбкой на лице.

Сердце подпрыгнуло. Не иначе как обсуждают мой отъезд.

— Мам, пап, привет, — поздоровалась я небрежно. — Из академии?

Лас только хмыкнул рядом. Он видел моё притворство насквозь.

— Да, из академии, — мама поднялась, подошла ко мне, обняла, обдавая цветочным запахом. — Фу, опять ты вся мокрая и пропахла потом! Лас, сколько раз уже говорить, ищи другого противника для своих тренировок, зачем ты постоянно берёшь Сатьяну?

— Это не Лас, я сама, — я высвободилась из объятий. — Так что там? Я поступила?

— Конечно! — мать метнулась к столу, вырвала листок у отца и победно замахала им в воздухе. — Ещё бы они тебя не взяли, ты же из рода Сантерн! Вот, — и она торжественно зачитала короткий текст, — «сим сообщаем, что Сатьяна Сантерн успешно зачислена на первый курс Академии Трёх Сил на факультете

магии стихий».

Сначала я заметила озадаченный взгляд Ласа и хмурое выражение на лице отца. И только потом осознала, что сейчас произнесла мать.

Факультете магии стихий. Не боевой магии, а магии стихий.

Мать отдала меня учиться на «рыбака».

Пол ушёл из-под ног. В ушах зашумело. Одновременно в груди шевельнулась безумная надежда: этого не может быть, это какая-то ошибка. Но кто-то рассудительный и безжалостный твёрдо шепнул: никакой ошибки. Вот почему мать довольно приплясывает, она же сама «рыбачка». Вот почему у отца хмурое выражение лица, а Лас смотрит на меня едва ли не с жалостью.

— Чего ты стоишь, как будто недовольна? Это же Академия, ты так мечтала попасть?

— На факультет боевой магии, не стихий, — я еле шевельнула губами. Горло пересохло, и слова казались тоже какими-то сухими и ломкими. — Я хочу быть боевым лидером… как отец, как братья. Как все наши…

— Не говори глупостей, — у матери сразу сделалось сердитое и жёсткое выражение лица. — Это опасно. Сражаться в первом ряду, лезть прямо в пасть тварям, командовать — всё это не для девочки.

Отец тихо поднялся и пошёл к выходу. Вот так всегда. Если что касается братьев, то последнее слово за ним, а как речь заходит обо мне — тут же уступает матери. Девочек должна обучать мать, это его девиз.

Но я не просто девочка, я девочка из клана боевых магов!

— Бабушка боевик, — напомнила я.

Невозможно, невероятно! Я не представляла себе другой жизни кроме как в качестве боевика, лидера группы, мастера меча. Что я буду делать на факультете стихийников? Среди цветника таких же надушенных нежных ромашек, как моя мама? Среди «рыбаков», прозванных так за то, что их оружие, магические шары, во время боя висят перед ними, как круглая надутая рыба на удочке.

Это ужасно нечестно. Да чего там, это просто невозможно вообразить!

— Когда бабушка была молодой, время было другое. Сейчас девочке из приличной семьи нет необходимости лезть на рожон, — не терпящим возражений тоном отрезала мать. — Или ты хочешь быть похожей на мужчину? В плечах поперёк себя шире?

Я судорожно схватила ртом воздух. Сжала кулаки. Обида обожгла грудь, горьким комом встала в горле.

От матери я этого не ожидала. От посторонних, не клановых, ничего не понимающих в боевой магии — запросто, но от матери? Она больше двадцати лет замужем за отцом, является частью семьи Сантерн, постоянно видит молодых девушек-боевиков, которые ничуть не похожи на парней — и повторяет такие глупости?

Да я сама, хоть и тренировалась с детства, не сильно-то отличалась фигурой от матери, разве что была чуть ниже и крепче. Может, конечно, мать именно это и называет «быть похожей на мужчину»…

— Мам, не надо… ты не права, — Лас вступился за меня.

И тут же получил по плечу свёрнутым в жгут полотенцем.

— Молчать! Малы ещё матери возражать! Ты, — она ткнула пальцем в Ласа, — марш на улицу, помогать отцу. А ты, — это относилось ко мне, — сейчас же пойдёшь со мной за покупками. Письмо запоздало, караван в академию отправляется уже завтра, времени нет.

— Я не хочу… а если я откажусь?

— Откажешься? — её глаза сверкнули угрозой. — Отлично! Тебе уже семнадцать, давно пора выдать замуж за хорошего человека. Будешь сидеть в замке и воспитывать детей, раз не хочешь учиться. Мечником на поле боя я тебя не пущу!

Я задохнулась. Ещё одна навязчивая идея матери. Я даже знала, за кого она хотела меня отдать, за длинноносого прыщавого Дейна из клана «рыбаков». Клан довольно известный, мать хотела, чтобы Аттер женился на девушке оттуда, но он взял в жёны стихийницу из своей же команды. Частая история. А после того как Дейн, которому надоело, что я не отвечаю на его глупые задирания и масленые взгляды, заявился с отцом сватать меня, мать загорелась этой идеей. Согласилась повременить только до тех пор, как я не закончу академию.

Я думала недолго. Об академии я мечтала, но тогда, когда думала, что буду учиться на боевика. Но ещё меньше, чем «рыбаком», я хотела бы стать женой прыщавого Дейна.

Учиться долго, четыре года. За это время много воды утечёт, может, и унесёт с собой ненавистный брак. И там, в академии, мама не достанет меня со своими придирками и запретами тренироваться. И там будут Лас с Вейсом. Мы ещё покажем магическим ромашкам, что такое клан Сантерн!

— Так и быть, в академию поеду, но у меня есть своё условие.

— Мала ещё матери условия выставлять! — мгновенно отозвалась мать. Но потом добавила: — Ну?

— Я сама собираю свою вещи.

Она некоторое время буравила меня подозрительным

взглядом, потом кивнула:

— Так и быть. Но если ты попробуешь забыть хоть что-нибудь важное, приедешь обратно, так и знай. И отправишься отсюда уже только замуж.

Глава 2

Мы мотались по рынку три с половиной часа, покупая форму, учебники, справочники, ингредиенты для зелий и заготовки для простейших артефактов. Заготовки и тренировочное магическое оружие оставили напоследок, и тут вдруг, когда пришла пора платить, обнаружилось, что у нас нет кошелька.

— Как же так, — мама в тысячный раз перебирала вещи. — Ведь он был же, я заплатила за походный столовый набор, сунула снова в сумку, потом ещё раз проверила.

— Пойдём уже, — я отпихнула в сторону кучу, которой не суждено было стать нашей.

Со злорадством посмотрела на аккуратно уложенный в центр кучи круглый магический шар на цепи. Алый, с похожей на желток сердцевиной, слегка пылающей, отзываясь на прикосновение, так-то, чисто внешне, он был неплох. Мама и правда выбрала лучшее в этой лавке — ну, лучшее из возможного.

Вот только любому даже самому красивому и потенциально сильному магическому шару я бы предпочла простой грубо сработанный железный меч — оружие боевиков. Руки сами сжались, словно в них легла рукоять любимого Сорванца, пахнущая железом и кожей, моим собственным потом, впитанным за годы тренировок.

— Потом вернёмся, — я дёрнула мать за рукав. На самом деле я лелеяла надежду, что возвращаться не придётся: вдруг родители передумают… хотя нет, раньше небо расколется, чем они передумают.

— Потом уже может и не быть, — проворчал низкорослый бородатый торговец. Мама ему плешь проела, требуя самое лучшее и при этом не самое дорогое, а теперь, когда выяснилось, что все его страдания были напрасны, доброжелательность слезла с него, как лак со старой миски.

— Оставьте для нас, мы придём и заплатим, — распорядилась мать.

— Вот ещё, оставлять, — торговец принялся сгребать кучу куда-то под прилавок. — Нет уж, платите сейчас или уходите и не возвращайтесь! Развелось тут мошенников.

— Да как вы смеете! — мать вспыхнула, как хорошо просушенный хворост. — Я Алтея Сантерн! За оскорбление ответите!

Началось. Мать, в венах которой как раз и не текло ни капли крови Сантерн, обожала козырять нашей фамилией тут и там. Вот и сейчас, только ей показалось, что честь клана задета, как готова

сцепиться, не понимая, что этим опускается на один уровень с рыночным торговцем. Но не успела я и слова вставить, как сзади раздался приятный мужской голос:

— Сколько всё это стоит? Я заплачу за прекрасных ар-теранн.

Мы с мамой обернулись одновременно.

Судя по белоснежным волосам, это был вендаец. Высокий, худой, как моя смерть, зато с яркими синими глазищами, сверкавшими из-под белых прядей. Правда, у вендайцев обычно брови и ресницы тоже белые, как снег, а у этого они были смоляно-чёрными, непривычно. Довольно симпатичный, так что, почувствовав на себе заинтересованный взгляд, я немного смутилась.

— О, великодушный ар-теранн, — мать тут же сделала стойку. — Не стоит, право слово, мы сейчас всё выясним с этим добрым человеком, и всё будет улажено.

Я метнула быстрый взгляд назад. Упрямое выражение на лице торговца свидетельствовало только о том, что выяснять он ничего не собирается. А если мы будем упорствовать, то позовёт охрану, я видела, как он косится на магический колокольчик совсем рядом с его правой рукой.

— Теран, — тем временем поправил мать вендаец. — Я пока не нашёл себе клан, ещё учусь.

— О, — теперь мать бросила взгляд на меня, причём с явным намёком. — А где, случайно не в Академии Трёх Сил? Вон, Сатьяна в этом году поступила на факультет магии стихий.

Твари Хагоса! «Сатьяна поступила»! Не Сатьяна поступила, а её запихнули, насильно и не спрашивая. И ещё выдвинули ультиматум: учёба или свадьба.

— О, неужели, — парень снова посмотрел на меня. Вроде бы дружелюбно и заинтересованно, но лёгкий проблеск насмешки — и какое-то превосходство, что ли — в ярко-синих глазах выводили из себя.

Считает, наверное, что я такая же, как мама — любительница поскандалить, прикрываясь кланом.

Разозлившись, я отвернулась. А парень, не обращая внимания на дальнейшие мамины «что вы, не стоит», быстро заплатил за нас и так же быстро откланялся, хотя мама пыталась остановить его и выяснить, куда прислать деньги.

— Нигос, Сатьяна, какой замечательный молодой человек! — мама пялилась ему вслед, пока торговец укладывал наши вещи. — Жаль, что не сказал, где учится, но я уверена, ты ещё встретишь его в академии. Может, он даже учится на факультете магии стихий!

— Или на боевом, — сказала я из врождённого упрямства.

Хотя не только — парень был на вид довольно крепкий, хоть и худой. Жилистый, а на руках мозоли, я заметила, когда он платил. Явно умеет обращаться с оружием, и скорее всего это вовсе не магический шар.

— Ах, уймись ты уже, — мать получила от торговца мешок, всучила его мне (вот когда нужно было таскать за ней покупки, речь о том, что девочке не подобает носить тяжести, почему-то не шла) и направилась к выходу.

Я, скорчив ей в спину негодующую рожу, пошла следом. И, едва выйдя на крыльцо, увидела там лежавший, как ни в чём не бывало, мамин кошелёк.

— Нигос! — мама сноровисто подняла его и раскрыла. — Слава Великому, и деньги на месте! Ну вот, я же говорила, он просто вывалился!

Просто вывалился? Странно… С чего бы ему вываливаться, когда мать обычно прячет его на самом дне сумки. Да и до сих пор она в каждой лавке копалась, вытаскивая его. Что он, сам по себе подпрыгнул, чтобы вывалиться?

С другой стороны, воришка скорее бы подрезал саму сумку, а она цела. Да и деньги бы пропали.

Я подозрительно обвела взглядом окрестности, как будто надеялась увидеть подсказку. Но улочка была не особо людная, сюда заходили в основном только те, кто целенаправленно шёл в лавку магической дребедени для студентов Академии Трёх Сил. Пусто… узкая улочка, сваленные в беспорядке ящики, забор, крыша дома в листве. Тут что-то привлекло моё внимание, я уставилась туда и увидела на заборе маленькое белое животное.

Оно обвилось вокруг выдающейся наверху опоры, вытянуло длинную шею и смотрело в нашу сторону. Маленькие чёрные глазки забавно поблёскивали, круглые ушли были прижаты к голове.

— Ой, надо же, ласка, — мама тоже его заметила. — Или это горностай? Что он делает здесь, в городе? Может, сбежал?

Я неопределённо пожала плечами. Ласка, заметив наше внимание, шмыгнула куда-то вниз, пролезла под забором и смело подбежала к нам.

— Она ручная? — я присела и протянула руку. Ласка умерила шаг, но приблизилась и ткнулась острой мордочкой в ладонь. — Может, возьмём её?

Мама открыла рот, чтобы возразить (я знала это выражение на её лице), но ласка, будто поняла, тут же вывернулась из-под моей руки и белой молнией помчалась прочь. Мгновенно затерялась где-то среди ящиков и бочек.

— Пойдём домой, Сатьяна, — окликнула меня мать. — Перед

отъездом ещё надо успеть поклониться Хранителю.

Странно, но ласка шла за нами, как привязанная. Пряталась от встречных, от бродячих псов, кидавшихся за ней с лаем, быстрыми прыжками пересекала открытое пространство, временами пропадала, но потом снова появлялась.

Я устала оглядываться на неё, изумляясь поведению. Скорее всего, она не дикая, вон как привычно чувствует себя в городе. От людей прячется, но не паникует, просто избегает встречи. Спутала нас с хозяевами? Или решила, что мы как раз неплохо подходим на роль новых хозяев?

Я собиралась заманить ласку в дом, а потом показать её деду, но когда мы подходили к воротам клановых территорий, она куда-то пропала.

— Подозрительное животное, — бросила мама. — Как будто шпионила за нами.

— Зачем за нами шпионить, — я пожала плечами больше из желания возразить. — В этом городе каждая собака знает, что мы из клана Сантерн. Достаточно на мои волосы взглянуть.

— Мало ли зачем, — мать начертила в воздухе знак «ирг». Отвечая этому, защита мягко засияла и раскрылась, пропуская нас внутрь. — Будь осторожна, Сатьяна, особенно в академии. Мы с папой будем слишком далеко, чтобы приглядывать за тобой.

Вот и хорошо.

Это я только подумала, вслух говорить не стала.

Дом встретил прохладной тишиной. Вслед за мамой я прошла через холл, спустилась по широкой каменной лестнице, окунулась в пахнущий смолой и пылью воздух святилища.

Хранитель находился здесь, сколько я себя помню.

Глава 3

Или даже не так, Хранитель находился здесь столько, сколько существует наш клан. Величайшая драгоценность семьи Сантерн, оберег и символ, источник магии рода.

На вид это было полускрытое в камне сияющее золотое яйцо. Говорили, в минуты опасности для рода оно горит алым, в минуты, когда случается нечто очень хорошее — белым, но я никогда не видела, чтобы Хранитель менял цвет. Может, оно и к лучшему.

Опустившись на колени рядом с матерью, я склонила голову и попросила про себя, чтобы боги и покровители были ко мне милостивы. И чтобы случилось что-нибудь и мне не пришлось бы идти обучаться на «рыбака». Пусть отец передумает. Пусть даже случится большой прорыв, потребуются все воины, даже девушки, даже младшие дочери.

Последнюю мысль я тут же отогнала. Прорыва всё-таки не надо. Хватало и рассказов бабушки: во время её молодости защита города была куда слабее, а твари — куда сильнее и кровожаднее. Прорывы случались чаще, и ни один прорыв не обходился без жертв. Сестра бабушки и её жених погибли в таком. А сколько ещё погибало простого народу — всех не перечислишь. Так что нет. Пусть всё будет хорошо.

Помолившись, я оглянулась на пороге — Хранитель по-прежнему мерцал ровным золотистым светом.

На следующее утро мы выехали чуть свет. Я, Лас и Вейс — первый, третий и четвёртый курс Академии. Ехали на телеге, нагруженной сундуками и узлами. Я незаметно поглаживала лежавший рядом большой баул: там, под ворохом одежды, покоился увязанный тряпками Сорванец. Собственно, именно поэтому я и выдвинула матери такое условие: если бы меня собирала она, не видать мне меч как своих ушей.

Отец верхом на лошади провожал нас до заставы. За ней начинались уже дикие земли, бесхозные — в принципе, люди жили и там, но, мягко говоря, несладко. И чаще всего недолго.

Причина была проста — твари Хагоса. Хагос, злое начало, постоянно строит козни людям и создал тварей нам на гибель. Но Нигос благословил людей сражаться с ними и дал нам магию: магию стихий, магию меча и магию исцеления.

В принципе, сейчас мы и правда живём почти безопасно, не то что раньше. К городам и большим дорогам наученные жизнью твари почти не подходят. Почти — за исключением случаев бешенства или гона.

Но простые люди без магического дара, без сопровождения боевой команды, на дорогу всё равно стараются не соваться, вот и мы телепались до заставы, чтобы ехать уже большим караваном, под охраной. Хоть мы были и учениками академии, а Вейс и вообще уже на четвёртом курсе — всё равно ещё не могли считаться полноправными бойцами.

— Сатьяна, — окликнул меня отец. — Не зевай, прибыли.

Телега и впрямь проехала ещё немного и остановилась перед большим двухэтажным зданием заставы. Сердце ухнуло: вот оно, начало путешествия. Мы выбрались и стали таскать вещи в полутёмное с улицы помещение. Потом отец подозвал меня. Лас и Вейс ушли внутрь, а я вытянулась перед отцом и ждала, что он мне скажет.

— Вот ты и выросла, дочка, — на плечо легла тяжёлая рука истинного боевика. Отец выглядел странно, как будто пытался подавить смущение или неловкость. — Учись хорошо и старайся.

— Я бы старалась ещё больше, если бы училась на боевика, — буркнула я.

Он пропустил выпад мимо ушей. Сказал мягко:

— Я очень хотел дочку. Но как мы ни пытались, рождались только сыновья. И тогда я пообещал твоей матери, что если родится дочка, никогда не стану вмешиваться в то, как она её воспитывает. И ты родилась.

Я промолчала. Про себя только подумала, что зря он это пообещал. И вообще, раз так, лучше бы я родилась мальчиком.

— Знаешь, мне кажется, твоя мать права. Сражаться в первом ряду — и правда занятие для женщины неподходящее.

— Замолчи! — хоть нас и приучили, что на родителей нельзя поднимать голос, я всё же не выдержала. Предатель! Хорошо же ему мать мозги промыла!

Не дожидаясь ответа, повернулась и бросилась на заставу. На глазах закипали слёзы ярости. Нет, я понимала, что сейчас уже, наверное, ничего не изменить, не ждала от отца, что он вдруг скажет: «Всё улажено, ты будешь боевиком». Но и того, что услышу набившее оскомину «неподходящее для девушки занятие», не ожидала тоже.

И тут раздался насмешливый голос:

— Привет, «рыбачка».

Я гневно вскинула голову. Даже не прищуриваясь, в плохо освещённом помещении, я его узнала. Беловолосый вендаец, который заплатил за нас в лавке. Он стоял, привалившись плечом к стене, сложив руки на груди, и сверлил меня с высоты своего роста таким же насмешливым, как голос, взглядом.

— Я мечница! — буркнула я, намереваясь пройти мимо.

— Ух как страшно, — рассмеялся вендаец. И в следующий миг дорогу мне преградило чужое колено. — Где твой меч, мечница?

Я сузила глаза и просверлила его испепеляющим взглядом. А ему хоть бы хны, стоит, скалит зубы.

— Я тебя и без меча на обе лопатки положу.

— Если ты будешь сверху, я и сам с удовольствием лягу.

Я не сразу поняла. А когда поняла, покраснела, как помидор. В груди полыхнуло пламя, руки сами сжались в кулаки, а дальше я действовала уже на одних вбитых в тело навыках: воткнула кулак вендайцу в живот, а когда он охнул и схватился за ударенное место, поймала за уши и двинула коленом по подбородку.

Даже мне было немного больно, а у вендайца, наверное, искры из глаз посыпались. Пренебрежительно фыркнув (будет знать, как связываться с девушкой из клана Сантерн), я хотела было проскочить во внутренние комнаты, но вокруг талии обвилась жёсткая рука.

Вендаец, который ещё должен был лежать на полу и поскуливать, опомнился быстро, почти мгновенно.

Рывком развернул, припечатал к стене, перехватил руки и наклонился, заглядывая в лицо. Он тяжело дышал, в глазах пылала холодная ярость. Но куда больше, чем его ярость, меня напугала собственная реакция. Сердце замерло, потом сильно заколотилось. От чужого взгляда, от рук, сжимающих запястья, бросило в жар. Я сама не поняла, что со мной — противник подкрался так близко, я в невыгодном положении, надо ударить, использовать его слабые места — но ничего не делала, ощущая себя удивительно беззащитной под этим злым синеглазым взглядом.

— Сата? Ты где? — в комнату заглянул Лас. — Хм-м?!

В этом «хм-м» было много всего непонятного, но мне было не до того, чтобы разбирать оттенки. Пользуясь тем, что хватка беловолосого на мгновение ослабла, я вывернулась, нырнула под его руку и хмуро буркнула, проходя мимо брата:

— Чего орёшь, тут я, тут.

Лас снова хмыкнул, на этот раз весело, и пристроился рядом. Вместе мы пошли через здание заставы на внутренний двор, ждать, пока соберётся караван.

— Кто это? — с любопытством спросил брат по пути. — Знакомый?

Я только фыркнула, не отвечая. Избави Нигос от таких знакомых. Таких… наглых и позволяющих себе идиотские шутки! И ведь он наверняка тоже едет в академию. Твари, это же ещё и

там с ним встречаться… Одно хорошо: он точно не стихийник, что бы мама ни говорила. Стихийники не обладают такой реакцией и привычкой к физическим нагрузкам. С другой стороны…

— Вейс, у вас на курсе вендайцев нет? — спросила я, когда мы втроём присели на скамье у высокого, в два человеческих роста, забора из мощных брёвен. Поверху шла ещё и магическая защита: снаружи расстилались дикие земли.

— Вендайцев? — Вейс озадаченно нахмурил брови.

— Если конкретнее, то она имеет в виду вон его, — Лас усмехнулся при виде беловолосого парня, тоже как раз появившегося во дворе. — О-ой! — окликнул он его. — Вендай!

Я сердито шикнула на брата, но было поздно. Вендаец как ни в чём не бывало, с улыбкой на губах, направился к нам.

— Ахой, — поздоровался на свой манер. — Звали?

— Вон сестра тут на тебя запала, интересуется, — ехидно сообщил Лас. Получил по уху, но не обиделся и этим самым ухом даже не повёл. — В академию едешь? На какой курс перешёл?

— На третьем буду, — слава Нигосу, вендаец не стал заострять внимание на глупой Ласовой шутке. — Я раньше в другом месте учился, так что ничего там не знаю.

— Вот как? А на каком факультете будешь?

Я напряглась, даже сама не понимая, почему. Кем бы он ни был, меня это не касается. Но ответить вендаец не успел.

Во двор выглянул лохматый парень — наш возница:

— Караван готов! Занимайте места, дорогие пассажиры!

Глава 4

Академия находилась на Отрайских землях. До них было целых три дня пути, и все эти дни нам, путешествующим в одном караване, предстояло провести вместе. Из Орейля, нашего города, ехало не так много человек: в академию — человек десять, всех я знала, новеньким был только вендаец; в соседний город, Амзас, ещё человек десять, в основном купцы или зажиточные горожане, решившие, что заплатить за дорогу будет дешевле, чем потом покупать тот же товар с наценкой. Вместе с возницами, главой каравана и охраной набралась приличная толпа в четыре телеги и двух конных.

Стоило нам тронуться, как я почти сразу заснула, пригревшись рядом с Пасом. Накрылась кожухом, когда поймала насмешливый взгляд вендайца. Вот что ему надо, чего смотрит?

На обед сделали привал на вытоптанном сотнями таких же караванов пятачке. В середине было чёрное от золы кострище, где тут же запылало пламя, из узлов и сундуков появилось съестное, и все присели рядом с огнём, переговариваясь о том о сём.

Я посматривала на слаженные действия боевой группы, охранявшей нас. Там были одни ветераны, почти все мужчины: два мечника, два стихийника и пожилая полная целительница. Она напомнила мне бабушку, но только изрезанным морщинами лицом: моя ба до сих пор иногда под настроение могла помахать мечами и была стройной, как девочка. Когда я была маленькой, ба задавала мне трёпку только так.

После обеда все разбрелись, используя недолгую передышку, чтобы размять ноги. Далеко от лагеря не отходили, всё же дикие земли. Я тоже подумывала было сбегать до кустиков, но, услышав звон мечей, обернулась.

Думала, Лас с Вейсом устроили разминку, хотела присоединиться — но угадала только наполовину. Один и правда был Вейс, зато вторым неожиданно оказался вендаец. Обнажённый по пояс, он прыгал, уходя от ударов, и скалил зубы.

Боевик, уверилась я, глядя, как ловко он парирует атаки брата. Без практики такое невозможно. И в то же время было видно, что ему приходится нелегко, Вейс теснил его, вендайцу постоянно приходилось уворачиваться.

Впрочем, и Вейс выбивался из сил. Вендаец, должно быть, этого не замечал, но я, привыкшая тренироваться с братом, видела и с каким усилием он надувает при ударе щёки, и каким градом льётся с него пот.

Вендаец выбрал интересную тактику. Он проигрывал брату в

прямом натиске и, если бы сражался в открытую, его сразу же обезоружили бы. Поэтому он отходил по кругу и подлетал, когда накапливал достаточно сил для атаки. Наносил град ударов, под которым Вейс терялся, и снова отходил, и мощный удар Вейса, который вбил бы его в землю по пояс, не достигал цели. Можно сказать, нечестная тактика, но в бою нет нечестных тактик. Ты или остаёшься победителем, вымотав или обезвредив соперника, или подбираешь сопли и клянёшься взять реванш в следующий раз. Если этот следующий раз, конечно, будет.

В конце концов Вейс отбросил меч и рассмеялся. В тот же миг вендаец подскочил к нему и сделал вид, что рассёк его пополам, после чего тоже улыбнулся и поклонился. Вручил меч на вытянутых руках. Только тут я поняла, что меч тоже Вейсов, запасной.

Странно. Боевик без меча?

Впрочем, может, просто ленится доставать. Или — тут у меня захватило дух — у него магический меч, и он не хочет светить его раньше времени.

Магическое оружие — это же словами не передать как престижно. И не только престижно, это ещё и огромное преимущество и в бою, и в мирной жизни. Но достать его очень сложно, да и обращаться с ним может не каждый, нужно умение и силы. Зато магический меч везде с тобой, его не нужно носить на поясе, он не бряцает и не путается в ногах. Его никогда не отнимут, он никогда не сломается.

Неужели у этого беловолосого вендайца магический меч?

Я всё смотрела на них. Ну, если совсем начистоту, то немножко любовалась. Потому что хорошо сложенный высокий парень, даже если он противный зубоскал, всё-таки приятен глазу. Особенно если фехтует в одних штанах, пот сверкает на солнце, обрисовывая гладкие напряжённые мускулы, зубы тоже сверкают… и синие глаза сверкают, глядя на меня.

Твари Хагоса! Он же пялится на меня! А я на него, как дурочка.

Я тут же отвернулась и сделала вид, что смотрела куда угодно, только не на него. А потом и вообще отправилась в лес, как собиралась. С делами справилась быстро, на пути в лагерь нашла заросли черники и с удовольствием оборвала.

А потом увидела неподалёку ласку.

Ставлю на кон что угодно, это была та самая, что мы с мамой встретили в городе. Вряд ли в этих местах можно было увидеть ещё одну белую летом.

Ласка молнией промчалась по земле, по валежнику и сиганула прямо мне в руки. Лёгкое тельце на миг замерло, потом

так же молниеносно взбежало мне на плечо, а с него на голову.

От щекотного прикосновения лёгких цепких лапок я засмеялась. Вот только смех застыл на губах, когда я услышала совсем рядом отчётливый шум. Положила руку на рукоять Сорванца. Хорошо, что достала меч из вещей. Думала потренироваться с братьями, но, похоже, пригодится и так.

Ласка тоже явно уловила опасность. Но вместо того, чтобы затаиться, вдруг спрыгнула с моей головы и помчалась, дурында, прямо к источнику шума.

— Эй! Ты куда! — вот ведь глупое животное! И я сама глупая, чего кричу?

Поздно. Шум на миг утих, а значит, я привлекла внимание. Я выпрямилась и шагнула вперёд. Убегать нет смысла, может, там просто кто-то из лагеря присел по-большому. Вот будет позорище, если я сбегу от такой «опасности».

Впрочем, что-то подсказывало, что шумит совсем не человек.

Готовая в любой момент вытащить меч, я настороженно всматривалась в кусты. Снова затрещало. Потом сильнее и ещё сильнее. Кто-то явно ломился сюда.

Миг, и на полянке показалась остроносая, увенчанная пятачком морда… домерона.

От сердца отлегло. Эта тварь не страшная. Точнее, внешне как раз страшная: кабан в холке по пояс человеку, красноглазый, роняющий ядовитые слюни. Но яд у него слабый, не больнее крапивы, да и сам по себе домерон на людей особо не нападает, разве что защищая лёжку.

Этот взвизгнул, а потом издал предостерегающий вопль. Угрожает. Надо отойти, но спокойно. И тут он ринулся вперёд. Я отскочила, взлетела на бревно, выругалась, когда оно оказалось трухлявым, и нога по щиколотку ушла в прогнившее дерево. Выхватила меч.

Домерон бросился на меня.

Я укрепилась на земле, готовая встретить его остриём меча. Он напорется сам, мне даже не придётся ничего делать.

Но тут вдруг по земле вспучились смутно знакомые зелёные прутья, вскинулись, опутали домерона. Тот гневно завизжал, попытался обернуться.

Я вскинула взгляд и увидела вендайца. Безоружного. Он стоял чуть поодаль, с другой стороны полянки и смотрел на нас с удивлением. Я уставилась на него с не меньшим. Ладно внезапное появление, мы рядом с лагерем, а я орала, зовя ласку. Но какого Хагоса он припёрся безоружным? Хотя ноги спутал магией, разве нет? Всё-таки стихийник?

— Иди в лагерь, — велел он.

Я вспыхнула. Я ему не девочка, которой можно помыкать, иди туда, иди сюда. Сказала зло:

— Это домерон, и у него лёжка где-то рядом.

Выражение лица парня изменилось. К удивлению прибавилось что-то вроде уважения. Это уважение меня вдруг обрадовало, и я разозлилась на себя за глупую реакцию.

— Иди, я справлюсь, — повторил парень мягче.

— Сними узы, — потребовала я. — Я знаю, что делать.

Дуэль взглядами: мой, злой и требовательный, и его, испытующий — продлилась недолго. Наконец вендаец кивнул. Узы с тихим шелестом втянулись в землю, и, почувствовав свободу, домерон ринулся вперёд. Сосредоточив взгляд на нём, я перехватила меч по-другому и завращала им перед собой с огромной скоростью, так, что мельканье лезвия слилось в круг. Одновременно заулюлюкала так громко, как смогла, и сама бросилась твари навстречу.

Надо отдать должное, если бы не вендаец, я бы об этом не вспомнила. Убила бы тварь, и конец делу. Но он дал мне передышку, и меня как осенило: домероны боятся громких звуков и света. Отражённый от лезвия солнечный свет слепил тварь, а мой крик добавлял паники.

Домерон продержался недолго. Затормозил передними копытцами, визгливо всхрапнул и, роняя слюни, сделал крутой разворот. С той же скоростью сиганул прочь. Кусты зашумели под весом убегающей твари.

Я выпрямилась и ещё некоторое время слушала, чтобы убедиться, что домерон точно не вернётся. Потом убрала меч и обернулась к вендайцу. Сама не знала, что ему скажу, но уж точно ничего хорошего.

Но выражение его лица лишило меня желания устраивать свару. Он смотрел так, как будто был всерьёз впечатлён.

Я молча прошла мимо в направлении лагеря. Шагала быстро, насколько возможно в лесу, но через некоторое время услышала шаги сзади, а потом и рядом. Нагнал, Хагос на его душу.

— Хей, мечница.

Я только метнула на него злой взгляд.

— Ну прости, — быстро повинился вендаец. — Не думал, что ты такая… боевая. Теперь вижу, был не прав. Кстати, меня зовут Хеннай. Хен, — он протянул руку.

На рукопожатие надо ответить. Это нехитрое правило вбили в меня четверо старших братьев и их друзья-враги, с которыми я выросла. Нехотя я протянула руку в ответ. Что мне понравилось — вендаец не стал снова делать скидку на то, что перед ним якобы изнеженная ар-теранна, и пожал руку крепко, как парню.

Хен.

Почему-то простое звучание его имени мне понравилось. Скользнуло по глотке, лёгкое, коротенькое, с шероховинкой. Ему шло.

— Сатьяна, — грубовато представилась я. А потом остановилась, как вкопанная. Кусочки мозаики в сознании наконец-то сошлись. — Я поняла, кто ты.

— В смысле? — он тоже остановился, взгляд сделался настороженным.

— Ты целитель! Во-первых, ты сражался с братом как целитель, только не использовал магию исцеления, — я стала загибать пальцы, перечисляя. — Во-вторых, у тебя нет оружия, но целителю в группе оно и не нужно. В-третьих — те узы, что ты использовал. Я не сразу вспомнила, но это же целительское заклинание.

Хен помедлил, но настороженность из взгляда ушла.

— Хвалю, — наконец сказал он. — Ты наблюдательная. И знаешь магию других.

— Ну не то чтобы знаю, — я слегка зарумянилась. Похвала была явно незаслуженной. — Просто это же самое часто используемое заклинание, вроде как.

— Ты молодец, — повторил он. И без перехода спросил: — Скажи, почему ты едешь учиться на стихийника? По тебе не видно, чтобы это было бы тебе в радость.

Настроение испортилось. Я развернулась и снова пошла к лагерю. По пути буркнула:

— Я думала, буду боевиком. Но родители решили по-другому.

Хен пристроился рядом:

— И что, послушаешься?

Я не ответила. Ускорила шаг, отрываясь от парня. Влетела в лагерь и встретила шагающего навстречу Вейса. Тот крикнул сходу:

— Где ты пропадаешь, мелкая?! Выезжаем, марш в телегу давай.

И правда, караван уже готовился к выезду. Я заняла место рядом с Пасом, привычно притулилась к его боку. Вендаец, как будто так и надо, сел напротив и завёл разговор с Вейсом. Оказывается, брат уже знал, что он целитель, и расспрашивал, как обучают в Вендае. Я слушала краем уха. В принципе, ничего неожиданного не услышала. В Вендае, как и у нас, была своя школа, но там давали знания только на первые два курса. Хен был родом из обычной семьи и прошёл обучение в такой школе, а теперь решил продолжить его в Академии Трёх Сил.

Потом они перешли на обсуждение политики, и мне стало не очень интересно. Я почти засыпала, когда одна мысль заставила меня встрепенуться.

Ласка. Она ведь взялась невесть откуда, неужели пробежала всю дорогу от города за нами? Но зачем — чтобы потом снова исчезнуть в лесу?

Кажется, мама была права, ласка и впрямь ведёт себя подозрительно. Если ещё раз встретится, надо будет поймать её. Найти кого-нибудь, кто разбирается, и показать.

Глава 5

К вечеру мы въехали в Амзас. Сразу треть отряда отсеялась: те, кто направлялся до этого города. Остальные заночевали при заставе. Были это в основном наши, маги, охрана и возницы.

Кроме нас троих и вендайца Хена в академию ехали ещё шестеро. Один боевик-третьекурсник, наш хороший знакомый. Он был не клановый, родился в обычной семье, но бился хорошо, и они с Ласом дружили. Ещё ехали четыре мага, двое из клана Дейна (к моему величайшему счастью, сам мой названый «жених» в академии не учился, то ли не хватало дара, то ли решили, что и домашнего обучения для него достаточно) и двое неклановых. И одна целительница с четвёртого курса, высокая, хмурая, державшаяся наособе девица.

Вся эта тесная компания разместилась в одном просторном бараке: целительница в углу, построив баррикаду из собственных вещей, потом маги, клановые и неклановые по отдельности, а потом, у самого выхода, уже мы вчетвером. Хен как прибился к нам в самом начале, так и держался рядом. Братьям он явно пришёлся по душе, а сам Хен не уставал меня поддразнивать.

То твердил, что я так хорошо владею мечом, что все окрестные твари, небось, сбежали куда глаза глядят, узнав, что по дороге двигается такой воин, то насмехался, когда я рассыпала заварку, что, верно, с мечом я управляюсь куда лучше, чем с чайником. То дурашливо просил проводить его в нужник, потому что боится пауков, а с таким защитником, как я, ему ничего не страшно. Что хуже всего, братья, которые обычно вставали за меня горой, сейчас только посмеивались.

В конце концов я разозлилась, двинула его рукояткой меча и ушла из барака — проветриться. На улице уже стемнело, дул прохладный ночной ветер, принося запахи каких-то цветов. У ворот заставы сидел на привязи пожилой пёс. Наверное, посажен был охранять, но на заставе постоянно толклись кучи народу, и пёс давно потерял хватку. Только привычно постучал хвостом о землю, завидев меня.

Я села рядом на корточки. Потрепала старика по холке, полюбовалась на звёзды. Вот и день миновал, завтра вечером прибудем в Атракс, а оттуда уже рукой подать до академии. Эх, если бы не учёба на «рыбака», с каким бы нетерпением я подгоняла бы время. А так…

Нигос даровал нам магию, но до того, как её использовать, мы, люди, додумались сами. Любой одарённый магически мог выбирать, кем ему становиться: мастером меча, стихийником,

целителем, мастером животных, артефактором или зельеваром. Для трёх последних наличие сильного дара не требовалось, для трёх первых — было условием выживания. Причём не только их, но и прочих не обладающих даром, простых людей.

Поэтому мама и не раздумывала долго, отдавая меня на стихийника. Конечно, я всю жизнь провела в тренировках на мечах и ни разу не касалась магического шара (хотя у мамы в ларце лежал её личный, ещё с тех времён, когда она таскалась с отцом, отбывая службу). Но это не делало меня непригодной в маги — дар оставался даром. Просто мне придётся начинать с нуля на дисциплине, которая не радует ни ум, ни сердце — но кому какая разница.

К слову, в Академии Трёх Сил преподавали все шесть дисциплин, от магии меча до зельеварения. Первые три делились на факультеты, последние изучались курсами, и любой мог взять их дополнительно.

Интересно, можно ли брать курсы с факультета боевой магии, обучаясь на стихийника?

Представив неженку-«рыбака» в длинном балахоне, пытающегося парировать магическим шаром удар меча, я фыркнула.

Вот и ответ.

Со стороны здания послышались шаги. Я обернулась и совсем не удивилась, увидев в тусклом свете фонаря вендайца.

— Ищешь, где облегчиться без страшных пауков? — я выпрямилась ему навстречу.

— Почти угадала, — ответил он в тон. — Хотел нанять сопровождение до уборной. Не хочешь подзаработать?

— Откажусь.

Я мерила его взглядом. Сейчас, в полумраке, я не могла различить его лица, только глаза поблёскивали отражённым светом. Интересно, что ему надо? В самом деле искал меня? Может, он в меня втюрился?

Эту мысль я, хмыкнув про себя, тут же отбросила. Я уродилась, без ложной скромности скажу, довольно привлекательная и среди дружков братьев пользовалась популярностью. Пока особо навязчивые не получали в зубы.

Но была парочка ребят, с которыми я даже ходила на свидания. Правда, когда Лас или Вейс узнавали об этом, моих ухажёров ждала незавидная участь. Но, в общем, во взглядах и намёках я немного разбиралась. И вендаец насмешничал и кидал разные взгляды, но среди них не было ни одного масленого или мечтательноглуповатого.

Так что если сейчас он и искал меня, то не для того, чтобы

поухаживать. А зачем? Хен привалился плечом к столбу неподалёку и стал меня рассматривать.

— Чего? — спросила я, начиная чувствовать неловкость.

— Да просто… наш дневной разговор из головы не идёт, — сказал он наконец. — Ты не хочешь обучаться на стихийника, но всё равно послушно едешь в академию? Зачем?

Любопытный какой. Впрочем, почему бы не ответить, это вовсе не секрет.

— А что я могу сделать? Если бы я не поехала, мама отдала бы меня замуж, — я передёрнулась, вспомнив прыщавого Дейна.

— Это так страшно? — мягкий смех разнёсся по тихому двору. Приятно пощекотал где-то внутри.

Я пожала плечами. Не хотелось вдаваться в подробности. Ответила:

— Смотря кто жених.

Хен кивнул, как будто понял. Без передышки спросил:

— А перейти на факультет боевиков?

— Не выйдет. Даже если у меня это получится, моим родным сразу сообщат. Они ни за что не дадут мне учиться на мастера меча.

— Хм-м, сбежать из дома? Оставить клан?

— Закон на стороне родителей, пока мы не поступили на службу, разве ты не знаешь? Или у вас в Вендае другие правила?

Он пожал плечами.

— Мои родители погибли, а бабушка хоть и твердит, что семья превыше всего, в мелочах позволяет нам действовать как заблагорассудится.

— Вам повезло. Моя мама вот не такая. Она с меня до замужества не слезет, — я пригорюнилась. И правда, только выйдя замуж я окажусь вне власти родителей. Или уже после окончания академии — если найду себе полноценную боевую группу, желательно, уже служащую. Тогда да, служащие считаются самостоятельными взрослыми людьми.

— Ну так выйди замуж. Тогда ведь ты сможешь перейти на магию меча, если муж не будет возражать.

Я посмотрела на него как на дурака.

— И где я возьму такого мужа? Дейн ни за что не даст мне учиться, да я и не выйду за него. От одной мысли выворачивает. К тому же замуж — это сразу дети, никакой академии.

— Дейн? — на лице вендайца промелькнуло непонимание, но он не стал переспрашивать. — Нет, смысл в том, чтобы выйти замуж только для вида. Формально. Договориться с кем-нибудь.

Твари Хагоса, да что несёт этот беловолосый?

— Ещё хуже. Кто на такое согласится? Фальшивая жена?

Связать себя на четыре года?

— Я мог бы, — ответил он запросто.

Я застыла с раскрытым ртом. Потом так и спросила, как вертелось на языке:

— Ты дурак?

— Я серьёзно.

Я молча буравила его взглядом, лихорадочно размышляя.

Хагос, это и правда выход. Приехать в академию, заявить о том, что хочу перевестись. Единственное, что необходимо для поступления — это дар, а он у меня есть. Обучение бесплатное, за счёт последующей службы. Родители не смогут ничего поделать, если я буду замужем. Ведь тогда я формально стану принадлежать семье мужа.

Семье мужа! А вот и загвоздка. Я вообще ничего не знаю о семье Хена. Я и о нём-то ничего не знаю.

— Зачем тебе это? — подозрительно спросила я. — В чём твоя выгода? Нужен боевик в клан?

— У меня нет клана, — напомнил он, снова рассмеявшись. — Моя выгода… хм-м, — он то ли сделал вид, то ли в самом деле крепко задумался. — Не знаю. Мне просто всё равно. Я свободен, никому ничего не обещал, ещё минимум два года буду учиться в Академии Трёх Сил. Так почему бы не оказать человеку услугу, которая мне ничего не стоит?

— И ты дашь мне развод, когда я окончу академию?

— Можем хоть договор составить, — Хен снова засмеялся. — Подпишем у законника. Хотя зачем? Ты ведь и сама сможешь развестись. Достаточно согласия одного из супругов, ведь нам нечего будет делить.

Я задумалась. В чём же подвох?

Думала и не находила. Даже если Хен меня обманывает и на самом деле принадлежит к клану, он не сможет увезти меня насильно. Я и впрямь тогда отправлюсь в первый попавшийся храм и потребую развода. Правда, я в таком случае снова попаду под власть родителей, но это уже второстепенно.

И это будет исключительно формальный брак. Никаких детей, никаких отношений, помимо дружеских. Зато я получу статус замужней женщины. Буду сама себе хозяйка.

— Не нужно решать прямо сейчас, — мягко заговорил вендаец. — Подумай хорошенько. У тебя есть ещё сутки. Когда приедем в Атракс, тебе лучше уже определиться к тому времени.

Не дожидаясь моего ответа, он повернулся и исчез во мраке.

Глава 6

Я уже бывала в Атраксе два-три года назад, мы ездили в академию, когда Мане, мой второй брат, дошёл со своей группой до межакадемических соревнований. Жаль, призового места им не досталось, но событие было грандиозное и запомнилось надолго. А вот Атракс — совсем нет. Обычный городишко, каких много, ничем не лучше нашего Орейля. Разве что находился южнее, так что если у нас уже начинали желтеть листья на деревьях, здесь ещё царила жара.

Мы с Хеном шли бок о бок по пустынным белым улочкам. В Атракс мы прибыли где-то к трём часам пополудни, и местные жители в большинстве своём сидели дома, прячась от палящего солнца. Одни мы топали в храм, и шаги гулко разносились между белёными стенами.

Я поглядывала иногда на Хена и поражалась про себя: мы вот-вот станем супругами, а он идёт себе как ни в чём не бывало, рожа невозмутимая, аж улыбается слегка.

А я вот до сих пор была не уверена, что поступаю правильно.

Я думала всю ночь и ещё полдня, что мы провели в дороге. Ужасалась, представляя себе реакцию братьев, а потом родителей. Это же какой поднимется переполох. И ведь достанется не только мне, Хену это тоже просто так с рук не сойдёт. Мне бы на его месте было страшно за собственную жизнь. В такие минуты начинало казалось, что мы зря всё это затеяли, я — дура, а Хен — самоубийца.

Зато потом я представляла, что смогу учиться на боевика. Избавлюсь от ненавистного шара, выброшу к Хагосу учебники по теории магии стихий. Вместо этого стану учить то, о чём мечтала всю жизнь. Буду чувствовать себя на своём месте. А родители просто обязаны будут смириться, да и по закону они не смогут ничего сделать. Разве что устроить нам проблемы в Орейле — но кому нужен дряхлый Орейль, если после академии нам откроется весь мир.

В общем, к обеду я устала размышлять, время утекало сквозь пальцы, и, едва мы прибыли в Атракс, как я отозвала Хена в сторонку и сказала, что согласна.

Он принял это с таким же спокойствием, как всегда. Договорились, что он уйдёт первым, а я потом, когда получится сбежать незаметно от братьев. Назначили встречу у ворот рынка неподалёку.

Пока я выжидала, чтобы братья вдоволь намахались мечами и завалились подремать, прошло прилично времени, но Хен

терпеливо ждал на уговоренном месте. И уже успел выспросить, где находится ближайший храм.

Это было невысокое здание с типичной для храма крышей — с загнутыми рожками, чтобы всё хорошее, что дарует нам Нигос, уходило к людям. Постучав в высокую резную створку, мы зашли.

Внутри оказалось неожиданно прохладно. И темно, только у изображений богов горели многочисленные огоньки свечей. Нас встретил пожилой жрец, вежливо спросил, зачем пожаловали, и, получив ответ, без удивления кивнул. Выяснилось, что нужно заплатить небольшую пошлину. Я ойкнула, потому что о деньгах совершенно не думала, но Хен отодвинул меня в сторону и ссыпал монетки в предназначенную для этого плошку.

— Спасибо, — шепнула я ему так, чтобы жрец не слышал. — Потом отдам.

Он смешливо поморщился:

— Уймись.

Я не настаивала, но про себя решила, что отдам обязательно. Это уже второй раз, как он тратит ради меня деньги, а ведь одет он совсем небогато.

Жрец спросил наши имена и записал в огромную книгу. Только тут я впервые услышала полное имя Хена — Хеннай Тайсен. Примерила его на себя. Сатьяна Тайсен. Странно, непривычно, но, пожалуй, не так плохо. Но при мысли, что вот-вот я расстанусь с кланом, с родовым именем, с этим щитом, который был со мной с рождения, меня охватила дрожь. Я сжала руки, чтобы скрыть её, и уставилась в пространство.

Всё нормально, это не навсегда. Это вообще только для проформы. Это не по-настоящему. И это самый лучший выход, так нужная мне свобода. А клан Сантерн известен только в Отрейле, уже здесь о нас никто не слышал, так что не особо много я и теряю-то.

Поверх крепко сжатых ладоней легла рука. Твёрдая, широкая, с выступающими костяшками. Тёплая.

— Волнуешься? — Хен нагнулся к самому уху, и его дыхание пощекотало мне волосы. — Ещё не поздно отказаться.

Насмешка в его голосе меня отрезвила. Ну конечно, сперва согласиться, заставить его заплатить, а потом идти на попятную? Он плохо знает Сатьяну Сантерн. Пока ещё Сантерн.

Я помотала головой.

Хен ещё немного смотрел на меня, потом убрал руку и выпрямился. От исчезновения теплоты его ладони мне снова стало не по себе.

Жрец откашлялся и встал перед нами. Он уже накинул на плечи явно парадную, вышитую золотом мантию. Забубнил

привычную скороговорку: о любви, взаимном уважении, о детях, которым мы дадим жизнь.

Хен снова взял меня за руку, как будто опасался, что я дам дёру. Я не сопротивлялась. Всё же так было спокойнее. Он совсем как будто не волновался, разве что выглядел не в пример серьёзнее, чем обычно. Смотрел прямо перед собой, на горящее алым Око Нигоса на груди у жреца. Рука у него была тёплая и какая-то… уверенная, что ли.

Жрец спросил его, готов ли он взять в жёны Сатьяну Сантерн. Хен громко сказал: «да». Я невольно облизнула губы, когда жрец обратился ко мне. От волнения моё «да» прозвучало на весь храм. Я тут же смутилась, опустила глаза, но жрец ничего не сказал, как будто так и надо. Ну да, точно. Я не первая и не последняя невеста, разволновавшаяся перед алтарём. Правда, жрец не подозревает, чем мы отличаемся от сотен других пар.

— Ваши серьги, — наконец потребовал жрец.

А вот тут я вконец запаниковала. Серьги, конечно! Какая свадьба без свадебных серёг? Всё, конечно, решилось так быстро, но я должна была вспомнить… подумать…

Может, я и правда попыталась бы сбежать из храма, но Хен перехватил меня за плечи, а свободной рукой протянул жрецу небольшую коробочку. Я метнула на него ошарашенный взгляд. Он и об этом позаботился!

В ответ Хен только приложил палец к губам и подмигнул мне.

Жрец шагнул ближе, доставая из футляра длинную золотую иглу.

— Сначала ты, сын мой, — сказал он Хену.

Тот послушно повернулся. Я во все глаза смотрела, как жрец шепнул заклинание и игла засияла алым. Жрец поднёс её к уху Хена. Игла противно заскрипела, проталкиваясь сквозь плоть, но Хен и бровью не повёл. Следом настал черёд свадебной серёжки — слава Нигосу, она была простенькой, всего лишь серебряный шарик. Мой долг перед Хеном увеличился не сильно.

— Теперь ты, дочь моя, — жрец повернулся ко мне.

Теперь я подставила ему правое ухо. Почувствовала укол, но почти сразу боль ушла. Потом вернулась, когда жрец довольно неуклюже вставил в прокол серёжку.

Ничего, перетерплю.

Только я это подумала, как Хен коснулся болезненного места, и неприятные ощущения исчезли. Нуда, он же целитель.

Жрец вернулся на своё место. Благочестиво сложил руки, поднял глаза и произнёс:

— Обменяйтесь поцелуем клятвы, дети мои.

Ох. Об этом я тоже не думала. Почему-то решила, что раз наша свадьба будет только формальной, ничего подобного не потребуется. Но жрец-то об этом не знает. Это же… мне придётся сейчас Хена поцеловать?!

Почему-то нахлынуло смущение, я уставилась себе под ноги и, чувствуя себя деревянной, повернулась к парню. Он такой длинный, как я достану?

Но доставать не пришлось, Хен наклонился сам и поцеловал меня в губы. Это был короткий невинный поцелуй, всего лишь прикосновение, но меня словно окунули в обжигающую лаву, по телу промчалась крупная дрожь. Хен сразу выпрямился, но ощущение чужих мягких горячих губ на моих не исчезало. Напротив, как будто только усиливалось, словно это был не поцелуй, а некая печать, заклеймившая меня чьей-то собственностью.

Я как-то ухитрилась дорасти до семнадцати лет, ни с кем ни разу не поцеловавшись. Драки и игры были, совместные ночёвки в полях (вместе с братьями) были, даже свидания, но ни на одном дело не доходило до поцелуев. Поцелуй Хена стал моим первым.

Я даже плохо запомнила, как мы выходили наружу, как шли назад. Хен тоже молчал, непривычно серьёзный. Только на подходе к заставе сказал, чтобы я возвращалась первой.

Я заставила себя поднять на него взгляд, чтобы не выглядеть совсем невежливой, но от этого смутилась ещё сильнее. Что-то словно изменилось между нами. И неотрывный взгляд Хена тоже пугал и смущал.

— Спасибо, — сказала я, отчаянно надеясь, что голос не выдаст волнения. — До завтра.

— До завтра.

Я юркнула в дом. Слава Нигосу, братья хоть и заметили моё отсутствие, удовлетворились придуманным объяснением: мол, ходила гулять по окрестностям. Серёжку я сняла сразу и запрятала поглубже, к самым ценным вещам. Благодаря целительским способностям Хена ранка сразу заросла, как будто ухо мне продырявили месяца с три назад, не меньше. При необходимости могу достать серьгу и носить, как будто так и было.

Хен вернулся в тот день поздно. Мы все уже легли, в бараке погасили свет, и я притворилась, что сплю. В груди, словно разбуженная змея, ворочался клубок неясного неудовольствия: чем он там занимался? Может, ходил в какие-нибудь злачные места…

Я тут же рассердилась на себя за глупые мысли. У нас простой договор, какое мне дело, даже если так? Пусть ходит

куда хочет, пусть хоть всех девок из весёлого квартала перещупает.

Но когда Хен пробирался мимо, свет уличного фонаря блеснул звёздочкой на серёжке в его ухе, и я разом успокоилась. Словно накрыло мягким пуховым одеялом, стало тепло, а недавняя вспышка ревности показалась глупой.

Не то чтобы это что-то значило, но почему-то меня обрадовало, что он не смущается и явно не собирается скрывать свой изменившийся статус.

Глава 7

На подъезде к академии меня охватило волнение. Хоть я уже и бывала там, на этот раз всё по-другому — я буду там учиться.

Академия была городом в городе. Она находилась на Отрайских землях и имела статус независимости: всех преступников, пойманных на её территории, карали по законам академии. Впрочем, обычные преступники к магам старались не соваться.

Маги тоже наружу выходили нечасто. Не было надобности. Всё необходимое можно было купить или сделать, обменять, взять взаймы и на территории академии.

В центре академии располагался огромный стадион. Там проходили уличные фестивали, там торговали купцы из города в открытые дни и, что самое главное, там устраивали межакадемические бои. Кроме стадиона у каждого факультета и курса (зелья, артефакторика, животноводство) были и свои отдельные тренировочные площадки.

Ещё в академии были общежития для учеников и учителей, три столовых, одна огромная, в главном здании, и по одной в общежитиях, и, конечно, учебные здания, библиотека, целительский центр, торговая улица, где продавалось всё, от необходимых в учёбе предметов до нарядов на зимний бал.

Я не могла сдержать улыбки, когда мы въехали внутрь. Суровые взгляды каменных великанов — охранителей ворот — не оказали на меня ровно никакого воздействия, напротив, я кивнула им, как старым знакомым. В груди пели птицы.

Мечта сбывалась. Я буду здесь учиться! И буду учиться на мастера меча! Я обязательно постараюсь стать лучшей на курсе, ведь я же Сантерн! По крови — всё равно Сантерн!

Телега остановилась на главной площади. Пока молчаливые, затянутые в зелёную форму слуги разбирали наш багаж, старшекурсники быстро разбежались. Лас напоследок щёлкнул меня по носу и велел не унывать.

Я кивнула, хотя унывать и не собиралась. Вот они удивятся, когда узнают, что я учусь вовсе не на стихийника. Что будет потом, я пока думать побаивалась. Ничего, справлюсь.

Хен исчез куда-то ещё раньше. Не прошло и пяти минут, как на главной площади остались одни растерянные первокурсники. Тогда навстречу вышел одетый в зелёное мужчина.

— Добро пожаловать в Академию Трёх Сил! — громко объявил он. — Меня зовут Тейд Нарвин, и я представляю администрацию академии.

Я сжала в кулаке заблаговременно вытащенную из вещей серёжку. Пора. Отвернулась и, пока встречающий выстраивал нас в цепочку, быстро вдела в ухо. Прикрыла волосами, чтобы не заметили раньше времени.

После того, как мы построились, дело пошло быстро. Первый в цепочке подходил к столу, за которым сидел господин Нарвин, и называл своё имя. Тот делал отметку в бумагах и показывал, куда идти: в сторонке, на равном расстоянии друг от друга, стояли кураторы первого курса каждого факультета. Две женщины и мужчина: стихийница, целительница и боевик.

Я с интересом уставилась на них. «Рыбачка» оказалась высокой, стройной, одетой в белоснежный мундир с золотыми лацканами. Её талию обхватывала широкая алая лента, концы которой спускались аж до колен. Целительница была средних лет полноватой женщиной, с причёской по моде тридцатилетней давности, одетая в пышное платье с глубоким вырезом, в котором покоилась обширная грудь. Боевик, мужчина лет сорока, был в полотняном сером тренировочном костюме: безрукавке и коротких штанах.

Мы быстро продвигались вперёд. Наконец настала моя очередь. Сердце вдруг застучало сильнее, так, словно лишь сейчас поняло, что обратной дороги нет. Я глубоко вздохнула для смелости и сделала шаг вперёд.

— Сатьяна Тайсен, — твёрдо сказала я. Твёрдо, но тихо: не хотела, чтобы услышали другие первокурсники.

Секрет мой, конечно, рано или поздно всё равно выйдет наружу. Но мне будет гораздо спокойнее, если это будет происходить постепенно, а не разом перед всей академией. Хену я тоже шепнула, чтобы по возможности не распространялся.

— Сатьяна Тайсен… Сатьяна Тайсен… — господин Нарвин водил пальцем по строчкам.

Я знала, что он там ничего не найдёт, но всё равно, как зачарованная, некоторое время следила за этим движением. Потом увидела своё родное имя. И закорючку «стих» напротив. «Магия стихий».

— Вот, — я ткнула пальцем. — Но тут какая-то ошибка. Я больше не Сантерн. Я вышла замуж, моя фамилия Тайсен. И… я хотела бы просить о переводе на факультет магии меча.

Вот и всё. Я это сказала. Обратного пути нет. Я словно бросилась в бездонную пропасть, и теперь нет другого выхода, кроме как расправить крылья и лететь.

Господин Нарвин озадаченно вскинул брови. Посмотрел в бумаги, потом на меня. Оглянулся на стихийницу, сделал движение рукой, подзывая. Та поспешила к нам. Господин Нарвин

вкратце пояснил ситуацию.

— Как… — сказала она, тоже заглядывая в бумаги. — Прошение пришло от клана Сантерн. Ошибки быть не может.

Я пожала плечами:

— Видимо, письмо с известиями запоздало. Мы поженились совсем недавно.

Стихийница внимательно посмотрела на меня, на серёжку в ухе (я убрала волосы). Нахмурилась. Сказала хорошо поставленным красивым голосом:

— То есть на факультет магии стихий ты идти отказываешься?

Я чуть виновато кивнула. Было неудобно. Но я слишком долго мечтала о том, чтобы стать боевиком, чтобы теперь идти на попятную из-за неудобства.

— Ну что ж, нет так нет. Потом не просись, если передумаешь, — стихийница пожала плечами и отошла.

— Так… — господин Нарвин снова посмотрел в бумаги, потом на меня. — Отойди в сторонку. Сначала разберёмся с остальными.

Я послушно встала в стороне. На меня смотрели, и не только учителя, но и ученики. Любопытные взгляды скользили по коже. Все недоумевали, наверное, что я натворила. Я снова прикрыла ухо волосами, чтобы серьга не бросалась в глаза, и стала терпеливо ждать.

Была ещё одна причина не раскрываться сразу. В академию принимали всех, был бы магический дар, но замужних или женатых учеников почти не было. Негласно считалось, что ты или заводишь семью и занимаешься уже тогда только семьёй, или все силы тратишь на учёбу. Мой случай, наверное, вообще неслыханный: выскочить замуж и тут же приехать учиться вместо того, чтобы обихаживать мужа и рожать детей. А если прибавить ещё и то, что Хен тоже здешний ученик…

Раньше времени становиться мишенью для пересудов мне не хотелось.

Наконец первокурсники, разделившись на факультеты, ушли вслед за своими кураторами, а господин Нарвин поманил меня.

— Пойдём к ректору, — сказал он и, не дожидаясь ответа, быстро зашагал к административному зданию.

Я припустила следом, невольно робея. Что если сейчас скажут, что я должна отправляться домой? Или что у меня недостаточный дар? Или… или ещё что-нибудь непредвиденное, которое разрушит всё.

На подходе к кабинету ректора я накрутила себя так сильно, что порог переступила дрожащими ногами. И обалдела, увидев

внутри Хена. Как быстро его нашли! А ведь я не сказала ни его имени, ни того, что мой муж тоже учится здесь. Или он сам пришёл, предвидев, что меня станут допрашивать?

Хен уже переоделся в здешнюю форму целителей, и она ему очень шла: узкие коричневые штаны, бежевая рубаха, светло-коричневый жилет, подчёркивавший выправку и широкие плечи. На шее висел медальон целителей: рука в незамкнутом круге.

На звук открывшейся двери Хен обернулся. Кивнул, увидев меня. Подошёл и по-свойски приобнял за плечи. Спросил:

— Всё в порядке?

Его внезапная близость и поведение меня смутили. Потом я сообразила: он играет на публику. Изображает влюблённого молодожёна, всё верно. Кивнула и заставила себя расслабиться, прижимаясь к его боку. От Хена довольно приятно пахло, чем-то травянистым и успокаивающим.

Валерьянкой, наверное, фыркнул внутренний демонёнок. Он же целитель.

Ректора звали Шель Магрус, и был он довольно пожилой мужчина. Мне приходилось видеть его и раньше, на межакадемических соревнованиях — но издалека, так, что я даже не узнала бы его, встреть на улице.

Он был одет почти так же, как Хен, как и большинство мужчин в академии, но немного богаче: жилет из тёмно-синего бархата с серебряной вышивкой, штаны тоже, кажется, бархатные, на шее шёлковый платок. Но лицо не легкомысленного щёголя — умное, взрослое лицо привыкшего к ответственности человека.

С определением его специализации я затруднилась. Он мог быть и боевиком, и стихийником. И даже целителем.

Господин Нарвин вполголоса объяснил ректору ситуацию. Тот выслушал, покивал. Посмотрел на нас, но вопрос задал не мне, а Хену:

— Тайсен? Из Вендая? Не родня Тину Тайсену?

— Не совсем, мы из другой ветви, — без запинки ответил Хен.

— Ясно. Кто глава рода?

— Я. Мои родители уже умерли, братьев и сестёр нет.

М-м? А как же бабушка? По рассказам Хена у меня создалось впечатление, что глава рода именно она. И что у Хена обязательно должны быть ещё родственники.

Я, наверное, уставилась на Хена с изумлением. Он поймал взгляд и чуть повёл подбородком, мол, всё потом. Ладно. Не буду мешать. Потом так потом.

— Знак главы?

Хен отстранился и вытянул правую руку перед собой. На

тыльной стороне ладони, как проступающие от тепла чернила, медленно появился незнакомый символ. Я наблюдала за этим с удивлением, которое старалась не показать.

И правда глава. У моего отца тоже был знак на руке, солнце с шипами, знак Сантернов. У Хена был совсем другой, куда более замысловатый, что-то вроде изогнутого змея или ящерицы.

Я метнула быстрый взгляд на его невозмутимый профиль. Синие глаза смотрели спокойно и ясно. А мою душу тяжёлым камнем придавили сомнения. Или нет, не сомнения, а скорее осознание, как мало я всё-таки знаю о человеке, который стал моим мужем.

— Спасибо, теран Тайсен, — ректор кивнул. — Подтверждение достаточное. Итак, вы не возражаете против намерения вашей жены учиться на факультете магии меча?

— Не возражаю.

Ректор снова кивнул и начертил в воздухе замысловатый знак. Едва он закончил, как линии загорелись зелёным, а ректор громко и чётко произнёс:

— Верт, зайди ко мне. Как можно быстрее.

Ух! Сердце быстрее погнало кровь по жилам. Верт Дайрен, бессменный декан боевиков! Я столько слышала о нём от старших братьев, а теперь наконец увижу! И не только увижу, я буду у него учиться!

Ждать нам пришлось недолго. Скоро снаружи послышались тяжёлые шаги, и дверь без стука отворилась. На пороге стоял, все всякий сомнений, он, ар-теран Верт Дайрен. Грузный, широкий, с бычьим взглядом из-под нахмуренных бровей.

— Вот тут на твой факультет хотят, — просто пояснил ректор.

Верт Дайрен обернулся к нам. Скользнул взглядом по мне, как не заметил, уставился на Хена. Поморщился:

— На какой курс? Опыт обучения?

Хен помотал головой, стукнул пальцами по медальону, мол, целитель. Тогда взгляд боевика опустился на меня:

— Девка?! Даром не возьму!

Мой восторг и блаженство как ветром сдуло. Я уставилась на Дайрена, не веря своим ушам.

А тот буркнул — не мне, а скорее в пространство, себе под нос:

— Что толку брать девок, если они потом ноют и просят, чтобы их перевели к «рыбакам» или целителям? Только время зря тратить! Не возьму!

— Я Сантерн!

Когда я опомнилась, то уже выскочила в центр кабинета и

застыла перед боевиком, сжимая кулаки. Со стороны мы смотрелись, наверное, как гора и мышь, но я была полна намерения доказать Дайрену, на что способна. В конце концов, как это так — не взять меня на факультет моей мечты?!

Верт Дайрен остановил взгляд на моих волосах. Выражение его лица оставалось по-прежнему хмурым, но я видела, что мой отчаянный вопль подействовал. Замерла, мысленно обещая Нигосу, что буду очень-очень хорошей, лишь бы…

— Ладно, — наконец пророкотал декан. — Дам тебе один шанс. За мной.

Я чуть не закричала вслух от восторга. Есть! Не знаю, что он потребует, но я обязательно справлюсь. Метнула радостный взгляд на Хена. Тот показал сжатый кулак, мол, молодец, действуй. Поймал за локоть, когда я проходила мимо, и шепнул на ухо:

— Я тебя вечером найду.

Зачем? Хотя ладно, пусть находит, сейчас не до этого. Верт Дайрен удалялся, явно не собираясь ждать меня, и я рысью помчалась за ним следом.

Глава 8

Мы шли довольно долго, декан топал впереди, я бежала за ним, едва успевая на ходу любоваться академией. А любоваться было чем, даже на мой необъективный взгляд. Она располагалась на вершине горы, и здания шли уступами один за другим, напоминая вздыбленный хребет дракона. Сладко пахло капласским жасмином — кустарниками его, покрытыми мелкими жёлтыми цветочками, был усажен весь склон, по которому мы шли.

Народа в академии хватало, навстречу то и дело спускались парни и девушки, некоторые здоровались с деканом, и тогда я с любопытством пялилась на них, потому что это скорее всего были боевики.

Наконец мы добрались до тренировочной площадки нужного факультета. Я почему-то думала, она будет пустовать, но пара десятков человек бегали по кругу — разминка. Братьев среди них я не увидела и мелочно обрадовалась: чем позднее они обо всём узнают, тем лучше.

Рядом с площадкой стояло невысокое одноэтажное здание. Декан завёл меня внутрь. Я поспешно сняла обувь: отполированный пол ясно говорил о том, что грязь здесь недолюбливают.

А широкоплечий парень, корпевший со шваброй на другом конце помещения, ещё и о том, что если кому-нибудь вздумается наплевать на здешние правила, то этот кто-то мигом получит черенком швабры по хребту.

— Ферн, — окликнул парня декан. Он тоже сбросил сандалии и сейчас стоял, крепко упираясь пальцами босых ног в пол.

Парень обернулся.

— Мастер Верт, — отвесил быстрый поклон. Потом с любопытством уставился на меня. — Ух ты, это мне замена? Здорово!

— Рано радуешься. Но если ты обезоружишь её за три минуты, я тебя от отработки избавлю.

Вот оно что. Вздумал проверить меня? Или, скорее, наоборот, хочет, чтобы я сразу поняла, что мне здесь не место. Не тут-то было, декан явно не знаком с девушками из рода Сантерн.

Я окинула парня уже другим взглядом. Оценила рост и вес — не слишком высокий, но довольно жилистый, опасное сочетание. Скорее всего, он на втором или третьем курсе: для первокурсника слишком взрослый, а на последний курс не тянет, да и вряд ли мастер Верт поставил бы против меня четверокурсника, всё-таки

это совсем нечестно.

— Её? — парень, Ферн, тоже ответил мне любопытным взглядом, а потом повернулся к декану. — А она что натворила? Ты вообще кто? — обратился он ко мне. — Первокурсница?

— Все разговоры потом, — скомандовал декан, подхватил со стойки два тренировочных деревянных меча и кинул один мне, другой Ферну.

Я свой поймала сразу, а Ферн отпустил швабру, вытянул руки, спохватился, что швабра падает, попытался словить одновременно меч и швабру и упустил обоих. Я спрятала усмешку. Кажется, моё испытание будет не таким уж и сложным.

— Горе неуклюжее, — декан поморщился и пошёл к выходу. — Оба за мной.

Для поединка выбрали задний двор. Мы с Ферном застыли в разных концах, и декан резко махнул рукой:

— Начинайте!

Одновременно с командой перевернул большие песочные часы, стоявшие там же на столике. Три минуты пошли.

— А, постойте! — вместо того, чтобы направить всё внимание на противника, Ферн вдруг повернулся к декану.

Тот устало вздохнул и снова перевернул часы. Едва высыпавшийся песок начал снова утекать в заполненную часть.

— Я хотел спросить, а магию использовать можно? Или только на мечах? Ну, раз девчонка…

Мастер Верт окинул меня пристальным взглядом, открыл было рот, но я ответила раньше, чем он:

— Можно.

Теперь на меня уставились оба.

— Я тебя и с магией сделаю, — я улыбнулась Ферну и поманила его к себе.

Это была в какой-то мере бравада. Но кровь Сантерн кипела во мне, побуждая делать глупости. Разрешить противнику использовать магию сыграло бы мне на руку, умей я и сама её использовать как следует. А так — я только дала ему козырь, вооружила против себя самой.

Но судя по всему, этот Ферн явно не клановый. Он маг, но не боевик. Вернее, ещё не настоящий боевик. Не впитал этот дух с детства, не знает, каково это — бросаться на противника, когда уже нет сил держать меч, держаться на одном лишь упрямстве, вызывать на бой тех, кто заведомо сильнее и опытнее — и учиться на своих же поражениях.

И в этом боевом духе он мне уже проигрывает. Как и в опыте. Поэтому пусть себе использует любые заклинания — это будет по крайней мере честно.

Лица декана я не видела, а Ферн озадаченно хмыкнул. Пожал плечами, принял стойку и полоснул мечом в воздухе. Полыхнуло синее зарево, и я узнала заклинание, Лас показывал — магическое усиление мускульной силы, выносливости и реакции. Усиление небольшое, но для меня неприятное. Надо действовать с учётом этого.

— Начали!

Поначалу мы оба двигались по кругу, пытаясь оценить противника. Потом Ферн сделал резкий выпад, я легко ушла, предугадав намерение по движениям ног, но сама атаковать не стала. Вместо этого призвала знак «атем», помогающий двигаться быстрее.

Ещё один выпад, ещё одно уклонение, и я поняла, что делать. Ферн слишком сильно раскрывался при нападении. Незащищённый бок прямо вопил: «ударь меня». И когда парень налетел на меня в очередной раз, я нырнула под его руку и коснулась его деревянной планкой меча как раз под рёбрами.

Ферн изумлённо вскрикнул, подался назад, а я, пользуясь его замешательством, ударила в обратном направлении по руке, выбивая меч. Сосредоточила энергию в нужной точке, как учил Лас — удар чистой магической силой. Пальцы Ферна разжались, и меч полетел на землю.

— Конец! — возвестил декан. — Эх ты!

— Как? Что это ты сделала? Покажи? — парень завертел головой. С изумлением стал рассматривать свою руку.

А я вдруг заметила непрошеного зрителя. На заборе, ограждавшем внутренний двор, вытягивала шею белая ласка. Черные глазки блестели любопытством.

— А! — я бросилась за ней. В голове билась одна мысль: «не уйдёшь!».

Да куда там. Ласка изогнулась, словно издеваясь, пробежала по верху забора в непосредственной близости от моих рук, и юркнула вниз с другой стороны.

— Стой! — отчаянно вскрикнула я.

Тщетно, её уже и след простыл. Но что за настырная, наглая тварь! Преследуя меня, добралась аж до академии, прошла сквозь магическую защиту? Ну всё, в следующий раз я обязательно её поймаю, или я не я!

— Эй! Девица Сантерн, — позвал меня декан.

Я обернулась.

Он вразвалку подошёл ко мне и протянул руку. Я послушно вложила в неё меч. Декан принял его, сунул под мышку и некоторое время стоял, покачиваясь на пятках и меряя меня тяжёлым взглядом.

— Значит, так, — сказал он наконец. — Говорю только один раз. Думаю, ты уже поняла: я не делаю различия между девушками и парнями. Если ты учишься у меня — ты боец. Разницу между полами с успехом возмещают магические практики. Так что предупреждаю: будешь учиться у меня — привилегированного положения не жди. Тренировки со всеми наравне.

— Да! Конечно!

Я вытянулась во весь свой небольшой рост. Внутри всё пело и плясало. Он берёт меня! Я буду учиться! А равное отношение — это же именно то, что нужно, о чём я всегда мечтала.

— Завтра с утра. Тренировка в семь. Опоздаешь — пеняй на себя.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и пошёл в здание. Ферн нагнал его и стал что-то говорить. Они быстро исчезли внутри.

Я проводила их взглядом, оглянулась ещё раз на забор, но ласки там больше не было.

Нет так нет. Тогда пойду в административное здание, узнать, куда меня поселили.

И тут я заметила на земле меч Ферна. Забыли унести. Подняла, повертела в руках, сделала пару взмахов и выпадов. Надо вернуть.

Но когда я заглянула в помещение, куда ушли декан с Ферном, то услышала голоса. Сперва Ферна, жалобный:

— Нехорошо вы со мной поступили, мастер Верт! Привели какую-то львицу, а я уж поверил, что избавить от отработки решили.

И потом голос декана, неожиданно добродушный:

— Да я не ожидал даже, что она станет сражаться, не то что сможет тебя обезоружить. Думал, сбежит, поджав хвост. Но нет, девка знает, чего хочет. Сразу видно кровь Сантерн.

— Она Сантерн? — Ферн негодующе застонал. — Ну вот, я-то думаю!

Ох! Надо сказать декану, чтобы не распространялся о моём происхождении. Но вламываться вот так посреди их разговора обо мне было неудобно. Как и продолжать подслушивать. Я осторожно прислонила меч к стене и юркнула наружу.

Ничего, подожду где-нибудь здесь. Поищу, куда могла подеваться ласка.

Но едва я шагнула в сторону забора, как из помещения вышел декан. Кивнул мне уже без того пренебрежительного выражения на лице и стремительно зашагал прочь. Я побежала за ним.

— Ты хочешь скрыть? — удивился декан, выслушав мою просьбу. — С твоей шевелюрой это тебе вряд ли удастся.

— Ну… мало ли. Разве что те, кто знает Ласа или Вейса, поймут. Вряд ли мы ещё где-нибудь известны, кроме Отрейля.

— Как знаешь, — он пожал плечами. — Будь по-твоему.

Отлично. Теперь Ферн.

Поклонившись декану, я помчалась в здание. Постучала по косяку, чтобы не напугать, и заглянула. Ферн уныло возил шваброй по и без того чистому на вид полу. Увидев меня, встрепенулся.

— Привет, — неловко начала я. — У меня одна просьба, немного странная. Не говори, пожалуйста, никому, что я Сантерн. Я тут под другим именем, есть причины.

Он помедлил, а потом расплылся в улыбке:

— Конечно. Но взамен с тебя одна услуга.

— Какая? — я невольно напряглась.

И чего же ему надо? Может, хочет, чтобы я научила его приёму, который использовала против него? В принципе, дело нетрудное, могу и научить.

Но Ферн сказал нечто совсем неожиданное:

— Ты сходишь со мной на свидание, — и глаза его хитро заблестели.

Я чуть не поперхнулась. Свидание?! Вот так вдруг?

Невольно посмотрела на него по-другому, уже не как на потенциального противника или старшекурсника, которого надо уважать, а как на парня, которому я, кажется, понравилась. А он мне?

Ну, вообще говоря, он был… обычный. Не слишком высокий, но крепко сбитый, широкоплечий, с открытой улыбкой на веснушчатом лице. Нос длинноват, но ему даже идёт.

С другой стороны, и мой Хен вполне себе обычный.

Мой Хен? Мой? Это с каких пор я думаю о нём как о своём? У нас вообще-то договорный брак, никто никому ничего не обещал, Хен просто помог мне, мы с ним не встречаемся.

Почему-то все эти мысли рассердили меня, и я брякнула:

— По рукам.

— Правда? Здорово! А когда? Давай в следующий день солнца?

До дня солнца было ещё четыре дня, так что я с лёгким сердцем согласилась. И поспешно сбежала, потому что Ферн явно вознамерился продолжить так удачно начавшееся знакомство, а мне ещё нужно было выяснить, куда меня поселили, и отделаться от всех остальных формальностей.

Но мысли нет-нет да и возвращались к Ферну и его неожиданному приглашению. Свидание!.. Хорошо начинается учёба.

Интересно, что сказал бы Хен, если бы узнал?
Впрочем, он не узнает. А если и узнает, ему всё равно.

Глава 9

Первый день в академии пронёсся быстро, как дуновение ветра. Я отметилась в деканате, получила расписание и список необходимых вещей, ужаснулась тому, что у меня нет и половины, ведь мама рассчитывала, что я буду учиться на факультете «рыбаков». Бегая по лавкам, выяснила, что денег хватит только на всякие мелочи вроде наколенников и налокотников.

Уже хотела было отчаяться, но тут мне улыбнулась удача: вышло продать магический шар и ещё несколько ненужных вещей одной растерянной стихийнице с первого курса. Вырученных денег кое-как хватило на самое необходимое. Правда, я опять осталась без гроша.

Зато выяснила наконец, где буду жить. Мне отвели маленькую комнатку под самой крышей, на пятом этаже женского общежития — первокурсников традиционно селили на самом верху. Маленькую, с довольно бедной обстановкой — но я осталась довольна. Физических нагрузок я не боялась, а вид с пятого этажа открывался просто чудесный. Я даже поужинала на скорую руку (хорошо, что кормили нас бесплатно, иначе пришлось бы голодать), заныкала пару пирожков с мясом и помчалась обратно к себе, любоваться, как солнце уходит за гору, как медленно опускается фиолетово-синяя ночь и как территории академия далеко внизу словно покрываются огненными прожилками уличного освещения.

И тут в дверь постучали.

Я вскочила с подоконника. Почему-то испугалась, что это Лас или Вейс, хотя Лас уже забегал пару часов назад, узнать, как я устроилась. Но вдруг до них уже дошли слухи?

Но когда я нерешительно выглянула за дверь, то за порогом обнаружила Хена. Он с улыбкой протянул корзинку с крышкой:

— Привет. Можно к тебе?

— Заходи, — я посторонилась. Вдруг растерялась: совершенно забыла, что он обещал вечером найти меня. Надо же, и правда нашёл. И пустили же в женское общежитие!

Хотя… он ведь теперь мой муж.

Я представила, как он просит разрешения у главного в общежитии, объясняет, что хочет увидеться с женой, и почувствовала, как кровь прилила к лицу.

Потом вспомнила, как растерянно извинялась женщина в административном блоке, что в академии не предусмотрено совместное жильё для семейных пар. У нас брак был фиктивный,

так что я даже обрадовалась. А вот о том, что Хен, как мой супруг, всё равно будет вправе зайти ко мне в любое время дня, не подумала.

— Я смотрю, ты вовсю обустраиваешься, — раздался голос с нотками явной насмешки, и я отмерла.

Кинула взгляд на комнату и увидела её так, как увидел бы вошедший впервые: узенькую клетушку, куда едва вмещались кровать, шкаф, письменный стол и стул, причём последние двое были полностью завалены вещами. Я как раз пыталась навести порядок, выпотрошила из сундука и баулов всё, чтобы понять, что куда и каким образом запихивать, и теперь это всё громоздилось огромными неряшливыми кучами. Хену даже некуда было сесть.

— Ох, сейчас!

Я кинулась освобождать стол, поставила мешавшую корзинку на кровать, хотела было сгрести в охапку тряпье и хотя бы просто запихнуть в шкаф, но Хен меня остановил.

— Не суетись, посижу на полу, — и, едва успев договорить, сел, ухитрившись уместить свои длинные ноги в узком проёме между кроватью и шкафом. Потянулся к корзинке, открыл крышку и достал оттуда пузатую бутыль, а потом завёрнутые в бумагу… бутерброды? Которые источали умопомрачительный запах свежей выпечки, маринованных огурчиков, помидоров и засунутых между двух половин булочек котлет.

Позабыв о том, что только что ужинала, я протянула руки навстречу бумажному кульку:

— Где ты это достал?!

В столовой такое точно не подавали.

Хен только ухмыльнулся — уже с набитым ртом. Он ел быстро, откусывая огромные куски, но при этом очень аккуратно, подбирая губами вытекающий мясной сок. А я вот сразу заляпалась помидором, зашипела, негодуя на собственную неуклюжесть, а потом плюнула на всё: отстираю! — и дальше ела спокойно.

Вкусно было так, что я чуть не проглотила язык. И явно приготовлено только что. Может, Хен ограбил преподавательскую столовую? При взгляде на его хитрую физиономию в это легко было поверить, но мне почему-то казалось, если я спрошу, он будет отпираться до последнего.

В бутыли оказался виноградный сок. Правда, тут возникла небольшая накладка: у меня была только одна кружка.

— Можно налить в тарелку, — растерянно предложила я.

— И хлебать по-собачьи, — подхватил Хен. — Отличный вариант, мне нравится. Давай сюда, раз я всё равно на полу. Можем сделать вид, что я твой цепной пёс, — он улыбнулся, а у

меня вдруг захватило дух от его синих глазищ под белой чёлкой, от этого взгляда снизу вверх, от брошенного невзначай: «я твой цепной пёс».

Может, только поэтому я брякнула ни с того, ни с сего:

— Я о тебе ничего не знаю.

Хен и бровью не повёл. Только улыбнулся снова:

— Узнай.

Опять от какого-то странного смущения перехватило дыхание, бросило в жар. Голова шла кругом. То ли от того, что мы с Хеном совсем наедине, так близко, вокруг тишина, только за окном чуть слышно стрекочут какие-то насекомые да тёплый ветер шевелит занавески. То ли просто от осознания, что на полу в моей маленькой комнатушке сидит высокий симпатичный парень, опирается о кровать одной рукой, смотрит чуть насмешливо снизу вверх. А в ухе поблёскивает серёжка. И не просто серёжка, а парная с моей, то есть это не просто парень, а вообще-то мой муж. И как бы имеет право тут находиться.

Тут мысль прыгнула на то, что подумал, наверное, хранитель общежития, когда пропускал Хена наверх. Чем же мы можем, по его мнению, тут заниматься.

Смущение стало совсем непереносимым, у меня запылали, наверное, даже уши. Я встала и отошла к окну, притворяясь, что хочу закрыть. Ветер немного охладил разгорячённое лицо.

Слава Нигосу, Хен, кажется, ничего не заметил, потому что не отпустил никакой сомнительной шуточки. А я, полюбовавшись ночным пейзажем, наконец успокоилась и вернулась на кровать. Забралась с ногами — мама ругала меня, объясняла, что воспитанные ар-теранны никогда так не делают, но теперь, благодарение небесам, мама далеко.

Хен в это время задумчиво попивал сок из тарелки. Держал он её элегантно и как-то не по-нашему, не так, как обычно держат тарелки — поставил на три пальца и подносил к губам. Я даже зависла на какое-то время, наблюдая за ним. Потом вспомнила и вернулась к допросу:

— А сколько тебе лет?

— Двадцать, — ответил Хен невозмутимо, словно в разговоре и не было никакой паузы.

— Ты правда из Вендая?

— Почему такой вопрос? — по его лицу прошла тень. Как будто ему стало неприятно.

— Просто спросила, — я пожала плечами. — Никогда не была там. Говорят, все вендайцы держатся наособе, у них свои обычаи.

— Преувеличивают. Вендайцев полно во всех землях Морвенны. Уверен, у ваших, у боевиков, тоже человек пять-шесть

найдётся.

Я кивнула. Было сложно сосредоточиться, взгляд плавал, цеплялся за всякие мелочи. За широкое запястье с низками оберегов, расслабленно лежащее на покрывале, совсем рядом. За согнутую в локте другую руку, упирающуюся в колено. Скользил по крепкой шее в приоткрытом вороте, испуганно касался линии ключиц и снова улетал. Зачем всё же Хен предложил мне эту свадьбу? Что за цель он преследует?

— Ты и правда глава рода?

Вопрос вырвался сам собой. И стоило ему прозвучать, как я напряглась, как будто боялась услышать в ответ ложь. Запуталась в своих ощущениях. Мне хотелось ему верить.

— Да. Формально, — Хен тихо усмехнулся. — На самом деле всем заправляет бабушка.

Формально глава. Формально, как наш брак. Кажется, Хену не в новинку такие вещи.

— А как же другие родственники? Или у тебя никого нет?

Я сама не знала, почему расспрашиваю. Как будто экзаменую его. Какая мне разница? Но почему-то вопросы сами прыгали на язык.

А Хен отвечал, будто так и надо. Смотрел на меня загадочным синим взглядом, доброжелательно и спокойно, и рассказывал:

— Родственников полно. Но мой отец был старшим сыном бабушки, поэтому я и стал главой официально. На самом деле у меня есть и двое дядек, и тётя. И это только кровники, не считая жён и мужей. Ну и мелкоты полно, конечно. Но если бы я всё это стал рассказывать ректору, последовали бы новые вопросы, он стал бы сомневаться, как ты. А так он пошлёт официальный запрос в Вендай, выяснит, что я сказал правду, и успокоится.

— Я не сомневаюсь, — пробурчала я, хотя что было толку отрицать, раз уж Хен всё равно заметил.

— Как первый день на любимом факультете? — вдруг спросил он, словно устал говорить о себе. — Было что-нибудь интересное?

— Да нет… — я невольно отвела глаза, потому что его взгляд стал вдруг очень пристальным и острым. — Ничего такого.

Глава 10

— Ясно, — Хен улыбнулся — вроде бы как всегда, но мне стало неудобно и неловко, что приходится ему врать. — Кстати, не хочешь выбраться в город в день солнца? Посмотреть, погулять.

Ох! В какой-то долгий миг я пыталась совместить в сознании свидание с Ферном и вылазку с Хеном — и всё в один день. Зачем я вообще согласилась на это дурацкое свидание? Только от неожиданности. Но теперь из-за этого придётся отказать Хену, да ещё и не называя причину. Не то чтобы я боялась, что он будет против, просто вообще не хотелось, чтобы он знал. Само свидание с Ферном не вызывало у меня никакого волнения или радостного предвкушения.

— Я не могу, — смотреть в глаза и лгать я не осмелилась, отвернулась и забормотала, желая провалиться сквозь землю. — Тренировки… надо войти в форму… хочу ещё над учебниками посидеть. И денег нет на развлечения…

Я кожей чувствовала взгляд Хена, но он не стал меня упрашивать. Зато и о другом не заговорил. Лёгкость куда-то ушла, мне сделалось не по себе, молчание угнетало.

Хен, похоже, тоже это почувствовал.

— Ладно, я пойду, наверно, — он поднялся. Не дожидаясь ответа, направился к двери.

— Ой, постой! — я вспомнила уже тогда, когда он положил ладонь на дверную ручку.

— Я хотела попросить…

Хен обернулся. Я выпалила, пока смелость меня не покинула:

— Сними, пожалуйста, серёжку. Ну… я бы не хотела, чтобы все знали.

Моя логика была очень простой. Хена непременно увидят в моей компании. Будет выглядеть очень странно, если я стану постоянно общаться с женатым парнем. А серьга всё-таки привлекает внимание. Очень быстро разнесутся слухи. Я не чувствовала в себе достаточно моральных сил, чтобы оказаться мишенью пересудов всей академии.

Воспользоваться фиктивным замужеством, чтобы попасть на факультет меча — на это смелости у меня хватило. А постоянно играть роль замужней — об этом я не думала и оказалась не готова. Хотелось чего-то вроде отсрочки. Да и для Хена так безопаснее, будет меньше ненужных вопросов.

Хен остался невозмутимым, как всегда. Потянулся к уху, кивнул:

— Да, конечно.

Сразу снял серьгу и небрежно сунул в карман. Так, словно это ничего для него не значило. Я упрекнула себя: сама же попросила, так чего расстраиваться?

Из чувства смутной вины я вышла из комнаты вслед за ним. Думала проводить до лестницы или даже до выхода из общежития. Но Хен вдруг обернулся, хитро блеснул глазами и привлёк меня к себе. Лицо его оказалось совсем рядом, так, что я полной грудью вдохнула его запах, а щеки коснулось пахнущее сладковатым виноградным соком дыхание. Я застыла, сердце подпрыгнуло к горлу, стало нечем дышать. Мысли испуганно заметались в голове: что он делает? Зачем это? Я что-то не так поняла?

В следующий миг Хен поцеловал меня — в щёку, но прижав меня к себе так тесно, что со стороны наверняка казалось, будто это страстный поцелуй. Прикосновение мягких губ обожгло, как клеймо, незаметная на взгляд щетина царапнула кожу. Хен почти сразу отпустил меня, но я, ничего не соображая, так и застыла на месте, уставившись на него широко раскрытыми глазами.

— Увидимся, — он улыбнулся и сбежал по лестнице вниз.

Я осталась одна в коридоре, на глазах десятков свидетелей. Вернее, свидетельниц.

Близился час сна, и народу в коридоре было полно. Девчонки сновали туда-сюда по коридору с тазами, полными умывальных принадлежностей, с полотенцами на головах, кто-то громогласно жаловался, что ничего не знает, не умеет и вообще хочет домой. И всё это теперь замерло и застыло.

Мало того, что на этаже откуда ни возьмись на этаже оказался парень, так ещё и устроил представление — с поцелуями у всех на глазах.

Я очутилась под перекрестьем девичьих взглядов. Кто-то присвистнул, кто-то испустил продолжительное: «О-о-о», кто-то пренебрежительно фыркнул. Одна из девчонок, самая смелая, тут же атаковала меня расспросами:

— Ого! Кто это? Твой парень? Заходил в гости?

— Что-то вроде, — процедила я сквозь зубы, чувствуя, как смущение сменяется чем-то похожим на злость. По большей части на Хена — он ведь специально это сделал! Но в какой-то мере и на себя саму: обалдела, как деревенская простушка, впервые попавшая на ярмарку. Чуть рот не раскрыла от удивления. Вот он ржёт, наверное, вспоминая моё лицо!

Зачем он вообще это сделал? Тем более после того, как я попросила его снять серёжку. Как будто решил по-другому показать, что мы вместе. Но мы же не вместе!

— Обалдеть, дурищ развелось, едва из люльки выползли, сразу в койку прыгают. Ещё и здесь, в общежитии. Постыдилась бы!

Резкий злой голос ещё раньше, чем полные яда слова, заставил меня вскинуть голову. Взгляд сразу нашёл говорящую: маленькая длинноволосая блондинка с медальоном целителей на груди. Она смотрела на меня с презрением, губы кривились.

Я ничего не ответила, хотя внутри полыхнул гнев. Не пришло в голову, как можно осадить. Парня я бы вызвала на дуэль или просто ударила бы. А с девчонками… я вообще не привыкла иметь дело с девчонками — не бить же её?

Целительница язвительно улыбнулась, видя, что я молчу. Развернулась, взмахнув тяжёлой густой косой. Я не выдержала, ринулась вперёд, перехватила её за эту тугую косу, сильно дёрнула. Вокруг заохали.

— Что ты делаешь?! — завизжала девчонка.

— Ещё раз вякнешь что-нибудь про меня в таком духе — пеняй на себя, — прошипела я в искажённое страхом и злостью личико. Оттолкнула от себя, подождала немного, но девчонка не проявила желания напасть. Наоборот, съёжилась, только глаза блестели ненавистью. Зато язычок она прикусила.

Так ничего и не дождавшись, я пожала плечами и пошла прочь. Не к себе, а в умывальные: хотелось ополоснуть лицо холодной водой. Внутри всё ещё кипело. Сейчас бы меч — и попрыгать вокруг пугала, как дома.

— Бешеная! — дождавшись, когда я окажусь в другом конце коридора, целительница крикнула мне вслед. — Я на тебя хранителю пожалуюсь, вылетишь отсюда в два счёта!

— Держи карман шире, — проворчала я себе под нос.

Зря я так, конечно. Надо было поступить, как мама — облить презрением, вскинуть нос, хорошо поставленным голосом сказать завуалированную гадость. Но я выросла с братьями и сначала привыкла действовать кулаками, а потом уже соображать, как это выглядит со стороны.

Ладно, пусть её. Может, я и обзавелась врагиней, но с такой, как она, я бы и так никогда не смогла бы подружиться.

В умывальне слышался шум воды: кто-то принимал душ. Зеркала чуть запотели, я провела рукавом, стирая конденсат. Открылось моё лицо — отстранённое и спокойное, хотя на душе было далеко от покоя. Только виновата в этом была не глупая целительница, а Хен.

Когда он потянулся ко мне, у меня аж кровь в жилах застыла. Не от ужаса, а от волнения. Я действительно подумала, что сейчас он меня поцелует. А он… он только издевался.

Входная дверь неожиданно открылась, и я напряглась: сейчас как ворвётся целительница и как вцепится мне в волосы. Но зашла высокая незнакомая девица с короткой стрижкой. Шевелюра у неё была белая, как снег, и у меня ёкнуло сердце: показалось, что вернулся Хен. Девушка пристроилась рядом со мной, открыла кран и начала мыть руки. Я отвернулась, и тут она сказала:

— А ты молодец. Не ожидала, что ты её так осадишь. Ты с какого факультета? «Рыбачка»?

— Меч, — коротко ответила я.

Странно. Сама я не чувствовала ни гордости, ни удовольствия, но сейчас, когда незнакомка одобрила мои действия, на душе всё равно стало легче.

— Да ну? Серьёзно? — девушка выпрямилась, смерила меня удивлённым взглядом.

— Тогда приятно познакомиться. Лидайя Венелан, — протянула руку. — С этого года первокурсница магии меча.

— Да ну, — настал мой черёд удивляться. Она выглядела как минимум третьекурсница. А она, оказывается, моя одногруппница.

Мы сразу разговорились. Выяснилось, что она уже три дня как приехала и успела тоже сцепиться с задевшей меня целительницей.

— Характер дрянь, — коротко охарактеризовала её девушка. — Она, кажется, клановая, привыкла, что вокруг неё все ходят на цыпочках. Уже нашла себе пару подпевал здесь.

Вот оно что. Я кивнула, но долго задумываться о целительнице не стала. Вместо этого поинтересовалась:

— А ты не из Вендая?

— Да, — ответила она обрадованно. — Как ты угадала? А хотя… — она взлохматила волосы со смехом. — А твой? Не оттуда?

Я кивнула, и она весело сообщила:

— Я так и подумала! Земляка везде узнаешь. А ты быстрая! Только приехала, а уже парнем обзавелась?

Я помотала головой:

— Мы раньше познакомились, до академии.

— А-а, — понимающе кивнула она. — Тогда другое дело.

Слово за слово, и мы разболтались, я рассказала ей всё, что смогла, не вдаваясь в подробности. И что сама я из Отрейля, и что познакомились мы в нашем городе, и что Хен учится на целителя, на третьем курсе. В ответ узнала, что Лидайя старшая в семье, что у неё есть младший брат, который тоже спит и видит, чтобы стать боевиком, что боевиком был и их отец, но погиб на

службе, когда Лидайя с братом были совсем маленькими. Что парня у неё нет, но она очень надеется встретить кого-нибудь в академии. А потом, если повезёт, ездить с ним одной группой, уничтожая тварей.

Ложилась спать я довольная: обзавелась не только врагом, но и подругой. Кажется, жизнь в академии обещает быть насыщенной. И только две мысли омрачали радость: что я слишком завралась и что Хен мог на что-то обидеться.

Глава 11

Впрочем, уже на следующий день я обо всём забыла. Учёба захватила меня полностью, я вставала в семь утра, умывалась, завтракала припасённым с вечера и бежала тренироваться. Поутру и зал, и площадка обычно пустовали, и никто не мешал мне выплясывать до седьмого пота. К девяти я бежала назад, в общежитие, на скорую руку принимала душ, завтракала второй раз и мчалась уже на лекции — они проходили в главном здании.

Лекций хватало: от сугубо наших, специализированных — об организме человека и оружии, тактики и стратегии, необходимых для боевика заклинаниях, до общих, которые слушал весь поток: противодействие тварям, изучение их слабых мест, история мира и Морвенны, защитные, вспомогательные, усилительные схемы и так далее.

Время после обеда было отведено тренировкам, и мне очень повезло в том, что тренировочные площадки были для каждого курса отдельные, иначе и Лас, и Вейс непременно обнаружили бы среди первокурсников знакомую макушку.

К слову о первокурсниках — в первый же день, когда нас собрали вместе, я поняла, что на курсе всего четыре девушки. Причём и девушки эти все, кроме меня, были как на подбор: высокие, сильные, подтянутые, как Лидайя. Я, конечно, тоже на конституцию не жаловалась, но роста оказалась самого маленького, и даже тренировочный меч мне подобрали с трудом (а Сорванца приносить запретили).

Декан, как и обещал, не давал нам спуску. Вернее, не сам декан, потому что пока он не вёл у нас ни лекций, ни практических занятий, — а другие преподаватели. Впрочем, благодаря тренировкам с детства практика давалась мне без усилий, а с лекциями помогала Лидайя.

И, кстати, я отказалась от свидания с Ферном. На следующий же день, когда он снова уныло возил шваброй по полу в зале, отрабатывая своё наказание. Сообщила, что не могу пойти, что у меня есть определённые обязательства, извинилась, что не сказала сразу. Он воспринял всё совершенно спокойно, не стал шантажировать, что раскроет мой секрет, ответил только:

— Да? Жаль… Ну ладно, не беда. Спасибо, что сказала, а не просто не пришла.

Улыбка делала его простецкое лицо очень милым, и я даже немного пожалела, что он не вызывает во мне совершенно никакого интереса.

Зато с сердца свалился большой и тяжёлый камень. Всё же я

чувствовала смутную вину перед Хеном, хоть нас ничего, кроме договора, и не связывало. Теперь при встрече я бы с удовольствием сообщила, что на день солнца у меня никаких планов нет. Вот только с тех пор, как он ушёл, поставив наш этаж на уши, я ни разу его не видела. Пару раз даже в мужское общежитие заглядывала, но Хена там не застала.

Зато загадочную белую ласку я встречала постоянно. И каждый раз она сбегала от меня, издевательски помахивая белым хвостом. Могла остановиться на полпути, подпустить поближе, чтобы рвануть с места или прыгнуть в совершенно неожиданную сторону, или нырнуть в узкую щель и пропасть с концами.

Я пробовала приманить её, носила с собой завёрнутую в пять слоёв бумаги куриную ножку, но ласка только присела на задние лапки, вытянув шею, и наблюдала за мной с явным ехидством на узкой мордочке. Не подошла вообще ни на шаг, и даже когда я плюнула на попытки поймать её, просто оставила на бумаге развёрнутую куриную ножку и отошла далеко-далеко, — всё равно есть не стала.

Вместо этого, негодяйка такая, пустилась за мной вприпрыжку, промчалась мимо белой молнией и шмыгнула в щель в заборе. Я бы даже не удивилась, если бы при этом послышался тихий язвительный смех.

Заподозрив, что это какая-то тварь, я измочалила до дыр справочник в библиотеке, но ничего похожего там не нашла. Если ласка и была тварью, то совершенно неизвестной науке.

В общем, всё шло своим чередом, пока я не подслушала разговор наших парней в раздевалке.

Обычно я принимала душ и переодевалась у себя в общежитии. Хоть при тренировочных площадках и были свои душевые, после тренировок они всегда были набиты битком, так что я предпочитала пробежать пол-академии, зато помыться тихо и спокойно. Ну и ещё одна причина была в том, что душевые были общие, то есть не делились по признаку пола.

Я и в этот раз собиралась поступить точно так же, но, проходя мимо полураскрытой двери, услышала свою фамилию. Свою новую фамилию, Тайсен.

— …лезет повсюду, — следом донёсся обрывок фразы.

— Проучить бы её, — протянул кто-то мечтательно — и слова потонули в гоготе нескольких глоток.

Я резко развернулась. Это что ещё за собрание кумушек у колодца?

Ну да, за пару недель я ухитрилась войти в число первых на курсе. По физподготовке входила в первую пятёрку, полосу препятствий тоже часто одолевала первой. Но я не задирала

нос… или, по крайней мере, не замечала за собой подобного.

Похоже, парням просто не понравилось, что они проигрывают девчонке.

— Говорят, она клановая? — спросил кто-то ещё.

— Вроде нет, не слышал о таком клане боевиков.

— Тогда незаконнорождённая, наверное. Какой-нибудь клановый заделал дочурку на стороне.

Посыпались согласные возгласы: «О! Точно! Запросто!»

— Наверняка так и есть, — подытожил кто-то один. — Уж слишком выделяется. Среди неклановых только разве что Карин её сделает.

Карин… Перед внутренним взором встало лицо черноволосого зеленоглазого парня. Да, и правда. Он тоже с завидным постоянством занимал места в первой пятёрке. Что особенно меня раздражало — Карин и на мечах дрался отлично, и из лука стрелял как прирождённый лучник. Пожалуй, я превосходила его только в знании разных заклинании и умении их вовремя использовать.

— Не, она правда заслуживает урока. Гонору у неё много слишком. Может, подловим её после уроков? Припугнём.

Эта идея поддержки не встретила. И слава Нигосу. Похоже, умение соображать — а может, хоть какое-то понятие о чести — моих сокурсников ещё не до конца оставило.

Тем не менее я не собиралась спускать им это с рук, делать вид, что ничего не слышала, и впредь вести себя тише воды ниже травы. Глубоко вздохнула, выдохнула — и решительно зашла внутрь.

Человек семь. Все середнячки, кажется. Увидев меня, замолчали. Некоторым стало не по себе, отводили взгляд, встречая мой, упорный и недобрый. Остальные внаглую пялились, выжидая, как я поступлю.

— Кто тут хотел меня припугнуть? Есть смельчаки? — громко поинтересовалась я. — С любым выйду на дуэль на настоящем оружии, до первой крови. Магия по желанию.

О, этого они не ожидали. Смутились, кое-кто даже и испугался, похоже. Ещё бы: тут многие настоящее оружие вообще в руках не держали. Все тренировки на деревянных мечах, вся надежда на магию. Чтобы сражаться на железе, да ещё до первой крови, надо не бояться, что кровь прольётся твоя.

Теперь, встречая мой взгляд, глаза опускали почти все. Все понимали, что не справятся со мной, никому было неохота позориться. Я уже уверилась в своей моральной победе (как просто!), когда одного из стоявших передо мной толкнули в плечо, тот посторонился, и вперёд вышел один парень.

Карин, чтобы его взял Хагос.

Он, оказывается, тоже здесь был. Сидел в углу тихонечко. Или не тихонечко? Я ещё не выучила голоса всех своих одногруппников, может, и он участвовал в обсуждении.

А вот это уже нехорошо. Карин серьёзный противник.

Я невольно подобралась, следя за его движениями. Но Карин просто встал передо мной, уцепившись большими пальцами за пояс, обманчиво спокойный и равнодушный.

— А давай, — сказал он с явными нотками превосходства. — Кто проиграет, выполняет желание выигравшего. По рукам?

И протянул ладонь, сволочь такая.

Я сузила глаза. Вот мы и выяснили, кто самый явный претендент на роль лидера у нас в группе. Карин, который первый среди неклановых, а значит, достоин вести за собой всех остальных.

Это мы ещё посмотрим, кто тут первый.

Цепочка мыслей пролетела в мгновение ока. Я решительно пожала протянутую руку:

— Отлично. Давай сразу сейчас и разберёмся.

Дуэль на желание меня вполне устроит. Я даже уже знаю, что загадать. Осталось только победить.

Мы вышли наружу, всей небольшой толпой. Сражаться решили на тренировочной площадке — если Хагосовы твари принесут некстати какого-нибудь учителя, сделаем вид, что отрабатываем движения.

Карин свысока бросил, что против использования магии не возражает. Если честно, я этому обрадовалась. Карин не неуклюжий Ферн, тут магия станет форой мне. Сейчас я уже знала, что Ферн всего лишь второкурсник, и на курсе один из самых отстающих. Неудивительно, что я так легко его победила. С Карином так не получится.

Правда, возникла небольшая загвоздка с оружием. В подсобке для первого курса хранилось только деревянное, им кровь пролить можно разве что если расколоть и воткнуть в противника щепку. Но кто-то вызвался сбегать к старшим и одолжить у них — и минут через десять вернулся с одинаковыми тренировочными мечами с острой режущей кромкой.

Взвесив свой в руке, я поморщилась. Для меня тяжёлый и слишком длинный. Придётся больше энергии вложить в силу и выносливость. Быстротой и мощью атаки пожертвуем.

Мы разошлись. Атмосфера незаметно переменилась. Если раньше я была одна против толпы, то ли изгой, то ли жертва, то сейчас я стала её частью. Конечно, симпатии большинства всё равно были на стороне Карина, но половина зрителей примерно с

тем же интересом и удовольствием посмотрят, и как я его гоняю. А кто-то, может, втайне будет болеть именно за меня.

В принципе, даже если я сейчас проиграю, всё равно уважение завоюю. Девчонка — а не побоялась кинуть вызов, сразиться на мужском поле. На самом деле я на этом поле с детства сражаюсь, и оно куда роднее для меня, чем ядовитый рассадник змей в юбках, но мои однокурсники об этом не знают.

Но проигрыш значит, что Карин обойдёт меня на пути к месту лидера в группе. Это меня не устраивало. Не то чтобы я всерьёз претендовала сама на это место, но что-то внутри в голос кричало, что надо проучить этого зазнайку.

— Начали! — крикнул кто-то, и мы с Карином одновременно пришли в движение.

Шагнули по кругу, обнажив мечи. Каждый сверлил другого глазами, пытаясь предугадать. Но это только начало — вот сейчас Карин сделает что-нибудь, чтобы вывести меня из себя.

Только я подумала об этом, как он ухмыльнулся и поманил меня левой рукой:

— Давай, детка.

Хотя я и была готова, внутри всё равно вспыхнула ярость. Захотелось загнать эти слова ему назад в глотку. Но я постаралась не выдать этого, только зеркально усмехнулась в ответ:

— Спокойно, малыш.

Ага, теперь в зелёных глазах полыхнула молния. Карин заткнулся и собрался.

А в следующий момент исчез.

Я соориентировалась буквально за миг до того, как он вновь появился — позади меня, и успела поставить барьер. Меч со звоном ударился о преграду, высек искры. По телу прошёл лёгкий холодок: Карин бил всерьёз. Конечно, даже если бы я не успела вызвать барьер, меня бы защитили магические доспехи — но поранить меня он бы мог.

Что ж, раз так, и я не буду рассусоливать.

Вложившись в усиление, я оттолкнула его. Он умело превратил инерцию толчка в прыжок, отскочил, снова пошёл по кругу. Я следила, ожидая новой атаки. Сама атаковать не собиралась: он куда быстрее и легче сейчас, с лёгкостью уйдёт из-под удара, зато я неприятно раскроюсь.

Карин снова исчез, но второй раз застать меня врасплох у него не вышло. Я подловила момент, когда он возник, призвала в левую руку воздушный щит и ударила Карина краем в лицо. Он ушёл, как я и рассчитывала — вот только там, куда он отклонился, его встретил мой меч.

Защита вспоролась с лёгким шорохом. Карин выругался, отпрыгнул — не тут-то было. Магической удавкой я опутала ему ноги, притянула к себе, ещё раз ударила щитом по лицу, уничтожая остатки его защиты. Думала оглушить, но он успел первым: использовал какой-то незнакомый мне приём. В глазах потемнело, я оступилась. На краткий миг — но ему хватило, чтобы ускользнуть от очередного удара и финтом оказаться у меня за спиной.

Быстрые короткие удары посыпались градом. Я стиснула зубы, из последних сил поставила второй барьер. На пределе возможностей заставила себя развернуться. Удар, щит, ещё один. Разворот, наступить, поймать удавкой, не позволить сбежать. Усилить защиту, иначе он достанет меня. Давай, Сатьяна, ты победишь!

— Кровь!

В запале боя я не сразу сообразила, что это кричат нам. Как… уже? Чья? Неужели он меня ранил?

Потом увидела — алый порез на руке Карина, от которого уже текли тонкие ручейки, пятная обнажённую кожу. Видимо, когда мой меч только распорол его защиту — я задела самым кончиком и его руку.

Карин тоже остановился, ругаясь сквозь зубы. Он тяжело дышал: откат от использования магии усиления.

— Я сбегаю за целителем! — вызвался кто-то.

— Не надо! — зло бросил Карин. — Царапина.

С ненавистью посмотрел на меня.

Я выпрямилась, убрала меч в ножны. Грудь ходила ходуном, сердце чуть не выпрыгивало, стучало на пределе. В победу ещё не верилось. Повезло? Нет, дело не в этом. Я победила по праву, Карин явно недооценил меня, понадеялся на внезапность и скорость реакции. Я сделала ставку на противоположное — и выиграла.

Кто-то притащил из подсобки бинты, руку Карина, невзирая на его ругань и сопротивление, сноровисто замотали.

Меня хлопали по плечу, хвалили. Восхищались, просили научить «так же». В одно мгновение я взлетела на вершину популярности. Потом, когда тревога за Карина улеглась, кто-то с любопытством спросил:

— А желание? Что ты ему загадаешь?

Глава 12

Я поймала взгляд Карина. Недобрый и обещающий мне много бед, если я загадаю что-то из ряда вон выходящее.

На его беду, именно так я и собиралась сделать.

— Задание простое, — объявила я, дождавшись, когда разговоры немного утихнут. Взгляды парней тут же обратились ко мне. — Берём в подсобке рупор, идём на площадку между главными зданиями… и подбадриваем Карина, который три раза кричит через рупор “ку-ка-ре-ку”. Несложно, правда?

Карин сверкнул глазами, стиснул челюсти — аж желваки перекатились. Я ждала возмущений, но их не последовало. Зато раздался первый робкий смешок со стороны. Потом чей-то свист. И хохот и улюлюканье.

Я специально выбрала задание с лёгким привкусом унижения. Если хочешь понизить чей-нибудь авторитет, нет способа лучше, чем выставить этого человека на смех. Только что претендент на место лидера, благодаря проигрышу Карин мигом упал чуть ли не до позиции шута.

Но держался он хорошо. Усмехнулся криво, бросил:

— Да раз плюнуть, — принял рупор из рук успевшего сбегать за ним сокурсника и первым зашагал к назначенному месту.

Площадка между учебными зданиями и столовой, та самая, где в первый раз нас рассортировывали по факультетам, никогда не пустовала. Во время перемен там царило столпотворение: ученики и преподаватели торопились с одной лекции на другую, во время обеденного перерыва — и того пуще: многие брали еду из столовой и поглощали её под тёплым солнышком, сидя на скамейках и бордюрах вокруг площадки. Сейчас, правда, когда теоретические лекции у первых-вторых курсов уже закончились, а до ужина было ещё далеко, народа там оказалось немного, но громкий заливистый вопль «Ку-ка-ре-ку!» всё равно обратил на себя внимание. Тем более что я настояла, чтобы Карин вышел в самую середину площадки.

Наши смеялись, я смеялась вместе с ними, даже Карин засмеялся, увидев, как реагируют непосвящённые: кто вздрагивает, кто втягивает голову в плечи, кто грозит кулаком. Потом к нам с руганью побежал какой-то человек в зелёной форме административных работников, и мы бросились врассыпную.

Я взбежала по склону горы, задыхаясь от смеха, вспоминая, как Карин набирал воздуха в грудь, как надувал щёки перед тем, как испустить на удивление визгливый вопль.

Парочку я заметила, когда поворачивала на аллею, ведущую к общежитиям. Парочка и парочка, подумаешь — в академии полно парочек. Но ещё раньше, чем я узнала их, сердце болезненно дёрнулось, а смех застыл на губах.

Белые волосы Хена я заметила только после этого. А потом узнала и девицу, опирающуюся на его локоть, кокетливо заглядывающую в лицо. Розовый ротик приоткрывался, обнажая мелкие белые зубки, глаза сияли.

Та самая стерва-целительница, придравшаяся к тому, что Хен заходил ко мне. Что она теперь делает здесь с ним вместе?

Мне было больно наблюдать за ними, но почему-то я не могла оторвать взгляда.

Они неторопливо шли по дороге, спускаясь к главным зданиям. Целительница что-то оживлённо рассказывала, Хен усмехался. Я, не отдавая себе отчёта в том, что делаю, шагнула назад, под тень клёнов и пышных кустарников.

Они выглядели… выглядели влюблёнными на свидании.

И никуда Хен не пропал. Жив-здоров, гуляет тут со всякими… Мне он о себе знать не даёт, а вот с ней даже встречается, смотрика, ходит под ручку.

Радость от того, что я обратила в свою пользу происшествие с однокурсниками, так ловко победила Карина, потеснила его с вершины, — канула, как булыжник в воду. Вместо этого обида, злость, непонимание сплелись в какой-то клубок и встали в горле, мешая дышать. Обида была сильнее всего — иррациональная, неясная обида, причины которой оставались непонятны мне самой.

А ведь я его искала, обращалась даже к хранителю. Может, Хен специально попросил говорить, что его нет? А на самом деле был в комнате?

А может, он обрадовался, что я попросила его снять серёжку? Избавился от обузы в виде фиктивного брака со мной? Теперь никто не знает, что он женат. Можно встречаться с кем угодно.

На миг меня посетил порыв вывернуть им навстречу. С невозмутимым лицом поздороваться, сказать какую-нибудь гадость. Но я тут же передумала. Прав ревновать у меня нет, а эта дрянь-целительница только порадуется: они вдвоём, я одна. И раз она уже вот так по-свойски держит его под ручку, явно у них уже далеко зашло.

И я повернулась и, не оборачиваясь, пошла в общежитие.

Поднялась к себе, приняла душ, сделала задания на завтра. Ужин пропустила: аппетита не было. Пока занималась всякими нужными делами, всё шло хорошо. А когда я погасила свет и легла, то сразу в голову полезли глупые мысли. Перед

внутренним взором встал Хен, его лицо вполоборота и улыбка. И коровий взгляд дуры-целительницы.

Они встречаются?

Конечно, встречаются, на зеркале не гадай.

Или, по крайней мере, целительница очень старается, чтобы оно было так.

Может, он ей сразу понравился? Или не понравилась я — да настолько, что она решила увести у меня как бы парня?

Вот она, наверное, удивилась, когда для этого не потребовалось много усилий.

Я вертелась в кровати хуже ужа на горячей сковороде, не в состоянии уснуть. Детали вспоминались одна за другой: и как лежала ладошка целительницы на руке Хена, и как эта выдра заглядывала ему в лицо, а он — тоже хорош! — только и знал, что улыбаться в ответ. А ведь раньше он улыбался мне и поддразнивал меня тоже.

Только сегодня, увидев его, я поняла, как сильно соскучилась. И мне вдруг так захотелось услышать его голос, увидеть лицо, что слёзы сами полились из глаз. От невольного страха, который я всё же почувствовала сегодня, во время разборок, и только запретила себе думать, что можно испугаться. От обиды, от идиотского бессилия. На поле боя я, может, и хват, а вот в таких деликатных вещах, как людские отношения — хуже полена.

Как назло, вспоминались только плохие вещи. Я рыдала самозабвенно, обнимала подушку, потом молотила ту же подушку кулаками и снова рыдала.

И тут, в паузах между всхлипываниями, услышала странный стук. Слишком лёгкий, словно стучали одними лишь кончиками ногтей. И не со стороны двери — а со стороны окна.

Я села. Опухшими от слёз глазами уставилась на окно. И не поверила тому, что увидела.

За окном бегала, помахивая коротеньким хвостиком, белая ласка. Привставала на задние лапки, опиралась, постукивая когтями, на стекло, с тревогой заглядывала внутрь.

Глава 13

Слёзы высохли, как по волшебству. Я подскочила с кровати, даже не задумываясь, что резкие движения могли бы ласку спугнуть. Подошла к окну, замерла, ожидая в любой момент, что она, как всегда, сбежит. Но ласка всё так же бегала снаружи по узкой полоске отлива.

Хагос, что вообще она делает здесь, на пятом этаже? Как попала? Откуда знает, что я живу именно здесь? Или это простая случайность?

Я открыла окно — а ласка вместо того, чтобы сигануть куда-нибудь с глаз долой, просунула в щель узкую мордочку, а потом и просочилась всем телом. Посмотрела на меня, смешно вскинув голову набок.

Я шмыгнула носом и невольно усмехнулась. Протянула ей руку:

— Ты пришла утешить меня? Столько бегала, а теперь сама сунулась в логово врага?

Ласка ткнулась холодным носом в ладонь. Забавная. Смотрика, и в самом деле будто утешает.

— Ой, может, ты голодная? — я спохватилась, что и сама не ела. Желудок ответил голодными спазмами.

Осторожно, чтобы не спугнуть внезапную гостью, я потянулась к сумке. Кажется, где-то лежали припасённые с утра пирожки с мясом, мои любимые.

Пирожки помялись слегка, но выглядели и пахли вполне съедобно. Я разломила один, предложила ласке, но та не проявила интереса. Пошевелила носом, прыгнула на кровать, свернулась клубочком на одеяле. Чёрные глазки смотрели на меня с хитрецой, словно звали скорее последовать примеру хозяйки. Я усмехнулась, быстро проглотила оба пирожка и упала на кровать рядом с лаской. Та подскочила, подождала, когда я улягусь, и привалилась под бок — совершенно по-кошачьи.

— Что ж ты за загадочное существо? — спросила я вслух. Было забавно говорить с лаской, словно она могла мне ответить. — Как здорово, что ты пришла… а то я ужасно разозлилась из-за Хена.

Ласка встрепенулась и уставилась на меня. Так, будто спрашивала, в чём дело.

Я осторожно погладила её по маленькой головке. Шёрстка оказалась неожиданно жёсткой.

— Не знаешь, кто такой Хен? Хен — это… — я задумалась. И правда, кто Хен для меня? Какой эпитет больше всего ему

подойдёт? Муж? Нет. Я не ощущаю его своим мужем, мы ведь даже не встречались. Парень? По тем же причинам — нет. Просто… просто знакомый, который мне нравится. Чисто по-дружески. Только потому, что он весёлый, забавный и согласился мне помочь. И вообще я ему как будто бы тоже нравилась… чисто по-дружески.

Но вот гулять он предпочитает с целительницей.

Вырвался вздох. На душе опять стало грустно. Ласка, словно заметив это, толкнула меня головой.

— Хен — это просто Хен, — докончила я. — Если подумать, так он мне ничего не обещал, так что пусть себе гуляет с кем угодно.

Ласка повернула голову набок, будто задавала вопрос. Почесав зверька за круглыми ушками, я сказала — скорее самой себе, чем ей:

— И ладно бы это была любая другая девчонка. Но та противная идиотка! Не удивлюсь, если она специально к нему подлезла.

Ласка, не отрываясь, смотрела на меня, и я продолжала, как будто наконец появился так необходимый мне слушатель. Выкладывала всё, что меня беспокоило: свои мысли о Хене, о том, что боюсь, что он совсем не захочет теперь со мной видеться, о том, что я виновата сама и что вовсе не поэтому просила его снять серёжку, что ужасно соскучилась… Рассказывала о том, как неловко врать братьям, которые до сих пор не узнали, что я учусь не на мага, хотя раза два в неделю находили время забежать и спросить, как у меня дела. И о том, что было сегодня после тренировки, как я ухитрилась обыграть Карина и выставить его на посмешище. И снова о Хене — о том, что не понимаю его, что он, может быть, прячется от меня, что не знаю теперь, как наладить с ним отношения…

Ласка слушала внимательно — или, вернее, мне так казалось, потому что стоило мне замолчать, как она вскидывала на меня блестящие чёрные глазки и мягко трогала лапкой, словно просила продолжить.

В конце концов я выговорилась полностью — и на душе стремительно полегчало, потянуло ко сну. Я хотела ещё что-то добавить, погладить ласку, попенять ей за то, что так долго от меня бегала, но не успела, уплыла в тёплую глубину.

Когда на следующее утро я проснулась, ласки уже и след простыл, и только приоткрытое окно и крошки на столе свидетельствовали, что это мне не приснилось. Пожав плечами, я закрыла окно, собралась и полетела на тренировку.

Вот только стоило выйти из нашей аллеи на дорогу, ведущую

к тренировочным площадкам, как я увидела Хена. Он выходил из дверей мужского общежития и, по закону подлости, разумеется, заметил меня.

— Сатьяна! — крикнул он, подняв руку.

Сердце болезненно дрогнуло. Я ещё не чувствовала себя готовой встречаться с Хеном и болтать, как ни в чём не бывало. Вчерашняя обида засела слишком глубоко.

И я притворилась, что тороплюсь, помахала рукой и сбежала. Долго-долго прыгала одна в пустом зале, отрабатывая магические трюки. А когда закончила, остановилась, переводя дыхание, стёрла пот со лба, то услышала хрипловатый мужской голос:

— Правда, значит, говорят, что ты здесь по утрам тренируешься.

От внезапности я вздрогнула. Резко обернулась. На какой-то краткий миг мне показалось, что это Хен — проследил за мной, пришёл и теперь хочет разговора.

Но это оказался Карин.

Он привалился плечом к косяку, стоял — высокий, обманчиво расслабленный — и смотрел на меня как-то снисходительно. Как будто вовсе и не он проиграл мне вчера и кукарекал, как оглашённый, на всю площадь.

От этого взгляда меня взяла злость, и я ничего не ответила. Встряхнула волосами, взяла со стола полотенчико, промокнула влажное лицо.

А вот Карину явно хотелось поговорить:

— Как насчёт небольшого реванша? Сегодня, после тренировки.

Ты смотри, какой шустрый.

— Не боишься, что снова проиграешь? — усмехнулась я, поворачиваясь к нему. С удовольствием отметила, как зелёные глаза недобро сощурились.

Карин не ответил, я решила, что беседа закончена. Хотела пройти мимо. Нужно было торопиться в общежитие, чтобы успеть принять душ, позавтракать и бежать на лекции. Но Карин вдруг двинулся навстречу и толкнул меня в плечо.

От неожиданности я покачнулась, отступила на шаг. Тут же подобралась, напряжённо следя на его движениями. Решил не дожидаться и устроить второй тур дуэли прямо здесь?

Но Карин только сказал, глядя на меня в упор:

— Ты ведь клановая.

Это было так неожиданно, что я растерялась. И растерянность сыграла против меня. Надо было вскинуть брови, спросить, с чего он взял, а я промолчала — и он уверился в своей правоте.

— Я даже догадываюсь, из какого клана, — продолжал

Карин. — Сантерн?

Смотри-ка, какой умный паршивец. Я только сощурилась и с ухмылкой спросила:

— А может, незаконнорождённая?

Кажется, вчера в раздевалке они именно это предполагали.

Но Карин и бровью не повёл. Предложил, дёрнув плечом:

— А очень просто выяснить. На третьем или на четвёртом как раз учится один Сантерн. Можно подойти и спросить.

— Не смей!

Если этот паршивец пойдёт к Ласу или Вейсу и поинтересуется, не знают ли они, что за девчонка с характерной семейной чертой клана Сантерн учится на первом курсе боевиков под фамилией Тайсен — им будет достаточно сложить два и два. И ладно то, что мне достанется. Куда больше я боялась за Хена.

Карин растянул губы в довольной ухмылке.

— Ага, — сказал многозначительно. — То есть что-то тут кроется? Очень интересно…

— Не твоё дело, — буркнула я.

Прошла мимо, ожидая, что он опять меня остановит или толкнёт — и уже готовясь отпрыгнуть в сторону и атаковать. Но Карин ничего не сделал и даже ничего не сказал.

Тогда я остановилась на пороге. Обернулась. Карин молча смотрел на меня. Зелёные глаза в сумраке неосвещённого зала по-кошачьи мерцали.

— Да, я Сантерн по крови, если тебя это интересует. И что? Что это меняет?

У него даже выражение лица не изменилось. Посмотрел-посмотрел, потом снова дёрнул плечом. Сказал даже без намёка на ухмылку:

— Да ничего. Можешь не смотреть так с угрозой, мне твои секреты даром не нужны. Я даже не буду спрашивать, почему ты здесь под другой фамилией.

Последнее чуть не заставило меня ухмыльнуться. Секреты ему мои не нужны, но почему я учусь как Тайсен всё же интересно. Ответила без прежнего напряжения:

— Ну и хорошо, потому что никакой такой глубокой тайны тут нет.

И не удержалась, чтобы не поддразнить его напоследок:

— Но тебе я её всё равно не раскрою.

Карин чуть слышно фыркнул, но глаза сузились и блеснули, выдавая любопытство. Я закрыла дверь снаружи, оставляя его в одиночестве, и побежала к общежитию. На бегу улыбалась. А этот Карин, кажется, ничего.

Если, конечно, сдержит слово и действительно никому не

станет рассказывать.

Глава 14

Хена в тот день я видела ещё несколько раз. Словно мир решил наверстать те две недели, которые я не могла его найти, и подсовывал мне его на каждом шагу: в столовой, между лекциями, мельком в коридоре. При этом мы ни разу не перекинулись ни словом: то не было времени, я спешила на лекцию, то он был в компании с кем-то, то меня поймал Вейс и начал расспрашивать, как идёт учёба на факультете магии стихий. Прятаться от братьев становилось всё сложнее, я даже старалась по возможности не общаться с сокурсниками, кроме Лидайи. Хорошо, что и Лас, и Вейс были загружены по горлышко и время на меня находили нечасто.

Дома тоже пока ничего не знали. Я написала матери коротенькое письмецо о том, что всё хорошо, что добралась нормально и учусь, что в академии мне нравится — и через недельку пришёл ответ, пропитанный горделивым «я же говорила». Прочитав его, я только усмехнулась, так это всё было похоже на мать: настаивать на чём-либо упорно, не слушая возражений, а потом даже не интересоваться, как будто ей был важен только сам факт, что её послушались. Так всю жизнь обстояло дело с моим обучением хорошим манерам и всему, что подобает знать девице из хорошей семьи: я сбегала с уроков, пряталась от воспитательниц, и постепенно всё сходило на нет. Только мать оставалась в уверенности, что делает всё правильно.

Может, и с академией так выйдет, и мать не прознает до самого выпуска. Это было бы здорово.

После обеда я помчалась на тренировку. Сегодня по расписанию шёл урок обращения с двойным оружием. Эту тренировку я не очень любила, предпочитала сражаться с одним мечом, призывая во вторую руку магический щит при необходимости. Да и вообще, разве кинжал — оружие против твари? Одно дело если он магический, который можно, как щит, призвать и убрать, когда не нужен, но тренировок на магическом оружии у нас пока не было.

Но моего мнения, ясно дело, никто не спрашивал. Мастер Унден, наш куратор, поставил меня в пару с одним парнем из середнячков и велел отрабатывать попеременно нападение и защиту.

Я старалась, но то и дело отвлекалась, чувствуя на себе взгляд Карина. Немного странный, не такой, как утром. Утром он смотрел настороженно и с вызовом, а сейчас посматривал с неким внезапным интересом — так, будто раньше не обращал

внимания, а теперь что-то переменилось.

Странно, на лекциях я ничего такого не заметила, он, кажется, как обычно спал где-то на задних партах. Что случилось за полдня?

Впрочем, лучше бы он на себя смотрел, потому что сегодня, видимо, был один из тех дней, когда у него ничего не ладилось. Может, конечно, «не ладилось» было бы немного слишком громкое выражение, но я и раньше замечала, что иногда с мечом у него выходило не очень. Он тогда не то что в пятёрку лучших не входил — еле-еле плёлся где-нибудь в конце второго десятка.

Правда, обычно в такие дни он обалденно стрелял из лука. Мог посадить стрелы по ободку маленького чёрного кружка в середине. Но сегодня же по луку тренировки нет, а он всё равно не может сосредоточиться.

В общем, его взгляды достали меня настолько, что я специально встала к нему спиной и тогда уже не дала противнику спуска. Загоняла, как смогла.

А когда урок закончился, Карин вдруг вырос за спиной и заявил:

— Ну что, как насчёт небольшой дуэльки?

Я повернулась к нему, стирая пот со лба. Перевела дыхание, убрала учебные деревяшки в так называемые ножны (всего лишь верёвочная перевязь). Усмехнулась:

— Уверен?

Хотела ещё поддеть его тем, что сегодня он явно не в форме, но Карин успел раньше:

— На мечах-то ты хороша. А как начнёт лука?

Я невольно закусила губу. Подловил, паршивец.

На луках я была, скажем откровенно, не очень. Но и не принять вызов тоже нельзя. Точнее, можно — но я сама себя уважать перестану. Что уж говорить о Карине и других парнях, которые уже с явным интересом прислушиваются к нашему разговору.

И я улыбнулась:

— Да пожалуйста.

На этот раз условились без магии. Подозреваю, этим Карин давал мне фору, потому что заклинания, которые относились к стрельбе из лука, я вообще не учила. Считала, что в жизни не пригодится — я же буду сражаться впереди, а луком пользоваться разве что для того, чтобы привлечь внимание какой-нибудь твари.

Но в жизни, может, и не пригодились бы, а вот сегодня — очень даже. Потому что Карину я позорно проиграла. Нет, я, конечно, пыталась, несколько раз попала почти в яблочко, но по сравнению с Карином это было всё равно шавка против дракона.

Он сегодня блистал. Уложил пять стрел ровнёхонько в центр, пятую надменным жестом попросил не убирать из мишени — и шестую воткнул ей в хвост, позёр такой. Не пожалел даже своё имущество (стрелы у нас у каждого были собственные, на заказ).

А я две своих стрелы вообще упустила мимо мишени, и у меня горели уши. Зато парни — парни обрадовались. Подходили ко мне, хлопали по плечу, мол, не переживай, но переглядывались и довольно блестели глазами, словно Карин постоял за их честь. Паршивцы. Ничего, я им ещё покажу.

Я складывала стрелы в колчан, когда полный великодушного высокомерия Карин остановился рядом. Сложил руки на груди тем же жестом, что утром.

— Одобряю смелость, — сообщил он. — Но проигрыш есть проигрыш. Теперь желание за мной, я правильно понимаю.

Я выпрямилась и сдунула прядь со лба. Попробовала выкрутиться:

— Мы вроде не договаривались.

— Он вчера кукарекал, всё честно, — подал голос кто-то из слушателей. — Теперь его очередь.

Паршивцы. Я еле удержалась от того, чтобы прибить говорившего взглядом. Вместо этого уставилась на Карина:

— Слушаю?

А он, сволочь такая, только затягивал паузу, глядя на меня. Улыбка на губах всё ширилась. Наконец Карин объявил на всё поле:

— А я, пожалуй, приберегу его.

Вокруг разочарованно загудели, а я молча буравила Карина глазами. Что он задумал? Это не к добру, лучше бы загадал что-нибудь глупое, как я вчера. Пять минут унижения — и я свободна. А так — один Хагос знает, где и когда мне вылезет это проигранное желание.

Но я не успела возразить, потому что за спиной послышался голос, от которого я окаменела.

— Сатьяна? Ты и правда учишься на факультете боевиков?

Это был полный изумления и даже, пожалуй, праведного гнева голос Ласа. А следом раздалось и Вейсово:

— А ну-ка иди сюда, хагосова дочь! — и меня схватили за плечо и стремительно поволокли к площадкам старшекурсников.

Глава 15

Тащил меня Вейс, Лас просто шёл рядом, но его лицо внушало тревогу. Он выглядел сбитым с толку и не на шутку злым и смотрел на меня так, словно я сотворила нечто ужасное, и он никак не мог в это поверить.

Вейс доволок меня до тренировочного зала старших. Их урок явно давно закончился, полутёмный зал пустовал. Вейс втолкнул меня внутрь, шагнул следом и грозно навис надо мной, буравя взглядом. Поймал за плечо, притянул к себе, бесцеремонно завёл назад волосы, обнажая ухо. Я знала, что он хочет там увидеть — вернее, не хочет — дырочку от серёжки.

— Проклятые твари! — ага, обнаружил.

— Отпусти! — я вывернулась из его хватки.

Лас тоже зашёл внутрь и аккуратно прикрыл за собой дверь. Стало совсем темно, и только я обрадовалась этому, потому что так предстоящие разбирательства казались менее страшными, как Лас зажёг свет, и весь гнев, написанный на лице Вейса, стал снова заметнее некуда. Я невольно втянула голову в плечи.

— Ты вообще понимаешь, что натворила, хагосова дочь?! Ты, идиотка такая, и впрямь выскочила замуж за одна тьма знает кого? У тебя в голове хоть что-нибудь есть?

Ой. Ой-ой-ой. Вот почему они злы, как осиный рой. Они не только выяснили, что я учусь у боевиков — они знают, что я замужем за Хеном!

— Откуда вы узнали? — промямлила я вместо того, чтобы оправдываться. Да и как можно оправдаться?

— Нашлись доброжелатели, — сказал от двери Лас. — Эх, Сатьяна… не думал, что ты действительно можешь так сглупить.

Я обернулась к нему. Захлестнули обида и злость.

— Тебе легко говорить! Это не тебя мать послала к «рыбакам»! Я бы посмотрела, что бы ты делал, если бы…

— Хватит, — оборвал меня Вейс. — Ну-ка подробнее поясни: ты действительно выскочила замуж за того вендайца? У тебя в голове разум или труха? Как ты вообще посмела учудить такое, не сказав ни родителям, ни хотя бы мне?

— Сукин сын, — Лас сказал как плюнул. — Знал бы, сразу морду бы ему набил. Он ей голову запудрил, ясно дело.

— Хен мне помог! — я сжала кулаки. — Помог, когда вы оба вообще ничего не сделали! Только и могли, что руками развести: ой, ну раз мама так говорит… А Хен предложил выход! Иначе мне бы так и пришлось идти к «рыбакам»!

— Ну мы же не могли на тебе жениться, — возразил Лас. —

Погоди, ты хочешь сказать, что ты вышла за него для того, чтобы перейти на факультет боевиков?

Теперь он смотрел на меня как-то по-другому. Словно я не просто сделала глупость, а сделала такую глупость, которая превосходит глупостью все возможные глупости мира. Словом, как-то даже почти с благоговейным ужасом.

Я пожала плечами. Пробурчала:

— А что мне ещё оставалось делать? Только перейдя в другой клан я могла сама решить, где мне учиться.

— И ты не влюбилась в него внезапно, при первом же взгляде? — спросил подозрительно Лас.

— Ты что, не из-за любви за него выскочила? — эхом повторил Вейс.

Я снова пожала плечами. Может, ещё не поздно солгать? Может, надо изобразить красивую историю любви, Хен падает к моим ногам, клянётся, что не может жить без меня, я, тронутая искренним чувством, принимаю его предложение, и, взявшись за ручки, мы бежим в храм…

Потом посмотрела на братьев. Нет, они слишком хорошо меня знают, чтобы проглотить эту сказочку. Вот в то, что я сделала это всё ради того, чтобы перейти к боевикам — они поверили сразу.

Братья переглянулись.

— Это всё не просто так, — сказал наконец Лас.

— Ему от неё что-то нужно, — кивнул Вейс. — Надо развести их. И поскорее, пока дома не узнали.

— Нет! — крикнула я. — И не мечтайте!

Ни за что. Если мы разведёмся, я снова вернусь под власть клана. А значит, придётся переводиться к стихийникам. Никогда!

— Что Хену от меня нужно, я выясню сама! Оставьте его в покое! Оставьте нас в покое!

— Молчала бы уже. Теперь тебя даже замуж не выдать, порченая, — бросил Вейс.

Эта реплика хлестнула меня, словно плетью. Я застыла, глядя на Вейса. Даже Лас укоризненно покачал головой.

Порченая. Это он думает, что мы с Хеном… да даже если бы мы и правда стали бы супругами на самом деле… разве это означает, что теперь… как будто вся моя ценность исключительно в том, что у меня между ног! И это говорит мой родной брат! От потрясения я только открывала и закрывала рот, не находя что сказать.

Даже когда Вейс вышел, а Лас, бросив на меня взгляд, заторопился следом, я не сразу опомнилась. Бросилась за ними — и ударилась о дверь, закрывшуюся перед носом. А потом я

услышала, как снаружи закрывают засов.

— Что вы делаете?! — толкнулась плечом в дверь — только ушиблась.

— Посидишь там, подумаешь о своём поведении, — раздался голос Вейса. — А мы пока найдём этого хмыря. Потолкуем.

— Не смейте! Не трогайте Хена! Он вообще ни при чём!

Ответом мне стал только шорох удаляющихся шагов. Я снова ударила в дверь, на этот раз кулаками, потом ногами, пока подошвы и колени не заболели. А дверь так и не шелохнулась.

Тогда я отошла. Схватилась за голову. Думай, Сатьяна, думай. Надо скорее выбираться отсюда и бежать предупредить Хена. Если братья его найдут, то сейчас, когда они оба вне себя от злости, ему точно не поздоровится. Они изобьют его до полусмерти. Нужно сказать, чтобы спрятался, переждать, пока первый гнев пройдёт. Потом придём оба с повинной. Вейс быстро вспыхивает, но и остывает быстро, а Лас всегда был на моей стороне, он должен понять.

Если дверь заперта, может, вылезти через окно? Но окна в зале были маленькие и под самым потолком. Я быстро передвинула стол к самой стене, поставила стул, залезла и вытянулась изо всех сил.

Хагос, почему у меня такой маленький рост? Руки едва доставали до нижней кромки подоконника. Не за что уцепиться, не то что повернуть ручку и открыть. Хотя окно можно разбить… но потом мне всё равно придётся каким-то образом до него добраться.

Некоторое время я провела в поисках предметов, которые можно взгромоздить на стол или на стул, чтобы достать до окна и вылезти. Зря старалась: сплошные мечи, деревянные и железные, стойка для копий… влезть по ней, как по канату? Не выдержит моего веса, упадёт. Я обшарила весь зал и наконец была вынуждена опустить руки. Через окно, видимо, не выбраться.

Сидеть здесь, пока братья не выместят гнев на Хене, не успокоятся и не вернутся выпустить меня? Ну нет, или я не урождённая Сантерн!

С другой стороны, запертую на засов дверь я не вынесу… Или вынесу?

Я остановилась перед ней, пару раз сжала и разжала кулаки. От моего собственного веса засов и не пошелохнётся, так что надежда только на магию. Например, усиленный щит — всего на полминуты, предназначенный оригинально для того, чтобы сдержать первый, самый мощный, натиск твари — он вполне сгодится и для того, чтобы выбить дверь. Добавить воздушный удар, увеличить физические силы… слегка разбежаться, больше

для того, чтобы настроиться на нужный рывок.

Я выдохнула, почувствовала, как тело наполняет магия… Давай!

От оглушительного удара, казалось, пошатнулось всё здание. Засов затрещал, блеснули щели между косяком и дверью, наполняя сердце радостью. Но дверь тут же встала на место, одного удара не хватило. Ничего, теперь я знаю, что делать.

Второй удар дался легче и вышел даже сильнее первого. Засов затрещал совсем жалобно и, судя по звуку, с одной стороны или оторвался полностью, или отошёл. Третий удар — и дверь, сорвавшись с петель, вылетела наружу.

Не успев отдышаться, отгоняя мысль, что сделает декан Дайрен с первокурсницей, попортившей казённое имущество, я сломя голову полетела через пол-академии.

Сперва к мужскому общежитию, потом, когда выяснилось, что Хен в комнату не возвращался, к тренировочному комплексу целителей. Угадала — они были там.

Братья загнали Хена в угол между задней стеной здания и забором. То есть как загнали — обступили с двух сторон и засветили несколько раз по рёбрам и по лицу.

Хен даже не сопротивлялся, стоял, опустив руки, только смотрел исподлобья, не опуская взгляда. Вейса это, кажется, выбесило ещё сильнее, он снова замахнулся — и тут на площадку влетела я.

— Не смейте его бить!

Глава 16

Набросилась на Вейса, сходу дала ему в ухо, потом локтем врезала удачно оказавшемуся рядом Ласу. Братья не попытались ни уйти от атаки, ни ударить в ответ, они, кажется, оба слегка обалдели от внезапности.

Я встала между ними и Хеном, закрывая его собой.

— Уйди, — тут же потребовал избиваемый. Попытался отодвинуть, но я воспользовалась магией и встала, как скала. Ещё и навесила щит во всю ширь, чтобы заодно показать и братьям, что я серьёзно настроена.

— Сатьяна, — первым отреагировал Лас. — Зачем ты пришла?

Я ничего не ответила. Продолжала буравить братьев взглядом, попеременно то одного, то другого. Вейс сжимал кулаки, хмурил брови, грудь ходила ходуном. Лас тоже был весь взъерошенный и явно злой.

Но я тоже была зла, и ещё как. Лицо Хена отпечаталось в памяти — с рассечённой губой, ссадиной на скуле и начавшим наливаться кровоподтёком под глазом. Какие же сволочи, вдвоём на одного! И так боевик против целителя — нечестно. А Хен ещё и не сопротивляется, встал готовенький, нате, бейте.

— Вдвоём на одного! — повторила я вслух звенящим от обиды голосом. — И это клан Сантерн? Мне стыдно, что я из одного с вами рода!

Вейс посмурнел лицом, Лас тоже недовольно нахмурился.

— Сатьяна, — начал было он, но Вейс не дал ему договорить.

— Не глупи, — сказал он, подступая ближе. — Если бы ты не выскочила за него замуж, ничего бы не было. Это ты его подставила. А больше всего — вообще весь клан. Это твоя вина, Сатьяна.

— Я от неё и не отказываюсь. Отказываюсь — от вас. Не появляйтесь перед нами больше. Видеть вас не хочу!

— Сатьяна! — взревел Вейс. Окутался серебристым сиянием, глаза запылали алым пламенем — безошибочный признак боевого заклинания ярости.

Я с замиранием сердца поняла: собирается прорвать мой щит и схватить меня. И не знаю, что ещё сделать, отлупить, отшлёпать, отвести за ворота и кинуть в первую попавшуюся повозку, едущую в Отрейль — явно что-то, что мне не понравится. И я ничего не могу поделать, мне не остановить брата-четверокурсника, уже почти готового бойца.

Хен оттолкнул меня назад, вставая первым. Зло зыркнул

через плечо, мол, не мешай. Я вцепилась в него, хотела закричать, но тут перед нами кинулся Лас. Обхватил Вейса, зашептал ему на ухо что-то успокаивающее.

— Идём, идём… хватит… потом…

Вейс мотнул головой, снова заревел:

— Отпусти! Сейчас я ей задам!

— Только попробуй! — закричала я в ответ, пытаясь выскочить вперёд. Хен поймал меня, прижал к забору. Тогда я крикнула из-за его плеча: — Я вообще не Сантерн больше! Только попробуй мне или Хену что-нибудь сделать, и вылетишь отсюда в два счёта! Я сама пойду в деканат!

— Ты… ты… что? — Вейса мои слова как оглушили. Он, похоже, только сейчас понял, что я и впрямь уже не являюсь частью клана, что он действительно не имеет права карать меня или миловать.

— Уведи его, — посоветовал Хен Ласу.

Вейс, хоть и дышал, как разъярённый бык, от растерянности позволил себя увести. Только бросил мне напоследок:

— Он использует тебя, дура!

Когда братья исчезли за углом дома, я съехала по забору вниз, на землю. Щит растворился, и вместе с ним будто растворились все мои силы. Перестаралась. Сначала ломала ту дверь, сейчас ещё этот щит…

Хен присел передо мной на корточки. Я с усталым изумлением заметила, что кровоподтёк на его лице стремительно растворяется, будто утекает под кожу. Не отдавая себе отчёта, протянула руку, провела по его губе, стирая начавшую подсыхать кровь. Ранки уже не было — чистая здоровая кожа. Губы у Хена были мягкие… и красивые, изогнутые, неосознанно привлекающие.

Хен перехватил моё запястье, заставил опустить. Поймав взгляд его синих глаз — пристальный, тёмный и чужой — я немного смутилась.

— Почему ты не вылечил себя сразу? — спросила, отгоняя смущение.

Хен неопределённо дёрнул плечом. Осторожно прикоснулся к моим вискам, и я сразу почувствовала, как через его ладони в меня вливается что-то похожее на живительную свежесть.

— Я не могу вернуть тебе магическую силу, — сказал он. — Только подбодрить ненадолго. Тебе надо отдохнуть.

— Восстановлюсь, не обращай внимания. Так почему ты не лечил себя? Стоял как соломенный тюк. Задал бы им трёпку! Испугался, что их двое?

Я намеренно выбирала слова погрубее, но Хен не разозлился.

Спокойно покачал головой:

— Не испугался. Я хотел, чтобы им стало легче. Они тревожатся за тебя. Естественные братские чувства. Я поступил неправильно.

— Это они поступили неправильно! — вспыхнула я. — Ты не делал ничего плохого! Это вообще моё решение и моя ответственность.

Хен ничего не ответил.

Меня пугало то, что я никак не могла прочесть его чувства. Он словно закрылся от меня, отгородился какой-то стеной. Глаза совершенно непроницаемы, лицо тоже совсем спокойное — я бы на его месте топала ногами и кричала бы, что всех тут положу. А ему как будто всё равно.

Зол из-за братьев? Запросто. Может, ему вообще всё это неприятно? Жалеет, что связался со мной?

Ну конечно. Поэтому он и отстранился так. Из-за меня его избили, он вообще никого из нас видеть, наверное, не хочет…

— Хен, — я схватила его за руку. — Хен…

Слова не подбирались. Что если он теперь возненавидит меня? Нахлынуло отчаяние, и на глазах набухли непрошеные слёзы.

Во взгляде Хена мелькнуло замешательство. Он осторожно погладил меня по голове. Зря, потому что это словно открыло какой-то водопад внутри.

— Хе-ен… — заревела я, вытирая слёзы. Хагос, как стыдно. Ну вот — разнюнилась у него на глазах. Теперь он точно убедится, что зря связался со мной. Целительница, небось, не плачет по пустякам. И из-за неё его не бьют.

— Сатьяна… пожалуйста, не плачь, — Хен поймал моё лицо ладонями, приподнял, не давая отвести взгляд. Спокойствие стянули с него, как простыню с верёвки, и меня это почему-то радовало. И то, что он беспокоится, и что утешает, и что синие глаза под белой чёлкой теперь не чужие и отстранённые, а взволнованные и растерянные. — Ну ты чего? Всё же хорошо. Переволновалась? Не плачь, умоляю. Что мне сделать, чтобы ты перестала плакать?

— Расстанься с целительницей, — брякнула я. Стало неловко смотреть Хену в лицо, и я уставилась вниз и в сторону.

— Да я ни с кем не встречаюсь, — ответил он, не отпуская меня. — Ты всё себе придумала. Она просто спрашивала разное по учёбе. Просила помочь с заклинаниями.

— Она держала тебя под руку.

— Пожаловалась, что устала, попросила проводить до общежития.

— Она же целительница! И ты тоже!

— Да, но мы вымотались оба после тренировок.

Я засопела, не находя аргументов. Неужели и правда не встречаются? Вскинула затравленный взгляд.

Хен смотрел на меня с лёгкой насмешкой. Увидев, что я пришла в себя, легонько щёлкнул пальцем по носу.

— Тогда… — я снова отвела взгляд, потому что глядеть Хену в глаза и просить об этом было выше моих сил, — надень снова серёжку…

Он помолчал, а потом спросил с насмешливыми нотками в голосе:

— Уверена? Снова снять не попросишь?

Я замотала головой, не поднимая глаз.

— А сама?

Ох. Румянец пополз вверх по шее. Вот почему Хен мастер задавать всякие неудобные вопросы?

— Я тоже… — чувствуя, как щёки горят, ответила я.

Хен рассмеялся:

— Мне всё равно, делай, как хочешь. Если тебе комфортнее ходить без неё…

Я снова замотала головой, так сильно, что от усердия волосы хлестнули по ушам:

— Всё равно братья уже знают. Можно не таиться.

Хен снова усмехнулся. Встал, подал мне руку:

— Пойдём-ка по домам.

Я выпрямилась, снова ощущая себя маленькой рядом с ним. Стало немного одиноко: только что сидели в обнимку, фактически нос к носу, а теперь снова приходится задирать голову, чтобы посмотреть Хену в лицо. Но его рука, крепко сжимающая мою, немного компенсировала потерю. Тепло его ладони смущало, будоражило и одновременно давало странное ощущение защищённости.

Мы так и дошли до общежитий — рука об руку. На пути болтали о всяких пустяках: о лекциях, о тренировках, о том, чем целительские отличаются от наших, боевых.

А когда Хен довёл меня до дверей нашего общежития, то нагнулся обнять на прощание. Лицо его снова оказалось совсем близко, расфокусированный синий взгляд мазнул по губам, и мне стало душно и жарко, а сердце заколотилось быстробыстро. Но Хен только поцеловал меня в щёку и сразу ушёл.

Я некоторое время стояла внизу, в темноте, сразу за входной дверью, и трогала горящие щёки. Хагос, что-то я слишком сильно реагирую на него. Вот если бы Карин вздумал меня поцеловать, пусть даже в щёку, я бы засандалила ему прямо в пятачок. А

когда это делает Хен, совершенно невинно, по-братски — то у меня замирает сердце, внутри словно расцветает пламенный цветок, кидает то в жар, то в холод.

Хен… сказал, что ни с кем не встречается… и снова будет носить свадебную серёжку. Теперь любая сразу увидит, что нет смысла подступаться к нему, что он уже занят. Ну и пусть только формально, раз об этим никто не знает.

Пытаясь сдержать глупую улыбку, я помчалась наверх. Ещё было рано, но меня ужасно тянуло в сон, я быстро перекусила, помылась и рухнула на кровать.

И тут раздалось лёгкое постукивание по стеклу.

Приподняв затуманенную голову, я обнаружила снаружи белую ласку. Заставила себя подняться, открыть, снова упала обратно в кровать — и заснула почти моментально, едва успев почувствовать, как ласка устраивается под боком.

Глава 17

Проснувшись, ласку я не обнаружила, чему даже не удивилась. Потянулось привычное утро, разве что погода оказалась не совсем привычной: холодный туман, норовивший превратиться в дождь. В Академию Трёх Сил пришла осень.

В зале тоже царила холодрыга. Как обычно, по утрам он был пуст и неосвещён, но сейчас, после пробежки под лёгкой моросью, показался даже уютным. Передёрнувшись от холода по-собачьи, я несколько раз провела ладонями по рукам, успокаивая высыпавшие мурашки. Привычно вытащила из угла разминочный коврик, села и начала разминаться.

И тут от дверей послышался голос:

— Привет.

Я подняла голову и без особого удивления обнаружила у входа Карина. Он стряхнул капли с зонта, пристроил его в углу и, аккуратно сняв обувь, прошёл внутрь.

— Не возражаешь, если я тоже позанимаюсь?

Ответ предполагался, по всей видимости, только положительный, но я промолчала. Отвела взгляд и стала заниматься дальше, словно и не прерывалась.

Карин достал второй коврик, бросил рядом с моим. Но вместо того, чтобы начать разминку, помолчал немного, наблюдая за мной, а потом сказал:

— Это не я. Не я рассказал твоим про тебя.

Та-ак. Я постаралась не выдать своих чувств. Вытянулась, доставая руками носочки, некоторое время молчала. Наконец поинтересовалась:

— А кто?

— Я не знаю, — он сел рядом, тоже стал разминаться. Потом остановился и посмотрел на меня с вызовом: — Какая мне выгода?

Я пожала плечами. Тут он был прав, выгоды я не видела. Разве что поржать, глядя, как братья меня уволакивают.

— Может, думал, они заставят меня уйти с факультета? — буркнула чисто из чувства противоречия.

— Почему они должны были? Ты что, против их желания сюда пошла? Они не знали, что ты здесь учишься? — Карин нахмурил чёрные брови.

Отвечать на все эти вопросы мне не хотелось, и я вернулась к разминке. Карин не настаивал, и некоторое время мы с ним молча занимались. Потом, когда я, закончив с упражнениями, встала и убрала коврик на место, он сел и отрывисто спросил,

глядя на меня снизу вверх:

— Ты здесь под прикрытием? У тебя какое-то задание?

От такого вопроса я обалдела. Какое ещё задание? И что за «прикрытие» он имеет в виду в данном случае?

— Что? — переспросила я, глупо уставившись на Карина. — Нет. Я просто… мама отдала меня учиться на стихийников… Ох, — я вздохнула, увидев непонимание на его лице. Похоже, придётся рассказывать с самого начала.

Рассказ занял не так много времени. Наверное, потому, что я сокращала его как могла. Упомянула материнский ультиматум, сказала, что с самого детства видела себя только боевиком и докончила расплывчатым:

— Вот я и перешла в другой род, чтобы располагать собой. Поэтому я и учусь как Тайсен. Потому что я и есть теперь Тайсен.

Карин, кажется, и думать забыл о тренировках. Притих на полу, только зелёные глаза поблескивали, выдавая любопытство. Но тут среагировал:

— Постой… перешла в другой род? Это как? Разве можно просто так взять и перейти?

— Можно, конечно, — я пожала плечами.

Карин смотрел на меня с непониманием, и тогда я встала, подошла к нему и опустилась на колени. Карин немного отстранился, словно ожидал, что я сейчас задвину ему в челюсть. Но я только отвела волосы, приоткрывая ухо. Сегодня утром я вернула на место серёжку, так что она красовалась там маленьким серебряным шариком.

— Обалдеть… — наконец отозвался Карин после долгого молчания. — Ты замужем?

Я кивнула. Потом добавила, вспомнив о вчерашней ссоре с братьями, о том, как Вейс назвал меня порченой:

— Но у нас чисто формальный брак. Мы даже живём в разных общежитиях.

Почему-то мысль о том, что теперь и сокурсники станут считать, что мы с Хеном спим вместе, вгоняла меня в мучительное неудобство. Наверное, если бы мы были мужем и женой на самом деле, не только на словах, я бы ничего не подумала: что может быть естественнее, если по-настоящему любишь человека, если называешь его своим супругом? Но так как между нами ничего не было, даже думать об этом казалось неловко.

Но Карин уцепился совсем за другое.

— Общежитиях?! — повторил он с потрясением. — Твой муж что, тоже здесь учится?!

Ох. Я замялась, отводя взгляд. Для меня самой это была уже

привычная мысль, а вот для Карина, по всей видимости, оказалась шокирующей. Он не ожидал, что мой абстрактный муж вполне себе существует — и, главное, существует настолько близко.

— Кто это? Я его знаю? Тайсен… — взгляд его заплавал в пространстве, Карин явно пытался вспомнить.

— Думаю, что нет, — пресекла я это. — Только не…

— Не говорить никому, да-да, — договорил он за меня. Потом вскочил и, крадучись, бесшумным пружинистым шагом направился к двери. Остановился и раскрыл быстрым мощным толчком.

В зал хлынул уличный холод и шум дождя. Карин выглянул, посмотрел по сторонам, пожал плечами и вернулся.

— Ты чего? — спросила я.

— Да так… кто-то ведь подслушал нас с тобой вчера. Я просто подумал, что если это повторится, ты точно перестанешь мне верить.

Он кривовато усмехнулся, а я наклонила голову к плечу, всматриваясь в Карина так, словно впервые его видела.

— Чего? — нахмурился он.

— Так, ничего. Давай заниматься дальше, скоро лекции начнутся.

Больше мы особо ни о чём не говорили. Зато я очень много думала, и в том числе о Карине тоже. Забавно, за несколько дней мы с ним так сблизились, как не вышло за две недели с начала обучения. И почему-то меня радовала мысль, что он решил оправдаться. Я ведь ни словом его не упрекнула — но он сам пришёл сегодня пораньше, зная, что застанет меня, сам завёл разговор, сам обеспокоился тем, чтобы нас не подслушали снова.

И вообще, мне, кажется, хотелось ему верить. Вот только, если Карин не лжёт, тогда это значит, что среди сокурсников у меня есть по крайней мере ещё один недоброжелатель.

Глава 18

Выбитая дверь аукнулась мне уже на следующий день. Понятия не имею, каким образом декан Верт узнал, что сделала это именно я, но он пришёл прямо на лекцию об основах жизнедеятельности тварей, минут за десять до конца, и пять минут подпирал спиной стену, не сводя с меня тяжёлого взгляда. Подпирал только пять, а не все десять, потому что преподавательница не выдержала этого первой и отпустила нас всех пораньше.

Декан даже не стал меня расспрашивать или читать лекции. Просто притащил к тренировочным комплексам и объявил, что в течение ближайшей недели я каждый день чищу площадки, и если он найдёт где-нибудь хоть листик, то наказание продлится ещё неделю. Я вспомнила Ферна и смиренно приняла метлу и грабли.

В принципе, наказание оказалось приемлемым. Не сложным, но нудным и немного унизительным — каждый день, когда все разбегались после тренировок, мне приходилось сначала идти в общежитие, чтобы помыться и перекусить, а потом снова топать на площадку и до ночи шоркать метлой, поминая про себя Хагоса. Впрочем, было хорошо уже то, что за дверь меня не заставили платить, денег не было совсем.

Но сегодня, благодарение Нигосу, наступил последний день отработки, и я сгребала насыпавшие на песок осенние листья, напевая себе под нос. А потом подняла голову и увидела Хена. Он шёл сюда, поймал мой взгляд и махнул рукой.

На сердце невольно потеплело от вида его белоснежных волос, хитрых синих глаз и многозначительной физиономии. Я соскучилась: опять не видела его несколько дней, да и ласка не прибегала, хотя я уже привыкла, что она появляется в те дни, когда я не встречаю Хена. Может, Хен тоже соскучился обо мне, вот и пришёл?

— Хой, — бросил он, перемахивая через забор с помощью воздушного вихря — позёр несчастный! — Всё отрабатываешь?

Выпрямился рядом, сделал попытку погладить по голове. Я вывернулась: не любила, когда он так делает, я тогда сама себе напоминала какую-то маленькую девочку.

— Последний день.

Хен знал, что я получила наказание, но я не стала вдаваться в подробности, за что. Он тоже проявил деликатность и не расспрашивал.

— Отлично, — Хен просиял. Подхватил меня под руку и

склонился к самому уху: — У меня есть предложение, от которого невозможно отказаться.

— Что ещё за предложение? — я попыталась отстраниться, потому что от его запаха внутри сладко замерло, а глупое сердце тут же забилось быстрее. Поставила грабли между нами наподобие преграды.

— Скажу потом, — Хен улыбнулся одними уголками губ. Глаза его шкодно блестели.

— Иди пока, собери вещи, — и он вынул из моих рук грабли и начал сгребать в кучу листья.

— Вещи?

— Ага. Вылазка на пару дней. Не волнуйся, к дню воды вернёмся. Но возьми тёплые вещи, может быть, придётся ночевать на улице.

На улице?! Вылазка? Я ничего не понимала. Но звучало всё это и впрямь заманчиво. Как будто настоящее приключение.

— Два дня выходных на этой неделе, нельзя не воспользоваться, — сказал Хен так, как будто это всё объясняло.

На день огня и правда выпал праздник Любования луной, в честь чего всю академию освободили от уроков. Собирались жечь костры, на стадионе рядами выстроились торговые лавки, парни предвкушали возможность выпить и подурачиться, девчонки — покрасоваться в новых платьях. Я тоже ждала праздник и даже договорилась было пойти с Лидайей, но по сравнению с загадочным приглашением Хена всё это померкло.

— А кто идёт?

— Ты и я.

— А куда?

— Потом узнаешь, — он снова улыбнулся. Потом посмотрел на грабли: — Слушай, что-то долго получается. Может, магией?

— Не-ет! — вопль пропал втуне, когда мощный порыв ветра смёл с песка все листья и закружил их в воздухе. А заодно разворошил уже сложенные у забора кучи, которые нужно было только запихнуть в мешок и отнести в мусор. Не говоря уже обо всех рассаженных вдоль забора деревьях, которые с готовностью зашевелили ветками, внося свою долю листьев в бедлам.

Хен ржал, схватившись за грабли.

— Балбес! Отдай! — я двинула его в твёрдый от смеха живот. — Давай иди отсюда, помощничек!

Вместо того, чтобы послушаться, Хен схватил меня в охапку и закружил. Я завопила, попыталась высвободиться, но он держал крепко. Потом отпустил, не переставая смеяться:

— Как они!.. Прямо разметало! Ты когда-нибудь видела столько листьев? Умора! Не зря учил это заклинание неделю!

Переждав лёгкое головокружение, я прицельно стукнула его черенком граблей по лбу. Очень удобно оказалось, самой мне дотянуться было бы трудно. Хен не обиделся, только почесал лоб. Попытался снова отобрать грабли:

— Ладно, давай помогу. Одна ты теперь до полуночи провозишься.

— Погоди тогда, — проворчала я. — Принесу вторые грабли. И запомни, никакой магии!

— Ладно-ладно.

Его физиономия, в любой момент готовая расплыться в улыбке, внушала сомнения, но я решила поверить. Оставила Хена на площадке, а сама пошла в подсобку.

И наткнулась у зала на Карина. Он сделал странное движение, как будто хотел удрать от меня, но, встретив мой взгляд, передумал.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовалась я.

Карин неловко пожал плечами:

— Так, забыл кое-что.

Я оглядела его фигуру. Что бы он ни забыл тут, либо оно было очень маленьким, либо Карин ещё не успел это взять, потому что руки у него пустовали. Впрочем, не моё дело. Кивнув в знак того, что поняла, я нырнула в дверь подсобки. И услышала вопрос:

— Это твой муж?

Почему-то я залилась горячим румянцем. Хорошо, что Карин не видел. Притворилась, что ищу инвентарь, хотя грабли стояли у самого входа. Наконец схватила подходящие и ответила вопросом на вопрос:

— Почему ты спрашиваешь?

Карин дёрнул плечом. Посмотрел на меня исподлобья, быстро отвёл взгляд. Я подождала, но он молчал. Тогда чуть виновато улыбнулась, прости, мол, спешу, захлопнула дверь и пошла прочь.

— Ты вроде говорила, у вас договор? — вопрос настиг меня на полпути к площадке.

Я обернулась. Карин, нахохлившись, сунув руки в карманы, опирался о стену. Я никак не могла понять, чего он от меня хочет и откуда такой внезапный интерес к Хену. И взгляд Карина, какой-то пристальный и напряжённый, тоже сбивал с толку.

— Ну да, а что?

— Так, ничего, — он пожал плечами и нахохлился ещё сильнее. Зыркнул куда-то в сторону. — Со стороны кажется, у вас прямо совет да любовь, — я не успела отреагировать, как он задал следующий вопрос: — Вы куда-то собрались?

— Ты слышал наш разговор?

— Немного услышал.

Я помедлила, потом пожала плечами.

— Я и сама не знаю, Хен не говорит.

Карин кивнул. Потом нехотя сказал, как будто сомневался, стоит ли:

— Я тебя на Любование позвать хотел.

О… Я замешкалась, не зная, что ответить. Развела руками. Если бы не Хен, конечно, я бы не отказалась, пошли бы все втроём, я, Лидайя и Карин. Но увы.

Тогда Карин быстро сказал:

— Ладно, я пошёл.

— Давай. — растерянно отозвалась я.

— Кто это? — раздался над ухом любопытный голос. Хен встал рядом, опёрся руками о верхушку граблей, поверх умостил подбородок и смотрел Карину вслед.

— Так, однокурсник.

— Чего хотел?

— На Любование звал…

— Хм-м, вот как? — Хен бросил на меня загадочный взгляд. — И что, ты пойдёшь?

Я посмотрела на него, как на болвана. Напомнила:

— А как же вылазка?

— Вылазка непременно состоится, — Хен заулыбался, поняв однозначно. Обвил рукой плечи и мягко подтолкнул к усыпанной листьями площадке. — Давай за дело, я хочу выйти сегодня пораньше.

Глава 19

Мы успели даже поужинать перед тем, как собраться. Хен поднялся ко мне в комнату и самолично проследил за сборами. Его удалось выставить из комнаты только тогда, когда я начала упаковывать бельё. Куда мы отправляемся, Хен так и не говорил, но одежду велел взять на три дня и две ночи. Получился довольно внушительный баул. Его Хен сразу отобрал у меня, хотя я настаивала, что не ромашка и понесу свои вещи сама. К слову, его-то собственный узелок был сравнительно мал — или так просто казалось по сравнению с моим.

У ворот академии, когда великаны-охранители повернули к нам огромные каменные головы, Хен показал разрешение на выход. Оказывается, он уже успел взять в деканате и на моё имя.

— Так был уверен, что я пойду? — поддела я его.

Хен только улыбнулся:

— Не пошла бы, выбросил, вот и все дела.

Логично. Я ничего не ответила. Мы пошли вниз по склону, и я с любопытством вертела головой, рассматривая окрестности. Хоть прошёл почти месяц, как я приехала в академию, в город выбралась впервые. Правда, пока что ничего особенного, кроме высоченной каменной стены по правую руку, ограждающей академию, видно не было: с другой стороны тянулись многочисленные приземистые домишки — уступами, волнами вниз с горы.

А вот ограда академии была примечательной. Говорили, что камни, из которых она сложена, при необходимости обращались охранителями, такими же, как каменные великаны на воротах. И хватали нарушителей, сдавливали в смертоносных объятиях или просто держали до прихода стражи. Но слухи о смелых воришках, которые преодолевали стену и ловушки, чтобы проникнуть в святая святых и вынести какие-то невероятно ценные магические секреты, ходили.

Выбравшись на оживлённые улицы, мы сели на извозчика и доехали аж до самых городских ворот. Вот тут я и изумилась, и забеспокоилась. Ладно выйти на прогулку в город, но за его пределы? А как же твари?

— Хен, — я с тревогой схватила его за руку.

А он прыснул, глядя на моё лицо:

— Спокойно, всё будет хорошо. Я с тобой.

Я посмотрела на него с сомнением, и Хен тут же исправился:

— Точнее, ты со мной. Самая сильная, смелая, прекрасная воительница Академии Трёх Сил! Теперь мне ничего не страшно.

Какое счастье, что ты согласилась пойти!

Пришлось ткнуть его в бок кулаком, чтобы унялся. Помогло, но ограниченно: он всё равно кидал на меня преувеличенно восторженные взгляды.

Стражники на воротах явно удивились, когда поняли, что мы только вдвоём. Но Хен быстро сообщил, что мы недалеко, в Тиссон, и стражники, посоветовав нам быть поосторожнее, выпустили нас через калитку для гонцов.

Мы оказались на диких землях.

Мне сразу стало не по себе. Пришлось сказать, что рядом с городом всё равно никакая тварь не поселится, а потом напомнить, что я учусь сражаться против них, и наступит время, когда мне придётся встать во главе истребляющей тварей группы. Не к лицу будущему лидеру дрожать, как заячий хвост.

Эта мысль вернула мне уверенность. А ещё осознание того, что Сорванец при мне. Теперь я понимала, почему Хен настаивал, чтобы я взяла оружие. Но интересно, зачем там в Тиссон? Я помнила, что это, кажется, мелкое поселение рядом с Отраем — но это было всё, что я о нём слышала.

Когда стены Отрая остались на горизонте, Хен свернул на луг и поманил меня за собой. Странный путь в Тиссон. Я думала, мы будем идти по дороге, как белые люди. Но, может, так короче?

Почему-то то и дело одолевало неуютное ощущение: как будто кто-то смотрит мне в спину. Но сколько бы я не оглядывалась, никого не видела. Наконец не выдержала, окликнула идущего впереди Хена:

— А почему мы пешком идём, да по буеракам? И зачем нам Тиссон?

— Мы вовсе не в Тиссон, — Хен с улыбкой обернулся. — Я только страже так сказал, чтобы не задавали вопросов.

Я чуть не остановилась от изумления.

— А куда?!

Хен проигнорировал вопрос, как будто его и не было.

Мы шли до самой ночи, пока не стало слишком темно, не разглядеть дорогу. Тогда Хен достал заряжённый магией огня факел и сказал, что пора устраиваться на ночёвку. Мы выбрали сухое местечко на лугу, рядом с небольшой речушкой, развели костёр, набрали воду в магические фляги. Хен хорошо подготовился: палатка, защитный контур, те же самые фляги, очищающие воду и уменьшающие вес и объём настолько, что в одну флягу вмещалось целое ведро. Я ахала от восхищения, разбирая это богатство.

Поужинали мы захваченными из столовой пирожками, ветчиной и помидорами. Это, правда, был уже второй ужин за

сегодня, но он пришёлся весьма кстати, за пару часов ходьбы я изрядно проголодалась.

Когда пришла пора ложиться, Хен предложил:

— Ты спи, я покараулю. Контур контуром, но мало ли чего.

— Я тоже буду караулить, — сказала я, безудержно зевая.

Он посмотрел на меня, как будто оценивал моё упрямство. Потом кивнул:

— Хорошо, я тебя разбужу.

Не разбудит ведь, паршивец! Я видела это по его хитрой роже.

— Я передумала! — заявила сразу. — Буду караулить первой.

Хен заюлил:

— Сатьян, да ничего не случится, давай ложись. Ну что ты как маленькая.

Не слушая его возражений, я загнала его в палатку. Сама присела у тлевшего еле-еле костра. Взглянула на небо.

Накануне Любования луна была удивительная. Уже почти идеально круглая — она висела над лесом, едва касаясь его боком: огромная, жёлто-бежевая, как леденцы, которые делала бабушка из сахара и лимонной цедры.

Вспомнив о бабушке, я слегка загрустила. Захотелось услышать её голос, уткнуться в живот, обнять, как в детстве.

Интересно, братья уже сообщили домой? Я опасалась реакции родителей, а о том, что подумают бабушка с дедом, до сих пор не думала. А ведь я теперь, может, и не вернусь в Отрейль. Больше никогда не ступлю на порог нашего дома, не поклонюсь хранителю.

При этой мысли в груди заныло. До смерти захотелось вздохнуть уютный запах дома, послушать, как скрипят балки, как шуршит жучок в старых брёвнах. Снова попрыгать с мечом на заднем дворе, измываясь над соломенным тюком, выполнявшим роль противника, когда никого из братьев не было под рукой.

Потом мысль как-то естественно прыгнула на Хена. Родителей у него нет, но родственников вроде как хватает. Интересно, они примут меня?

Подумала и испугалась, снова тоненько заныло где-то внутри. Я ведь и не часть рода Хена по-настоящему. Я вообще сейчас ничья, не принадлежу ни к какому роду, перекати-поле, босяк без опоры и защиты. Уже не ар-теранна из приличной семьи.

Ничего… закончу академию, разведусь, тогда можно будет и вернуться. Я почему-то была уверена, что мать с отцом всё равно меня примут. Они на самом деле хотели как лучше, просто плохо знали родную дочь. Пройдёт время… а может, они и Хена

примут?

Ну… когда-нибудь.

Хагос бы взял этого Хена.

Я подошла к палатке, присела, прислушалась. Оттуда доносилось тихое мерное дыхание. Невольно я расплылась в улыбке: спит как сурок. Отодвинув полог, заглянула внутрь. Луна очень услужливо осветила белую копну волос, сомкнутые ресницы, расслабленное выражение лица. На сердце потеплело: Хен выглядел таким милым.

Я осторожно забралась в палатку и легла с ним рядом. На бок, подпирая рукой голову. Подумаешь, всё равно же не сплю, караулю. Можно немного и на Хена попялиться.

Не знаю, почему, он, в принципе, не красавчик с картинки, худой, нос длинный, подбородок широкий, с первого взгляда показался мне симпатичным. Взгляд? Синие яркие глаза — да. Но вот и сейчас, когда он лежал и спал, всё равно сердце замирало. Я чувствовала пронзительную нежность, притяжение, что-то непонятное, рвущее душу в клочья.

А ведь он мне нравится… нравится мягкий изгиб губ, нравится едва заметная ямочка на подбородке, нравятся густые, может быть даже чуть слишком густые брови, небольшая горбинка на переносице. Нравится, как чёлка падает на лоб.

Я привстала на локте и потянулась к нему. Сама не знала, что собираюсь делать. Хотелось прикоснуться, то ли убрать волосы со лба, то ли провести пальцем по носу… по губам. Протянула руку — и тут Хен открыл глаза.

Я замерла. Сердце заколотилось, как у воришки, пойманного с поличным. Хен, не удивляясь, окинул меня сонным взглядом. Я хотела было отодвинуться, шепнуть, чтобы спал, ещё моя очередь караулить, но Хен вдруг, не меняя выражения лица, высвободил руку из хватки одеяла. Горячая шершавая ладонь коснулась моего затылка, хлынула волна мурашек.

— Наянэ… — пробормотал Хен.

Наянэ? Это ещё кто…

Спросить я не успела, да и не факт, что он бы ответил. В следующий миг Хен притянул меня к себе. Затуманенные синие глаза блеснули в лунном свете, губы Хена вдруг оказались совсем рядом, в голове у меня воцарился полный кавардак, и от страха и неясного волнения я крепко зажмурилась.

Глава 20

Не знаю, на что я надеялась, но Хен всего лишь прижал мою голову к груди и, шумно вздохнув, упёрся твёрдым подбородком в макушку.

Я замерла, уткнувшись носом в его грудь. Сердце стучало где-то в ушах, запах Хена, травянисто-горький, приятный, смущал и будоражил. Щекой я ощущала биение его сердца, размеренное и спокойное.

Хен больше ничего не говорил, похоже, снова заснул. Я осторожно выпуталась из его длинных расслабленных рук. Подождала, прислушиваясь к ровному дыханию, но он не проснулся. Тогда я выползла из палатки.

Снаружи было свежо и тихо, только чуть слышно потрескивали угли в костре. Я присела рядом и поворошила их, пуская искры.

Как он сказал? Наянэ… Почему-то засаднило на душе. Похоже на женское имя. У него кто-то есть? Там, в Вендае?..

Я представила себе высокую стройную, беловолосую, как все вендайцы, девушку. Уж она, небось, не рвалась вопреки желанию родителей на факультет боевиков. Нет, она, как нормальная девушка, поступила на магию стихий… или нет, она не поехала в академию, она осталась в Вендае. Может, у неё дар не очень большой, а то и вовсе нету. Хен не похож на человека, который станет придавать значение наличию дара или его размеру. Бедная… она его, наверное, ждёт, а он уехал, да так надолго.

Хотя нет. Я вспомнила, как Хен говорил, когда предложил мне формальный брак, что он никому не давал обещания. Значит, просто одностороннее чувство с его стороны? Настолько сильное, что она ему снится.

Я бы ещё долго с упоением терзалась бы, если бы вдруг не послышался шорох травы. Я напряглась, завертела головой по сторонам. Ничего не увидела. Обошла вокруг палатки, на границе защитного контура, положив руку на рукоять меча. Нет, ничего… Ничего, кроме странного ощущения чужого взгляда, как несколько часов назад. Сводит лопатки, аж до зуда. Но как бы я ни вглядывалась и ни прислушивалась, ничего не обнаружила. Только поросший луг вокруг, насколько хватает глаз, и тихо журчащая речушка, в которой изредка плещут рыбы.

Наверное, показалось. Или какой-нибудь мелкий зверёк приходил на водопой и, услышав меня, удрал со всех ног.

Я вернулась к костру и неожиданно для себя широко и сладко зевнула. Вдруг навалилась усталость, потянуло в сон.

Неудивительно: после целого дня физических нагрузок, трёхчасового похода по буеракам, двойного ужина… хорошо ещё, что до сих пор не заснула.

И тут, словно отвечая на мои невысказанные надежды, в палатке зашевелились. Вылез сонный Хен, пригладил ладонью волосы, мучительно зевнул. Я невольно засмеялась, хотя недавнее огорчение тяжёлым илом осело в душе.

— Всё в порядке? — спросил Хен.

— В порядке, — я уже хотела было залезть в тёплое нутро палатки, как что-то словно клюнуло меня изнутри.

Я обернулась — Хен стоял рядом и, задрав голову, смотрел на луну. Вопрос сам сорвался с губ:

— Хен, а кто такая Наянэ?

— Наянэ?.. — даже несмотря на темноту было заметно, что он смутился. — Я что, разговаривал во сне?

Я кивнула. Смотри-ка, сразу понял, где я это услышала.

— Так, не обращай внимания, — он на миг отвёл глаза. Смущённо заулыбался. Я первый раз видела, как Хен смущается, и это было до крайности мило. Но неутолённое любопытство и какой-то подспудный неясный страх не давали мне покоя.

— Это имя?

Не отвечая, Хен потрепал меня по голове и улыбнулся:

— Иди спать.

Я ещё некоторое время буравила его взглядом, но по ставшему безмятежным лицу было ясно: не скажет. Я бы спросила прямо, не девушка ли она ему, но не хотелось выдавать свой интерес. Ещё решит, что влюбилась и пытаюсь заявить на него свои права. И не говоря больше ни слова, я нырнула в палатку. Укутываясь в ещё хранящее запах Хена одеяло, вздохнула.

Уж себе-то не ври, Сатьяна. И правда ведь влюбилась. Может, ещё не сильно… но уже настолько, что крутит и выворачивает душу при мысли, что у него может быть другая.

Утром мы тронулись в путь, едва рассвело. Луг покрылся выпавшей росой, я почти сразу промочила ноги. Сапожки, мягкие и удобные, были слишком старыми, я заносила их до дыр. Мама уже давно купила мне новые, но, не слушая моих просьб, выбрала девчачьи, на каблуке — сражаться в них было невозможно, так что я даже не привезла их с собой в академию.

Через пару часов роса испарилась под взошедшим солнцем, а почва превратилась в другую: твёрдую, каменистую, поросшую сухой жёлтой травой. Идти стало куда удобнее, только приходилось смотреть под ноги, чтобы не спотыкаться о камни.

Я старалась не вздыхать вслух, смотрела на горы, тянущиеся по левую руку, терпеливо шла вслед за Хеном и молча терзалась

желанием встать как вкопанная и заявить, что больше никуда не пойду. Что Хен немедленно должен сказать мне, куда мы направляемся и сколько ещё до этого места, и кто такая эта хагосова Наянэ.

И Хен вдруг остановился и посмотрел в мою сторону. Я тоже встала, невольно подтянувшись. А Хен показал в сторону, в заросли сухих рыжих кустов:

— Кажется, нам сюда.

Кажется? Я хлопала глазами, чувствуя себя дурочкой, а Хен, не дожидаясь реакции, пошёл к кустам… и стал стремительно уменьшаться!

Мне потребовалась пара секунд, чтобы понять, что не происходит ничего сверхъестественного, а просто в земле расщелина, ведущая вниз, и Хен потихоньку по ней спускается. Я поправила сумку и нерешительно пошла за ним следом.

Поначалу, пока над головой виднелась узкая полоска голубого неба, я чувствовала себя нормально, но когда мы зашли поглубже, наверху потянулась чёрная пахнущая перегноем земля и торчащие корни стали цепляться за волосы, мне стало не по себе.

А тут ещё шедший впереди согнувшись в три погибели Хен отрывисто бросил:

— Будь осторожнее, держи оружие наготове, — и наколдовал большой щит на нас обоих.

Я вцепилась похолодевшими пальцами в рукоять меча. Приготовилась в любой момент кинуть заклинание, ускоряющее реакцию. И чуть было так и не сделала, когда Хен внезапно остановился и погасил огненный светлячок.

— Т-с-с, — шепнул он мне.

Я проморгалась от наступившей темноты и поняла, что откуда-то снизу и спереди льётся тусклый голубоватый свет. Хен поманил меня, жестом велел положить сумку. Подойдя, я обнаружила, что проход резко расширяется и обрывается, превращаясь в небольшую пещеру. Голубоватый свет исходил от стен этой пещеры, ближе к полу он становился сильнее, наверху было совсем темно.

А на полу пещеры мирно спала огромная сороконожка. В холке она была с целую лошадь размером, только жирная, как туго набитый бурдюк.

Я сразу поняла, что это тварь, но не поняла, какая именно. На лекциях мы пока таких не проходили, и в справочнике я её не помнила. Невольно я встала поближе к Хену. Шепнула:

— Зачем мы сюда пришли?

— Не хочешь попробовать свои силы? — Хен смотрел вниз.

Я опешила. Уставилась на него в непонимании. Такого я не ожидала — хотя я вообще не знала, что ожидать от этого похода и от самого Хена. И, чего скрывать, по коже прошёл озноб. Это не домерон, который боится шума и света. Это здоровенная отъевшаяся тварь, может, на её счету даже человеческие жизни.

— Ты серьёзно?

Хен бросил на меня удивлённый взгляд.

— Конечно, — ответил с уверенностью, которую я не разделяла. — Я не дам ей до тебя дотронуться. Твоё дело только злить её, чтобы она не обращала внимание на меня, я буду атаковать и держать защиту. Я бы и один справился, но времени заняло бы больше. И… мне показалось, ты не отказалась бы от такого приключения.

Я молчала. Ладонь на рукоятке меча слегка вспотела. Хен переоценил меня, я всё же сомневалась. Я же только на первом курсе, месяца не прошло, всё, чему я научилась, это пара-тройка полезных трюков. И вообще… я ничего не понимала. Как Хен узнал об этой твари? Почему позвал именно меня, первокурсницу, пусть даже одну из лучших в группе, но всё равно — почти без опыта сражений с тварями? Разве я буду ему полезной?

Хотя он сказал, что мог бы справиться один… может быть, ему и правда показалось, что это было бы забавное развлечение для меня.

И, в принципе, я не могла бы твёрдо сказать, что он не прав.

— Или ты против? Хочешь, подожди меня наверху.

Уйти наверх, в безопасное место, оставив Хена один на один с тварью? Вот ещё. Он плохо меня знает.

— Зачем тебе это? — я посмотрела ему в глаза. Хен не отвёл взгляда, но выражение лица стало шкодливо-виноватое.

— Эта стервь отъевшаяся, — повторил он мою мысль, оборачиваясь к сороконожке.

— У таких наверняка есть клад. Слышала ведь, что твари испускают мощную магическую ауру? За годы она трансформирует окружающее. Наверняка рядом с ней найдётся много всего интересного. Ей ведь лет десять, не меньше.

О-о. Да, я слышала об этом. Даже самые банальные камни и палки, долго пролежав рядом с такой тварью, накапливают магическую силу и преображаются. А ведь многие твари ещё и стаскивают в гнездо всё, что найдут.

Например, легендарный магический шар из человеческого черепа. И посох из берцовой кости. И двуручный магический меч по прозвищу Кровавый Клык — он же тоже был найден в логове твари. Настоящий магический меч — мощный двуручник или

красивый изящный одноручник, который можно использовать в паре со щитом… который можно призывать при необходимости, который не нужно чистить и чинить, который никогда не потеряет остроты, усилит действие заклинаний… ох.

Правда, мысль о том, что под тварью мы можем обнаружить россыпь человеческих останков, заставила меня передёрнуться. Буду надеяться, она ещё не успела никого сожрать.

Но благодаря словам Хена я взглянула на всё это по-другому. И впрямь захотелось и попробовать свои силы, и попытать удачу: а вдруг и в самом деле обнаружится невероятная находка? И даже если нет, если мы просто убьём эту тварь — наверняка то, что от неё останется, можно будет хорошо продать.

Если честно, мысль о деньгах сама по себе была невероятно соблазнительной: мать обещала, что будет высылать небольшое подспорье через Вейса, но теперь я не считала себя вправе этим воспользоваться, даже если брат смилостивится и передаст. Так что нужно было как можно скорее начать самой себя обеспечивать — и вот шанс подзаработать лежал там, внизу, в лучах голубоватого света.

Но остался один вопрос, ответ на который я во что бы то ни стало хотела узнать:

— Откуда ты узнал, что она здесь?

Хен отшутился:

— Сорока на хвосте принесла.

— Не скажешь?

Он попытался взъерошить мне волосы. Я увернулась и повторила:

— Не скажешь?

Хен вздохнул, пожал плечами:

— Услышал случайно разговор, когда был в городе. Мол, в пещерах неподалёку от города видели многолетнюю тварь. Я разузнал, о каких пещерах речь, сходил на разведку, посмотрел. И вот…

— А почему ты сразу мне не сказал, в чём дело?

— В академии слишком много чужих ушей, — поморщился Хен. — Ну и мне показалось, тебе было бы интересно. Или я не прав? Подождёшь наверху?

Вместо ответа я перехватила рукоять меча поудобнее.

Доверяю я Хену или нет?

Доверяю.

Может, и не следовало бы, я так мало о нём знаю — но мне хочется ему верить. Хочется думать, что он и впрямь не станет задумывать что-то такое, что могло бы мне повредить, что в самом деле просчитывает ходы наперёд, что заботится обо мне.

Что привёл меня сюда только потому, что посчитал: мне это понравится.

Я уже почти было приготовилась прыгнуть вниз, как Хен положил руку мне на плечо. Повернул лицом к себе. Сказал серьёзно:

— Подожди. Я абсолютно уверен, что всё будет в порядке. Но если вдруг что-то пойдёт не по плану — убегай. Поняла?

— Разве это то, что говорят человеку перед боем? — криво усмехнулась я. — Тем более перед его первым боем?

И Хен повторил мою усмешку:

— Всё будет хорошо.

Глава 21

Я соскочила на пол пещеры и издала пронзительный вопль — дикий, оглушающий, с использованием магии, повышающей агрессию. Выхватила меч и послала колючий грозовой заряд — ущерба от него никакого, зато неприятно. К тому времени, как в бой вступит Хен, мне нужно раздразнить эту тварь настолько, чтобы она и взгляда на него не кинула.

Сороконожка недовольно вскинулась и захрапела на манер разгорячённого коня. А мне на плечи легла тяжёлая «накидка» — магия Хена. Я чуть не улыбнулась: внутри потеплело от осознания, что он и правда защищает меня, что сейчас стоит позади и внимательно следит за каждым движением твари.

Сороконожка приподняла верхнюю часть тела. Лица у неё не было, но на переднем конце торчали жвала, а под ними располагалось нечто похожее на круглую, оснащённую острыми зубами пасть. Контуры тела твари мерцали и переливались голубым светом — то ли отражённым от стен пещеры, то ли её собственным.

Не знаю, были ли у твари глаза, но круглая голова со жвалами повернулась как раз в мою сторону. Я хотела было снова взмахнуть мечом, посылая второй заряд, но сороконожка сделала стремительный рывок, мгновенно оказываясь рядом.

Пронзительно заскрежетала защита. Я услышала, как Хен читает заклинание, а тело уже само действовало по заученным схемам: я сгруппировалась, перекатилась по острым камням, ушла из-под удара и встала за спиной у твари. Не давая ей опомниться, полоснула мечом.

Я ожидала, что тело сороконожки вскроется и оттуда польётся жижа, как из настоящего бурдюка, но меч словно встретился с железом — от силы удара загудела рука. Зато сзади тварь оплели золотисто-зелёные плети — это атаковал Хен. Сороконожка снова стремительно бросилась на меня. Контуры её тела засияли сильнее, и я получила мощный удар в грудь — сквозь все щиты и барьеры. Хотя нет, не сквозь — просто этот удар снёс защиту. Меня тут же охватило серебряное сияние, формируя новый щит: Хен отреагировал.

Некоторое время мы с тварью повторяли движения одного и того же танца: она бросается на меня, я ухожу из-под удара и наношу ей ответный. Но толку от этого не было: то ли кожа у твари была задубевшей, то ли магическая защита — мои удары были ей как щекотка.

Зато магия Хена действовала. Постепенно движения твари

стали медленнее, а сила атаки уменьшилась. Она всё чаще стала вертеть головой, отыскивая второй источник неприятных ощущений. Испугавшись за Хена, я удвоила усилия, но и сама с ужасом начала замечать, что не справляюсь.

Магия Хена действовала куда сильнее, чем моя. От большинства моих заклинаний и ударов тварь только недовольно шевелила жвалами, а вот от плетей Хена ощутимо вздрагивала. А ведь Хен ухитряется ещё и держать на мне защиту. Он и правда справился бы без меня.

Как только эта мысль промелькнула в сознании, сороконожка встала на дыбы. Я напряглась и приготовилась. Вот она кинется на меня, попробую вонзить меч ей в брюхо, может, там не такая толстая кожа, как на боках или спине.

Но тварь вместо того, чтобы обрушиться на меня всей своей тяжестью, извернулась, молотя в воздухе ножками, и бросилась на Хена.

— Стоять! — удочка прошла вхолостую. Затрещала защита, полыхнуло голубым.

Я послала магический заряд в тело твари, но она только вздрогнула, не пожелав и обернуться. Вцепившись жвалами в щит Хена, сороконожка мотала головой и кромсала его когтями. Хен выкрикнул заклинание, тварь спеленало зелёными побегами. Он отбежал назад, а я немного выдохнула.

Нужно перевести её гнев на себя.

Усилив меч огненными всполохами, я ударила её в спину. Бесполезно, как будто бьёшь железную бочку. Не обращая на меня внимания, тварь снова рванула к Хену. Пробила щит — только серебристые лохмотья разлетелись по пещере. Я услышала противный чмокающий звук, Хен застонал. Сороконожка снова встала на дыбы, и у меня чуть не остановилось сердце, когда я увидела, что Хен болтается в её жвалах, а острые шипы торчат из его плеча.

В следующий миг сороконожка яростно мотнула башкой, сбрасывая его. Хен ударился о стену, глухо вскрикнул и скатился вниз. Беловолосая голова бессильно упала на грудь. Сороконожка метнулась к нему, собираясь добить.

Ох, нет!

Я вложила всю себя в заряд «ярости». Не знаю, откуда только взяла силы, во мне словно открылся дополнительный источник. Сорванец осветился алым пламенем, я одним прыжком вскочила на спину твари и вогнала меч в щель между мерцающими голубыми пластинами.

Сороконожка взвизгнула, тело подо мной пришло в движение. Не удержавшись, я кубарем скатилась с неё — и еле

ушла от обрушившейся совсем рядом туши. Вскочила, перехватила меч. Помчалась дальше: надо увести тварь от Хена.

Мощное сверкающее голубым тело ударило меня в спину. Я вскрикнула, теряя равновесие, Сорванец отлетел в сторону и жалобно звякнул о камень. Сгруппировавшись, я перекатилась, встала, сразу же прыгнула — бронированная туша сороконожки ударилась в то место, где я только что была.

Метнувшись в сторону, я стала искать взглядом меч. Хагос, я не выстою с голыми руками. Я и с мечом-то с ней не справляюсь!

Сороконожка снова встала на дыбы, возвышаясь надо мной. Башка достигала потолка пещеры, жвала хватали воздух, полная острых зубов пасть раскрывалась и закрывалась, словно твари не терпелось впиться в меня.

И тут из-под потолка, из хода наружу, на пол пещеры спрыгнула чья-то фигура. Блеснули мечи, раздалось знакомое улюлюканье — так нас учили злить тварей на тренировках.

Карин!

Что он здесь делает?

Я не успела ни понять, ни предупредить его. Сороконожка повела жвалами, словно прислушиваясь. И так же, как недавно с Хеном, уже за миг до того, как обрушиться на меня, стремительно поменяла направление и кинулась на нового человека.

Поздно, там уже никого не было. Карин материализовался за спиной сороконожки, ударил, вложив все свои силы. И у него, как у меня, ничего не вышло, мечи лишь со звоном проехались по толстой шкуре. Сороконожка развернулась, куснула то место, где он стоял. За секунду до этого Карин метнулся вбок и снова ударил — и снова напрасно.

Я наконец нашла взглядом свой меч. Подхватила, тоже издала яростный вопль, привлекая внимание твари. Сороконожка недовольно загудела, повернулась в мою сторону, но нападать не стала, словно пыталась оценить степень угрозы.

Карин возник в другом конце пещеры. То ли он всё же причинил твари боль, то ли та среагировала на движение — но она бросилась в его сторону, мощным стремительным рывком.

Я чуть не вскрикнула. Послала заряд ей в спину, но он только белыми всполохами прошёлся по коже. Карин ушёл от удара в последний миг.

Было безумно страшно за него. У него ведь никакой защиты, один удар — и внутренности наружу. Карин выживает только на быстроте и своей магии. Хотя прямой атаки не выдержу и я. Какой из меня лидер боевой группы! Смех один.

Но я всё равно вытянула перед собой меч и сосредоточилась, читая заклинание.

И тут меня овеяло свежестью. Я обернулась. Хен пришёл в себя и, неуклюже цепляясь рукой за стену, уже стоял на ногах. Сороконожка разодрала его одежду, плечо было залито кровью, но рана на глазах затягивалась. У меня немного отлегло от сердца: живой, благодарение Нигосу.

— Сатьяна, атакуй! — резко скомандовал Хен. — Парень, придержи коней, дай ей немного времени.

Я кивнула и ринулась в бой. Теперь мне было не страшно, мерцала серебристая защита, я знала, что Хен не подведёт.

Карин послушался. Мелькнул смазанной тенью, уходя из поля зрения. Сороконожка навалилась на меня, я увидела вблизи раскрытую пасть, множество зубов в три ряда, жадно сокращающийся зев. Это длилось всего мгновение, я тут же ушла в сторону, но благодаря этому зародилась идея. И в следующий раз, когда сороконожка накинулась на меня, я всадила оснащённый боевым заклинанием меч прямо ей в пасть.

Тварь завизжала на неожиданно высокой ноте. Заклинание взорвалось у неё внутри и, похоже, нанесло немало ущерба, потому что сороконожка на глазах усохла, став почти вполовину меньше.

— Давай, — стегнул голос Хена.

Карин сорвался с места, прыгнул на спину твари, пробежал до головы и вонзил окутанные зелёным пламенем клинки в расщелину между головой и телом. Сороконожка этого как будто не заметила, яростно вгрызлась в мой щит. Плети Хена плясали по её туше, высасывая магическую энергию, а я держалась, принимая удары и отвечая своими, редкими, но сильными.

И постепенно тварь начала слабеть. Она уже не сияла так ярко, как раньше, наседала не так сильно, я даже смогла отбросить её пару раз воздушным щитом. Сама я чувствовала себя превосходно, тело было как из железа, не ощущалось ни усталости, ни напряжения в мышцах.

Сороконожка была уже не больше собаки, и, когда в очередной раз плети Хена хлестнули по ней, вдруг рассыпалась на полыхающую голубыми искрами массу из тысяч мелких коричневых сороконожек. Искры прянули вверх, а сороконожки брызнули врассыпную, и я взвизгнула, потому что насекомых терпеть не могла.

Карин, стоявший в три погибели, упираясь ладонями в колени, устало рассмеялся. Выговорил с паузами, еле переводя дыхание:

— Когда она была большой… ты не боялась… а мелких…

— Ненавижу насекомых, — сказала я вслух, провожая взглядом утекающих со всех ног сороконожек.

Обернулась к Хену:

— Ты в порядке?

Он кивнул. Вот уж кто выглядел устало… и неожиданно эротично в этих лохмотьях, оставшихся после схватки с сороконожкой. Я засмотрелась на его тело — сильное, подтянутое, с гладкими мышцами, блестящими от пота. От пота и крови — рана на плече уже превратилась в багровый шрам, но кровь ещё пятнала кожу коричневым. Захотелось провести рукой, счистить присохшее, стереть ржавые пятна. Дотронуться до горячей влажной кожи, а потом заглянуть Хену в глаза, проверяя реакцию.

Хагос… о чём я думаю, идиотка.

— Извини… — Хен подошёл ближе. Хотел что-то сказать, но не успел.

Раздался громкий враждебный голос Карина:

— Какого хрена ты, сукин сын, соврал ей?

Глава 22

Соврал? Я вскинула на Хена непонимающий взгляд. Хен смотрел на Карина. Недобро прищурился и поинтересовался:

— Это в чём же?

— Что этой твари всего десять лет. Ей лет тридцать, не меньше. И не заговаривай мне зубы, что ты не знал. Ты намеренно рисковал её жизнью!

— Это не так, — внешне спокойно ответил Хен. — Я действительно думал, ей не больше десяти, максимум пятнадцати. Потом, в процессе понял, что ошибся. А в том, что рисковал… — он посмотрел на меня, — тут ты прав. За это прошу прощения. У тебя, Сатьяна.

Я пожала плечами, чувствуя себя неловко. Чего эти двое окрысились друг на друга? Всё ведь закончилось хорошо.

— Неважно, мы ведь справились. Спасибо, Карин. Вот только как ты здесь оказался так вовремя?

Карин отвёл глаза, а Хен громко фыркнул:

— Как-как, проследил за нами, как ещё. Шёл от самой академии, что ли? Хвалю, хорошее владение «тенью»!

Карин зыркнул на него исподлобья, но промолчал. А я вдруг прозрела:

— Так это твоё присутствие я ощущала?! Ты следил за нами ночью?

Карин пожал плечами. На меня он не смотрел.

Тут в воздухе заплясали голубые искры. Свет усиливался, словно стекаясь от стен пещеры, от места, где рассыпалась тварь, сливался в ручейки, и наконец от этих ручейков сформировались два ярко-голубых дракончика, которые метнулись в разные стороны: к Карину и ко мне. Я вскрикнула, Карин отшатнулся, закрываясь рукой, но мы оба ничего не успели сделать. Дракончики, как будто так и надо, обвили наши кисти, сворачиваясь наподобие сияющих браслетов — и растворились.

— Это что ещё за дрянь? — Карин тряхнул рукой, будто пытался избавиться от невидимого дракончика.

Я повторять его жест не стала, но тоже в полном отупении уставилась на руку. В тот миг, когда дракончик обвил её, я почувствовала нечто вроде лёгкой щекотки, будто все волоски на коже встали дыбом, но сейчас не ощущала ничего. Ни щекотки, ни тепла, ни холода, ни веса чего-то инородного на запястье.

— А вам везёт, — прокомментировал Хен. — Чтобы в одном месторождении привалило обоим сразу… Вот только это значит, что остался тут один мусор.

Он присел на корточки между нами, наколдовал огненного светляка и принялся рассматривать грязный пол. Периодически отбрасывал в сторону какие-то камешки и лоскуты, и всякую другую подобную дрянь. При этом Хен бормотал себе под нос:

— Мусор, мусор, мелочь, дребедень… ну это, пожалуй, можно продать. И снова мусор.

Он выглядел непонятно разочарованным. Как будто не нашёл того, что хотел.

Карин подошёл ко мне, встал рядом, молча наблюдая. Я тоже молчала, чувствуя себя не в своей тарелке. Как-то неуютно, неловко, может быть, даже одиноко. Я не сразу поняла, почему.

Дело было в Хене. В том, что таким я его не знала — он выглядел незнакомцем. Жёстким, недобрым, пугающим. Но тут Хен вскинул взгляд, нашёл меня, и выражение его лица смягчилось.

— Иди сюда, Сатьяна.

Бросив нерешительный взгляд на Карина, я подошла. Хен выбрал среди отложенных в кучу камней один крупный, как голубиное яйцо, и такой же округлый, цвета яркой бирюзы.

— Возьми, — он положил мне его в руку. — За него можно выручить не меньше пятидесяти карр. Остальное я продам.

— А поделиться не хочешь? — хрипловатым насмешливым тоном спросил Карин за моей спиной. — Тварь ты вроде не один уделал.

Хен, не отвечая, ссыпал добычу в привязанный к поясу мешочек. Выпрямился и с высоты своего роста снисходительно заявил:

— Пронырам, которые только и могут, что подслушивать и подглядывать, хватит и того, что они уже получили.

Потом бросил взгляд на меня и пояснил тоном мягче:

— Эти ваши дракончики — истинная магия. Если повезёт, ты сможешь добыть себе магическое оружие.

Я тихо ахнула. В голове как-то всё пошло кругом: истинная магия? Оружие? У меня будет настоящий магический меч?! Звучит слишком сказочно, чтобы поверить… наверняка есть какой-то подвох.

— Что для этого нужно сделать?

— Пойдём, — Хен направился к лазу. — Объясню по дороге домой.

Мы шли почти весь день, сделав только небольшой привал на то, чтобы пообедать. Слава Нигосу, не встретили ни единой твари, иначе нам пришлось бы плохо. Я не чувствовала в себе сил ещё раз сражаться на пределе возможностей.

Хен вернул себе свою невозмутимость и на нападки Карина

отвечал насмешками. Карин от этого злился ещё больше, а Хен, в свою очередь, от этого только насмешничал с ещё большим удовольствием.

Тем не менее рассказы Хена о том, как приручают оружие, Карин слушал в оба уха. Даже не стеснялся задавать встречные вопросы, хоть и получал ушат насмешек вместе с ответом.

Выяснилось, что нужно каждую свободную минуту тратить на то, чтобы попытаться почувствовать оружие. Потом, когда образ оружия станет чётким, можно попытаться его призвать. Поначалу оно будет зыбким и недолговечным, но если не бросать попытки, то постепенно приобретёт настоящую форму. Вот только чем дольше оружие пребывает в физической форме, тем больше расход магии, так что на первых порах Хен велел нам быть осторожными и ни в коем случае не перестараться.

— Иначе выгорание, лазарет, никаких тренировок ближайшие полгода… ну и оружие, естественно, за это время исчезнет.

— Я буду очень осторожна, — клятвенно пообещала я.

Карин хмуро кивнул.

Я попыталась представить, какой он — мой меч. Одноручник или всё же двуручник? С прямым лезвием или изогнутым? Длинный или короткий? Балансировка, рукоять, лезвие расширяется к острию или, напротив, сужается?

Мечтать на ходу я могла ещё долго, но Хен остановился, посмотрел на уходящее к западу солнце и сбросил с плеча мешок.

— Ну что, привал, — устало сказал он. — Правда, не знаю даже, как будем ночевать, я на третьего лишнего не рассчитывал, в палатке еле-еле уместятся двое, и то в обнимку.

— За меня можете не беспокоиться, — буркнул Карин и сделал движение в сторону.

Я ухватила его за рукав:

— Опять будешь ходить ночью вокруг палатки и смотреть сычом? Нет, не надо. Мы всё равно будем спать сменами, так ведь, Хен?

Хен пожал плечами.

— Я с парнем вдвоём в палатке спать не собираюсь. Так что дело за тобой, Сатьяна.

Я не сразу поняла, что он имеет в виду, а когда поняла, густо покраснела. Отвернулась, потому что румянец мог, наверное, осветить весь лес не хуже закатного солнца.

Расчёт был очень простой: если каждый караулит треть ночи, то палатку непременно придётся делить на двоих. Хен отказывается спать с Карином, значит, остаюсь только я.

Конечно же, ясно, что речь не идёт о чём-то этаком. Просто Хен невзлюбил Карина (и это взаимно). Если выбирать из двух

зол, он выбирает меня, я и поменьше буду, следовательно, будет удобнее. Вот и всё.

— Конечно, не проблема.

Глава 23

Хен ушёл спать первым. Мы с Карином, не сговариваясь, сели по разные стороны костра и уставились каждый на своё запястье. Потянулось молчание. Я пыталась заговорить с дракончиком, почувствовать выбравшую меня магию. Но сколько бы я ни закрывала глаза и ни представляла себе образ меча или обвившегося вокруг запястья дракончика, так ничего не почувствовала.

С разочарованным вздохом открыла глаза и услышала такой же разочарованный вздох с другой стороны. Невольно на губы выползла улыбка.

— Как у тебя? — спросил Карин.

— Так же, — я опустила руку и посмотрела на небо.

Луна плыла над лесом, почти задевая крутым боком макушки деревьев. Огромная, жёлтая, с тёмными пятнами, в который каждый мог увидеть что-то особенное.

Я не видела ничего: с детства не отличалась богатым воображением.

— Сатьяна, — негромко позвал Карин.

Я перевела на него расслабленный взгляд. Карин сидел, чуть сгорбившись, положив локоть на колено, вполоборота ко мне. Костёр освещал половину его лица, а другая тонула во тьме, только загадочно поблёскивали зелёные глаза.

— Я вот хотел спросить, — расплывчато начал он. — Ты его давно знаешь? — и он мотнул головой в сторону палатки.

Я замялась. Не хотелось рассказывать правду. Карин и так недружелюбно настроен, и почему-то мне казалось, услышав, что мы знакомы всего ничего, он станет относиться к Хену ещё хуже. Ответила расплывчатым:

— Ну так… А что?

— На твоём месте я бы не доверял ему, — Карин говорил таким тоном, будто заранее решил, что я его не послушаю. И заранее злился. — Ты из-за него чуть не погибла. Если бы я не выскочил, вы бы оба умерли. Точнее, первой ты, а он мог и выжить, он же целитель. Может, он вообще тебя специально туда привёл, ты не думала?

— Глупости, — я помотала головой. — Зачем ему это? Не верю.

— Ну и не верь, — Карин нахмурился и с вызовом отвернулся. Правда, долго так не просидел. Не прошло и пяти минут, как он снова посмотрел в мою сторону: — Он всё себе забрал. Это ты тоже считаешь нормальным?

Я пожала плечами:

— Да. Потому что это его идея, и он справился бы один. Это я его подвела. Ну и он прав, в конце концов, ведь нам досталось магическое оружие. А его ни за какие деньги не купишь. Точнее, только за очень большие…

Карин помолчал, но я чувствовала, что не убедила его. Вздохнула, снова уставилась на луну. Завтра мы будем дома, и я ещё успею на праздник Любования. Правда, вряд ли Карин теперь захочет с нами вместе, он же на меня обиделся. А Хен? Может, тогда позвать Хена?

Внутри сладко сжалось, когда я представила, как мы танцуем на площади, под громадной круглой луной. Под звуки флейт, скрипок и барабанов — и Хен кружит меня, и взгляд, которым он смотрит на моё лицо, совсем не такой насмешливый, как всегда. Нет, это какой-то особенный взгляд, восхищённый, жадный, обжигающий…

— Ты его любишь?

Внезапный вопрос Карина оглушил меня и вырвал из мечтаний. На миг мне показалось, что Карин каким-то образом узнал, о чём я думаю, и я в панике замотала головой:

— Нет, ты о чём вообще?!

Потом сообразила: он же просто продолжает наш разговор. Хочет понять, почему я защищаю Хена. Торопливо добавила:

— Дело не в этом. Просто… просто не считаю, что он сделал что-то не так.

Не хочу признаваться Карину, что Хен и правда мне нравится. Я и себе-то признаваться не хочу.

На лице Карина мелькнуло странное выражение. Нечто похожее на облегчение — но причину этого облегчения я не поняла.

— Ты не хочешь развестись с ним? И пусть бы шёл своей дорогой?

— А я — обратно к мамочке под крылышко, вот спасибо.

Карин уткнулся взглядом в землю. Огонь высветил, как играют желваки на его челюсти. Мне показалось, Карин хочет что-то сказать, но он промолчал.

Когда настала моя очередь идти в палатку, я вдруг разволновалась. Охватило смутное жаркое смущение, которое я сама себе попыталась объяснить жаром от костра — отлично при этом понимая, что дело совсем не в костре.

Внутри было темно и пахло Хеном. Слышалось ровное дыхание. Я осторожно пробралась вглубь и устроилась на боку. Хен был прав: места в палатке хватало едва-едва. Я чувствовала жар его тела, и это ужасно смущало.

Потянула на себя одеяло: Хен, собака такая, замотался в оба. Он негодующе пробормотал что-то, но не проснулся.

Накатила усталость, я сладко зевнула. Прикрыла глаза, мир начал уплывать, в голове заметались какие-то образы: сороконожка, дракончики, обнажённый торс Хена. И тут вдруг меня сгребли в охапку и прижали к горячему мужскому телу.

Я пискнула, попыталась высвободиться, но почти сразу поняла, что Хен спит. Спит и едва заметно улыбается. Сердце ёкнуло: неужели ему опять снится его Наянэ?

Я прекратила попытки отбиваться, замерла в его руках. Всматривалась, как зачарованная, в расслабленное лицо. Хагос, а ведь он чуть не погиб сегодня. Если бы жвала сороконожки пронзили бы чуть ниже и левее — никакая целительская магия не помогла бы ему выжить.

Мысль о том, что я могла бы его потерять, оказалась такой острой и болезненной, что на глазах выступили слёзы. И ведь всё это по моей вине. Я была слишком слаба, чтобы удерживать тварь. Больше Хен никогда не позовёт меня ни на какие «вылазки», убедился, что я совсем бесполезна.

Но нет, я не сдамся. Наоборот, из-за всего этого мне только сильнее захотелось учиться и тренироваться. Тем более сейчас у меня появился шанс заполучить свой собственный магический меч. Если я смогу его приручить, я стану вдвое… нет, втрое сильнее!

Представив, как одной левой уделываю огромную тварь, не хуже сороконожки, я невольно разулыбалась.

Хен безмятежно спал, не подозревая о моих кровожадных мечтаниях. Губы чуть изгибались в улыбке. Я засмотрелась и вдруг поймала себя на желании прикоснуться. И не рукой — а губами.

Это желание оказалось таким сильным, что буквально в один миг завладело мной полностью. Мучительное, острое, бесконечно настойчивое — оно вытеснило из головы все другие мысли, оставляя только одну: хочу почувствовать мягкость его губ под своими губами, узнать, шелковистые они или шероховатые, податливые или жёсткие. И я, позабыв обо всём, затаив дыхание, потянулась вверх.

Украденный поцелуй… нечестный, ни к чему не ведущий… и всё равно внутри словно задрожала какая-то жилка, бросило в холод, а потом опалило жаром. Было так странно ощущать это — такое несмелое соприкосновение, чужое дыхание, опаляющее кожу, теплоту чужих губ. Захотелось прильнуть сильнее, лизнуть кончиком языка, раздвинуть губы Хена, с замиранием ожидая ответного действия.

Может, я бы и осмелилась, но тут что-то изменилось. Я так и не поняла, что именно: то ли сломался ритм дыхания Хена, то ли слегка шевельнулись его губы, то ли он выдохнул немного сильнее, чем раньше, или пошевелился — но чётко знала: он проснулся.

Отшатываться или отворачиваться было поздно. И я притворилась, что сплю — вот так, как есть, в опасной близости к его лицу, почти уткнувшись нос к носу. Сердце стучало, как барабан. Оставалось только надеяться, что Хен не расслышит этот бешеный ритм.

Хен зашевелился не сразу. Но наконец медленно отстранился, не меняя позы и не выпуская меня из рук.

Я чувствовала его взгляд — а может, только думала, что чувствую, потому что он остановился на моих губах, и при мысли об этом меня мгновенно залило румянцем. Как хорошо, что сейчас ночь и тьма, Хен ничего не разглядит.

Наконец Хен выдохнул, словно уверяясь, что ему всё привиделось, и расслабился. Снова притянул меня к себе, уткнулся носом в макушку и спокойно задышал. А я ещё долго лежала без сна, успокаивая мятущееся сердце.

Глава 24

В академию мы прибыли часам к десяти утра. Стоило пройти через ворота, как Хен сказал, что у него дела в административном корпусе, попрощался и исчез. Только на пути в общежития, когда мы с Карином, как сонные мухи, карабкались по склону, мечтая скорее упасть в постель и отоспаться, я вспомнила, что хотела пригласить Хена на Любование. Вздохнула. Теперь уже ничего не поделаешь. Может, удастся найти его на самом празднике.

А вот Карина я позвала. Правда, делала это в полной уверенности, что он откажется, потому что с раннего утра он был хмурый и неразговорчивый, но Карин вдруг согласился. Договорились встретиться к вечеру, на том же месте, где и распрощались — между общежитиями.

Комната промёрзла, потому что я оставляла окно приоткрытым: мало ли, придёт ласка. Но следов её присутствия не обнаружилось. Впрочем, горевать я не стала: сбегала в душ, перекусила и заснула с недоеденным пирожком во рту.

Проснулась ближе к четырём, и то только потому, что в дверь стучали так громко, что разбудили бы и мёртвого.

Это оказалась Лидайя. Причём такую Лидайю я никогда не видела: в длинном роскошном тёмно-красном платье с откровенным разрезом сбоку, с красной же лентой, повязанной набок и красиво оттенявшей короткие белые волосы.

Пока я, раскрыв рот, пялилась на разрез в юбке и кусочек загорелого бедра, Лидайя ворвалась внутрь и раскрыла дверцы шкафа.

— Ты что, спала? — ужасалась она, перебирая мою одежду. — Уже скоро начнут зажигать костры! Быстрее одевайся! Нигос, у тебя что, нет ни одного платья?

Ох. Я застыла на середине мучительного зевка. Платья? Ещё бы, откуда в моём гардеробе платья, я всю сознательную жизнь бегала от них, как от огня. В конце концов даже мама плюнула на попытки одевать меня как подобает девочке и позволила таскаться в тех же штанах и рубахах, которые до меня таскали Вейс и Лас, а может, даже Мане или Аттер.

Но сейчас при виде Лидайи, преобразившейся в красавицу, слушая, как бегают и собираются девчонки на этаже, при мысли о том, что я обязательно увижу на празднике Хена — мне очень захотелось тоже одеться в красивое платье, повязать на волосы ленту и предстать перед Хеном в таком виде, потупив глаза и посматривая сквозь приопущенные ресницы.

Но платья не было.

— В моих ты утонешь… — озабоченно сказала Лидайя. Потом схватила меня за руку: — Бежим скорее в торговые лавки! Всё хорошее, конечно, уже разобрали, но ты такая маленькая, может, твой размер и найдётся.

Лидайю сейчас мог остановить, наверное, только каменный великан наподобие охранителя ворот. Мне это было не под силу да я и не хотела. Правда, вспыхнула мысль, что у меня нет денег — но потом я вспомнила о бирюзовом камне, который подарил мне Хен. Он сказал, что можно выручить не меньше пятидесяти карр. Если это правда, это огромные деньги!

То ли Хен преувеличил ценность камня, то ли моя неопытность была написана на лице, но больше тридцати пяти ни один торговец мне не предложил, хотя мы с Лидайей обегали все лавки. В конце концов я решила согласиться, потому что времени было в обрез, а тридцать пять карр — тоже совсем неплохо.

И тут же пять карр я отдала за платье, хотя ему-то красная цена была не больше карра. В вечер Любования все цены взлетели до небес. Я сама виновата, что не позаботилась раньше.

Впрочем, я ничуть не жалела. Я влюбилась в это платье, как только его увидела, ещё даже не успев примерить. Светло-голубое, с открытыми плечами и пышными короткими рукавами-фонариками, с высокой талией и широкой юбкой, заканчивающейся чуть ниже колена, оно превратило меня в сказочную героиню. Вместе с платьем мы купили подвязанные лентами чулки и изящные туфельки на небольшом каблуке, и собственное отражение в зеркале вызвало у меня бурю восторга.

Раньше я от таких нарядов бегала, как от огня, а сейчас внутри прямо сжималось от радости и сладкого предвкушения — интересно, какое лицо будет у Хена, когда он меня увидит!

Мы ещё раз сбегали в общежитие, и Лидайя причесала меня и накрасила — совсем чуть-чуть, но даже этой малости оказалось достаточно, чтобы я с трудом себя узнавала. Глаза стали глубже и загадочнее, губы выразительнее, щёки загорелись лёгким невинным румянцем, а короткие волосы, закрученные на горячий чугунный прут, завились в локоны по обеим сторонам лица. Глядя на себя в маленькое зеркальце в комнате у Лидайи, я почти уверилась в том, что Хен сегодня обязательно увидит, что я не просто маленькая девочка… а вполне себе заслуживающая внимания молодая девушка.

Радость лишь слегка омрачила клановая целительница — я уже знала, что её зовут Висперина. Завидев меня, она фыркнула и прошептала что-то одной из своей свиты, на что та ответила взрывом визгливого лошадиного смеха.

Лидайя быстро сказала:

— Не обращай внимания.

Но я и сама не собиралась этого делать. Сегодня все мамины уроки наконец пригодились. Я только вскинула голову повыше и проплыла мимо Висперины с подпевалами с независимым видом знающей себе цену ар-теранны. Даже брошенное в спину: «Слыхали? Сама замужем, а корчит из себя девицу» — не заставило меня остановиться.

Вот только озадаченное лицо Лидайи напомнило, что я так и не рассказала ей о своих отношениях с Хеном. А ведь об этом знает уже всё общежитие, раз сведения дошли до Висперины. А может, ей сказал об этом сам Хен? Например, в ответ на её признание… Ох, это было бы так смешно!

— Она говорила обо мне, — сказала я, не дожидаясь вопросов. Вопросов, кстати говоря, могло и не последовать, потому что Лидайя была на удивление деликатна. Но мне уже самой хотелось рассказать ей всё начистоту.

И я быстренько пояснила, где и как познакомилась с Хеном, почему приняла его предложение, какие теперь отношения нас связывают.

— Вот оно что, — кивнула Лидайя, выслушав мой сумбурный рассказ. — Формальный брак? Но ты очень смелая… я бы ни за что не смогла так поступить, — она помедлила и после паузы добавила: — Так вы не встречаетесь? То-то я думаю, что вы не очень похожи на влюблённых.

Я улыбнулась, стараясь не подать виду, что это невинная фраза меня ранила. Ну да, не похожи. Я и сама понимала, что это правда. Но неважно. Сегодня вечером всё переменится.

Глава 25

Карин ждал на аллее, привалившись к забору, окружавшему стадион. Он тоже приоделся: чёрные кожаные штаны перехватывал пояс с серебряной вязью, на запястьях красовались браслеты из чёрной кожи, на груди — наш факультетский медальон с головой рычащего льва, тоже сверкающий серебром на чёрном. Я первый раз видела его в таком виде и теперь всматривалась с удивлением, как будто впервые. И как будто впервые заметила, что он высокий, подтянутый, а плечи широкие.

— Тебе идёт! — вынесла искренний вердикт.

Карин почему-то не обрадовался, буркнул что-то невнятное, дёрнул головой. Метнул вопросительный взгляд на Лидайю. Та уже знала, что я позвала Карина, так что просто кивнула, приветствуя. Карин кивнул в ответ, пристроился рядом со мной, и мы втроём направились на стадион.

Оттуда уже гремели звуки барабанов, слышался высокий напев скрипки и гулкие басовитые тона виолончелей и контрабасов. В густое фиолетовое небо поднимались дымные столбы костров, и золотистые искры танцевали в плавящемся воздухе.

— Когда вы успели подружиться? — спросила Лидайя тихим шёпотом, когда мы влились в собравшуюся на стадионе толпу.

— Долгая история, — я махнула рукой. — Потом расскажу.

Лидайя, как и все в нашей группе, знала о дуэли и о том, что мы с Карином не ладим. А я и сама теперь не могла бы уже сказать, как и почему мы подружились — а мы совершенно определённо подружились.

Веселье только началось, ещё почти никто не танцевал, только какой-то стихийник со старшего курса, в характерном для стихийников долгополом наряде, отплясывал в середине площадки, залихватски поглядывая на зрителей. Двигался он хорошо, я даже засмотрелась, но Карин потянул нас к лавкам, где продавали еду. Глаза разбегались: жареная кукуруза, мясо на деревянных шампурах, горячее, истекающее соком вперемешку с соусом, политые шоколадом бананы, карамельные фигурки и обжигающие пальцы пирожки с самыми разными начинками, от мясной до вяжущей сладости малинового варенья.

Благодаря Хену и проданному камню я чувствовала себя богачкой и ходила по рядам, скупая всё, на что ложился глаз. Хорошенько потратившись, мы отнесли добычу к дубовым столам и, наблюдая за народом, с огромным удовольствием её уничтожили. Запивали всё это дело яблочным сидром.

Сидр подавали в громадных деревянных жбанах, так что неудивительно, что голова у меня пошла кругом, едва я опустошила свой жбан до половины. Стало ещё веселее, чем прежде, в лицо хлынул жар, и я стянула с плеч кофточку, которую в последний момент перед выходом мне сунула Лидайя.

Карин поперхнулся сидром и уставился на мои голые плечи так, будто никогда в жизни не видел. Он раскраснелся, тоже, видимо, от сидра или жара костров, глаза блестели, а взгляд сделался каким-то загадочным.

Меня рассмешило то, как он будто вмиг очутился где-то в своём мире, я быстро протянула руку и дала ему щелбан. Карин даже не увернулся, потёр лоб, отвёл глаза. И вдруг напрягся, с лица сошло задумчивое расслабленное выражение, он прищурился и выругался сквозь зубы.

— Что такое? — я обернулась, пытаясь понять, что привлекло его внимание.

— Я сейчас, — он вскочил и целеустремлённо двинулся сквозь толпу.

— Куда это он?

— Увидел знакомого какого-то? — предположила Лидайя.

Я наклонила голову набок. Может быть, и так, но, похоже, этой встречи Карин не ожидал, и не факт, что она его обрадовала.

Впрочем, не моё дело.

А в следующий миг я вообще увидела Хена, и поведение Карина мгновенно вылетело из головы. Хен сидел поодаль, на возвышении, среди старшекурсников, приоткрытый ворот рубахи обнажал сильную шею, а расслабленно опущенная рука с вязками амулетов придерживала большую кружку с пивом. А рядом с Хеном сидел Лас.

И не просто сидел, они разговаривали о чём-то, даже смеялись, Лас жестикулировал, Хен скалил зубы, отпуская комментарии, Лас возражал, один раз даже по-дружески стукнул Хена по плечу.

Я смотрела на эту идиллическую картину во все глаза.

Почему-то нахлынула обида. Ко мне Лас не подходил ни разу после того, как моё замужество стало известным. И это при том, что мы с детства вместе, и Лас всегда был на моей стороне. Но сейчас он делает вид, что меня знать не знает — а с Хеном, оказывается, общается как ни в чём не бывало.

И тут Хен поймал мой взгляд, заулыбался и помахал рукой. Я как окаменела, поэтому на махание не ответила, зато Лас, увидев меня, тоже кивнул, как будто ничего не было.

Я шумно выдохнула и приникла к жбану с яблочным сидром. Осушила его до дна, а когда отставила в сторонку, Хен и Лас уже

смешались с толпой других третьекурсников. Я ещё немного посверлила взглядом белоснежную макушку, а потом мысленно махнула на всё это рукой.

Чего я страдаю — радоваться надо. Они же учатся вместе, на третьем курсе уже есть совместные тренировки всех трёх факультетов. Неудивительно, что Хен нашёл к Ласу подход. Лас не из тех, кто долго таит злобу.

На душе всё равно слегка свербело, но я решила больше об этом не думать. Вместо этого поинтересовалась у Лидайи:

— Ты когда-нибудь слышала имя Наянэ?

Это была целиком и полностью вина хорошо перебродившего яблочного сидра. В обычное время я бы и произнести это не смогла, а тут оно само прыгнуло на язык, стоило увидеть Хена. Снова вспомнилась расслабленная полуулыбка на его губах и это нежное «Наянэ» в темноте палатки.

— Наянэ? — Лидайя нахмурилась, будто пыталась вспомнить. Потом её лицо просветлело: — А, кажется, знаю!

У меня упало сердце, и тут она сказала:

— Это не имя. Это старое слово, сейчас его почти никто не использует, разве что услышишь от какой-нибудь бабуси.

— И что оно означает? — почему-то я разволновалась, снова стало жарко. Я бросила взгляд в ту сторону, где видела Хена, но толпа третьекурсников уже куда-то исчезла.

— М-м… пожалуй, ближе всего будет что-то вроде «мой хороший». «Мой милый». Так говорят, когда обращаются к кому-то маленькому, например, так бабушка может назвать своего внука. А! Или ещё парень может назвать так девушку.

— А что значит… если парень так сделает? Это значит, что он считает её маленьким ребёнком?

Лидайя энергично замотала головой:

— Нет, скорее всего, это значит, что она ему нравится. А где ты слышала? А! От Хенная?

Она хихикнула. Зарумянилась, прикрывая рукой рот. Было непривычно видеть Лидайю такой, но, видимо, яблочный сидр сказался и на ней.

— Возможно, ваш брак для него не такой уж формальный?

Я ничего не ответила. Вместо ответа встала и подхватила жбаны, свой и Лидайин.

— Пойду-ка я возьму ещё немного, — и, не дожидаясь возражений или предложений пойти вместе, быстренько сбежала.

Мне просто физически необходимо было сейчас оказаться одной.

Наянэ — вовсе не имя! Одно осознание этого наполняло сердце восторгом. Хен вовсе не видел сны о какой-то красавице-

вендайке. А о ком? Неужели Лидайя права, и Хен действительно думал в этот момент… обо мне?

Эта мысль оказалась настолько приятной, что, испугавшись, я решила затолкать её в уголок сознания. Было страшно поверить, чтобы потом разочароваться, узнав, что Хен имел в виду кого-нибудь другого. Но всё равно, что-то внутри словно бурлило от радости, и на языке вертелось «наянэ… моя хорошая…».

Зато на обратном пути, с двумя полными доверху, с белой шапкой пены жбанами, я вдруг увидела в закутке между торговыми фургончиками Карина. Он стоял ко мне вполоборота, с улыбкой на губах, и о чём-то оживлённо говорил собеседнице, нежно сжимая её ладошку.

Я бы не обратила на это никакого внимания: подумаешь, Карин с девушкой, может, они встречаются, я же не интересовалась, есть у него кто-нибудь или нет.

Вот только этой девушкой была Висперина.

Висперина, которая сегодня же в общежитии сказала, что я замужем. Я думала, она узнала это от Хена… но, может быть, ей сказал Карин?

А ещё кто-то ведь сказал Ласу, что я учусь на факультете боевой магии. Карин клялся, что это был не он, и я поверила.

Может быть, и зря.

Глава 26

Из-за случайно увиденного я вернулась к Лидайе растерянная и встревоженная. Вручила ей сидр, села рядом и, чтобы не отвечать на поддразнивания насчёт Хена, уткнулась носом в пышную яблочную пену.

Музыка стала громче, на деревянный помост в центре забрался какой-то парень, то ли старшекурсник, то ли молодой учитель — и объявил, что сейчас будут танцы. Едва он договорил, как костры, окружавшие площадку, вспыхнули столбами пламени, девчонки завизжали, а парни оглушительно засвистели. И, перекрывая весь этот шум, вступила пронзительная и надрывная трель скрипки.

Карин всё не возвращался, а к нашему столу вдруг подошёл какой-то незнакомый боевик, судя по внешности, где-нибудь с третьего или четвёртого курса. Слегка смущаясь, пригласил Лидайю танцевать. Та бросила короткий взгляд на меня, я помахала пальцами, как бы выгоняя её, и она, послав мне воздушный поцелуй, упорхнула.

В одиночестве я заскучала. Медленно пила свой сидр, смотрела, как проносятся в танце раскрасневшиеся девушки и довольные парни, как вьются юбки и ленты, а ветер уносит дым от костров и искры. Кто-то пускал огненные светляки самых разных форм и размеров, и они плыли над толпой, как важные надутые рыбы, покачивая круглыми боками.

Пару раз ловила на себе заинтересованные взгляды, но притворялась, что не замечаю. И тут мне на плечи легли тяжёлые руки, обдало запахом костра и горьковатых трав, и голос Хена сказал:

— Ты чего скучаешь здесь одна? Твоя подружка вовсю пляшет, видел её в толпе. Не хочешь размяться?

Я подняла голову, встречая взгляд Хена. Сердце привычно ёкнуло. Хен показался мне ещё симпатичнее, чем парой десятков минут назад: синие глаза сверкали весельем, в зрачках отражались огни, губы изгибались в довольной улыбке. Ему, похоже, было жарко, потому что завязки рубахи были распущены ещё сильнее, так, что в вороте виднелась гладкая грудь, и мне вдруг безумно захотелось провести по ней ладонью.

Я поспешно отвела взгляд. Только тут сообразила: Хен же зовёт меня танцевать. Кивнула, отставила жбан, в который вцепилась, как собака в мозговую кость, и уже хотела было встать, как рядом со столом, как дух из-под земли, вырос Карин.

— Пойдём потанцуем, Сатьяна, — резко потребовал он, не

обращая внимания на Хена. Даже больше — словно притворяясь, что никакого Хена тут нет.

Я растерялась. Если бы Хен не успел пригласить меня раньше, я бы с удовольствием пошла. И если бы не видела, как Карин нежничает с Висперионой. Но обстоятельства сложились совершенно не в пользу Карина, и я, чувствуя на себе внимательный взгляд Хена, виновато произнесла:

— Извини, Хен уже пригласил меня.

Карин ничего не ответил, только прищурился и стиснул зубы — было заметно по тому, как шевельнулись желваки на его челюсти. Теперь он провожал нас немигающим тёмным взглядом, а когда мы с Хеном влились в толпу танцующих, я успела увидеть, как Карин сел на моё место и одним махом опрокинул едва ополовиненный жбан.

— Ого, а твой дружок, кажется, расстроился, — прокомментировал Хен.

Прозвучало это совершенно неделикатно и с неожиданными нотками веселья. Я вскинула на Хена укоризненный взгляд, но он только рассмеялся и подхватил меня за талию, а потом и вовсе закружил в ритме танца.

Некоторое время мы увлечённо отплясывали. Это был танец простонародья, где каждый танцевал как мог, лишь бы попадать в такт. Кто скакал по-козлиному, кто выделывал сложные фигуры, кто чинно кружился на месте. Я бы с удовольствием тоже покружилась бы чинно, в кои-то веки чувствуя себя девушкой-девушкой, но Хен не давал: то хватал и подбрасывал, заставляя взвизгивать, то исчезал в толпе, появляясь с неожиданной стороны, то плясал так, что вокруг нас образовывалось пустое место, а другие танцующие уважительно хлопали.

Наконец музыка переменилась, стала вальяжной и медленной, скрипки запели нежно и тоненько, а народ вокруг словно сам по себе стал рассыпаться на парочки. Я думала, теперь мы вернёмся за стол, но Хен удержал меня за руку.

— Ты куда, — спросил он, задыхаясь. Лицо у него было всё мокрое от пота, но глаза сияли. — Успеешь ещё насидеться. Давай потанцуем как муж с женой.

Ясное дело, Хен смеялся, но для меня это было как ушат воды. «Как муж с женой»! Это ж надо такое отвесить. От смущения я не знала, куда девать взгляд, и на негнущихся ногах послушно пошла за ним следом. А Хен вывел меня чуть ли не в центр площадки, встал и привлёк к себе — так тесно, что я почувствовала, как быстро колотится его сердце.

У меня и так кружилась голова от сидра и танцев, а теперь ноги вообще ослабли, а мир завертелся перед глазами. Я тихо

всхлипнула от неожиданности и вцепилась в рубаху Хена — больше для того, чтобы устоять, чем потому, что так предполагалось в этом танце. Рубаха была мокрая насквозь и пахла чистым сильным мужским телом. Горячие руки обвили мою талию, невольно заставляя прогнуться вперёд.

Я услышала, как Хен рвано вздохнул, тело его напряглось, но не поняла, в чём дело. Смотреть на него я боялась: а вдруг поймёт, как я себя ощущаю.

— Ты сегодня очень красивая, — Хен сказал это быстро, прерывистым шёпотом, и от того, как это прозвучало и как горячее дыхание обожгло шею, мне показалось, что я сейчас умру.

Лидайя, наверное, на моём бы месте не растерялась, насмешливо спросила бы: а что, всегда не очень? Но меня сейчас хватало только на то, чтобы еле-еле переставлять ноги в такт плывущей над нашими головами музыке. Ничего не ответив, я кивнула, надеясь, что Хен не посчитает это слишком самоуверенным.

Некоторое время мы молча кружились в танце. Постепенно я успокоилась — сердце по-прежнему лихорадочно билось в груди, нагнетая внутренний жар, но уже не так сильно кружилась голова, и не так горели щёки от дикого смущения.

Зато на первый план выплыли другие ощущения. Дыхание Хена, колышущее мои волосы, его лицо совсем рядом, щека к щеке, его руки на моей талии, стук его сердца, не сбавлявший ритма, хотя мы давно уже просто тихо топтались на месте.

Близость Хена сводила с ума. Скосив глаза, я видела его чётко очерченные губы, решительную линию подбородка с едва заметной ямочкой, крепкую шею и в распахнутом вороте мягкие тени на ключицах — и всё сильнее становилось желание прикоснуться, губами ощутить жар и гладкость его кожи, лизнуть шею и ямочку между ключицами.

— Сатьяна… — хрипло сказал Хен.

Как зачарованная, я подняла лицо. Встретила взгляд Хена — какой-то не такой, как всегда, тёмный, затягивающий — и даже не вздрогнула, не застеснялась, только внутри прокатилась томительная дрожь.

— Я тебя люблю, — это вырвалось у меня само, на грани спирающего дыхания, эмоций, достигших высшей точки. Я не собиралась признаваться, но всё вокруг сыграло против меня: и эта наполненная запахами костра ночь, и веселье вокруг, и музыка, от которой остро и пронзительно сжималось в где-то глубине души, и присутствие Хена так близко, и его невозможный взгляд.

Но стоило этим словам сорваться с губ, как я поняла, что

совершила ошибку. Хен словно закаменел, отстранился, его взгляд стал почти испуганным. Он нервно облизнул губы, будто у него вдруг пересохло горло. И ничего не сказал.

Я остановилась. Хен выпустил меня из объятий и выпрямился. Мы застыли друг напротив друга, как противники перед началом дуэли. И чем дольше Хен молчал, тем яснее я понимала, что значит это молчание.

Это отказ.

Это ясное «нет», такое ясное, как если бы было произнесено словами.

Обжигающий стыд взметнулся вверх по шее. Напряжённый взгляд Хена, его опущенные руки, сжатые кулаки — я видела всё по отдельности, не замечая общей картины. В следующую минуту я уже бежала прочь — лавируя среди танцующих, врезаясь в чужие локти и плечи, на ходу извиняясь и не видя дороги из-за заставших зрение слёз.

Мне показалось, я слышала, как кто-то зовёт меня, но мне было не до того, чтобы останавливаться и выяснять, кто это. И тем более если это был Хен — я бы сейчас не выдержала, вздумайся ему извиняться и объяснять, почему мы не можем быть вместе.

В одно мгновение я преодолела половину стадиона, взлетела вверх по склону и, только очутившись уже рядом с общежитиями, в безопасной темноте, смогла перевести дыхание. Рыдания подпирали горло, и я бы непременно расплакалась прямо там, безобразно подвывая в голос, но тут сзади послышался шум чьих-то ног и учащённое дыхание.

Пришлось затаиться в надежде, что неизвестный промчится мимо.

Но это оказался вовсе не неизвестный. Лунный свет выхватил из темноты знакомые вихры и зелёные глаза на взволнованном лице.

— Что случилось? — не успев отдышаться, спросил Карин. — Этот козёл тебе что-то сделал?

Он остановился напротив, сжимая кулаки. Я замотала головой. Трусливо обрадовалась тому, что не успела заплакать, только слёзы выступили на глазах, а в темноте не сразу поймёшь, слёзы это или просто блестят глаза.

Карин некоторое время мерил меня взглядом, а потом решительно схватил за руку:

— Тогда пойдём назад.

— Зачем? Я не хочу!

— Потому что ты обещала мне танец. Или ты только с ним танцуешь?

Это прозвучало так враждебно, что я оторопела. Даже не возразила, что ничего не обещала. Карин потянул меня назад к стадиону, и только тогда я вырвалась.

— Не хочу, говорю же!

Карин шагнул ко мне и выглядел при этом так опасно, что я невольно отступила на шаг. Что с ним? Он перепил? Сам флиртовал с Висперионой, так чего прицепился к этому танцу?

— Ты сказала, у вас ничего нет, — Карин следовал за мной неотрывно. Глаза блестели едва сдерживаемым гневом. — Тогда почему?

Я отступила ещё и ещё, пока не оказалась прижатой к забору. Карин качнулся ещё ближе, поймал мои руки, придавил телом, так, что я не смогла даже пинаться.

— Отпусти!

Я почти вывернулась из захвата и ударила бы, но не успела. Лицо Карина оказалось совсем рядом, и я почувствовала его губы на своих. Жаркое дыхание со слабым привкусом яблочного сидра опалило кожу.

— Перестань, что ты де… — попытка избавиться от него словами потерпела неудачу.

Даже сделала хуже, потому что Карин воспользовался этим, чтобы поцеловать меня по-настоящему — и так требовательно, так жадно, что внутри будто что-то ёкнуло, откликаясь. Всего на миг — в следующий я уже всадила кулак Карину под дых.

— И не приближайся ко мне! — крикнула уже в отдалении, пока Карин пытался отдышаться: на одних инстинктах я усилила удар магией.

Не дожидаясь, пока он придёт в себя, я помчалась к общежитию, яростно стирая с губ чужой поцелуй.

Какого Хагоса ему вообще вздумалось лезть ко мне целоваться?! Висперина себя целовать не даёт, что ли? Ещё раз попробует — убью на месте!

Глава 27

Ночью, словно почувствовав моё настроение, снова приходила белая ласка, а утром я проснулась неожиданно равнодушная и какая-то холодная. Мне по-прежнему было стыдно вспоминать о вчерашнем, о закаменевшем лице Хена и том тягостном молчании, но за ночь мне словно удалось закинуть эти воспоминания в глухой ящик и накрепко закрыть крышку. Я вполне спокойно умылась, оделась, отзанималась в пустом зале — чувствуя себя почти как всегда.

Немного опасалась, что на тренировку принесёт Карина, но он не явился. Может, отсыпался после праздника, может, не хотел показываться мне на глаза после вчерашнего.

Вот и хорошо: я и сама-то не знала, как вести себя с ним. Если бы это было возможно, я бы вообще предпочла с ним не встречаться — по крайней мере, хотя бы до того, как всё забудется.

Но не встречаться с кем-то очень сложно, если ты учишься с ним на одном факультете. На лекцию по животноводческой магии я прибежала за мгновение до сигнала, но сразу же увидела в аудитории знакомую черноволосую макушку. Помедлила, невольно поискала взглядом свободное место, но Лидайя, сидевшая через одно сиденье от Карина, уже увидела меня и махала вовсю, предлагая сесть рядом.

Хагос.

Чтобы не огорчать подругу и не вызывать ненужных вопросов, я пробралась к ней. Вздёрнула нос: не к лицу Сатьяне Сантерн прятать глаза. Это Карин должен смущаться.

Впрочем, лекция началась, и мне стало не до Карина.

Я старательно корпела, записывая, и тут на стол упала скомканная бумажка. Упала слева, прицельно направленная щелчком смуглых пальцев Карина.

Какое-то мгновение я сомневалась, прочесть или скинуть бумажку со стола. Потом вздохнула, подцепила и развернула.

Послание оказалось коротким: «Извини. Я идиот».

Я взяла своё перо и нацарапала короткий ответ: «Да». Отложила бумажку на край стола, и её тут же сграбастала смуглая костистая рука. Потом слева чуть слышно фыркнули.

Следующая записка гласила: «Сильно злишься?».

Прочитав, я пожала плечами. Отложила на край стола, не ответив. Сама не знала. С одной стороны — да, злилась, но больше на то, что Карин общался с Висперионой. Хотя я сама виновата, не сказала, что не переношу её. Но меня раздражал сам

факт того, что человек, которого я фактически уже считала другом, мог иметь какие-то отношения с этой заносчивой и глупой гусыней.

Но ведь не могу же я взять и поставить ему ультиматум: или Висперина, или я. Да и с Висперионой у него, похоже, романтические отношения. А со мной… а со мной он просто перепил, наверное.

Эта мысль меня тоже разозлила, так что я нахмурилась и заскрипела пером с двойным усилием.

Больше Карин ничего не писал — разлёгся на парте с видом заскучавшего ветерана, а потом и вообще спрятал лицо в сгибе локтя и, кажется, заснул.

Когда лекция закончилась, мы с Лидайей вышли в холл. У доски объявлений образовалась настоящая толпа, и оттуда слышались возбуждённые выкрики. Там были не только боевики, но и ребята с других курсов. Все они толклись, пытаясь заглянуть в лист, закреплённый в самой серёдке. Из-за чужих голов я видела только большие красные буквы: «Внимание!».

— Пойдём-ка глянем, — высокая стройная Лидайя взяла меня на буксир и, словно ножом, рассекая толпу собственным телом, в один миг оказалась рядом с доской. По-свойски толкнула меня вперёд, а сама встала сзади, читая поверх моей головы.

Я впилась взглядом в стройные чёрные буквы.

«Объявляется начало отбора на первый тур межакадемических соревнований. Допускаются к участию ученики первого и второго курсов любой специальности.

В финал выйдут первые пятеро по каждой из выбранных категорий: ближний бой, дальний бой, целительство, магия стихий, животноводство. Вышедшие финал получат право участвовать во втором, групповом, туре отбора. Победившие во втором туре будут представлять Академию Трёх Сил в межакадемических соревнованиях следующего года.

Первый тур начнётся после осенней сессии, запись для участия проводится на кафедре стихийной магии».

Рядом висело похожее объявление, но для третьего курса, и отбор был уже групповой.

Я невольно облизнула губы.

Лас наверняка участвует. На первом курсе он дошёл до половины, на втором вошёл в пятёрку лидеров. В этом поклялся, что завоюет с группой призовое место.

А я? Я…

Вокруг орали на разные голоса. Кто-то радовался, кто-то твердил, что всё равно нет смысла, какой-то парень с курса артефакторики возмущался, что артефакторов среди категорий

отбора нет. Ему ответили на это, что артефакторика мирная профессия. Правда, кто-то другой тут же возразил:

— Можно и артефакторам, только пойдёшь как стихийник или целитель, или боевик. Ну, если твои артефакты достаточно хороши, конечно.

Тут же завопил какой-то высокий обиженный голос:

— Вам, артефакторам, хорошо, а нам, зельеварам, что делать?

— Как что, увидишь противника — вари зелье!

Грохнул взрыв смеха.

— Первокурсникам можно не беспокоиться, — проронила Лидайя. — Ну разве что ты клановый, да и то — бороться-то придётся со второкурсниками, а там тоже хватает клановых.

— А я попытаю удачу, — раздался совсем рядом голос Карина.

Я метнула взгляд в его сторону. Карин стоял, подняв лицо к доске, и сосредоточенно изучал текст объявления. Словно почувствовав, что я смотрю на него, повернулся:

— А ты?

Я пожала плечами.

Говоря начистоту, Лидайя была права — неклановым первокурсникам нечего ловить. Но я как раз была клановой. Однако дело было даже не в этом. Ну и пусть я никуда не пройду в этом году — зато в следующем, когда я буду уже на втором, я стану сильнее. Такой опыт нельзя упускать.

— Ты решился? — с сомнением протянула Лидайя. — А по какой категории пойдёшь? Лук или меч?

Карин открыл было рот и осёкся. На его лице появилось озабоченное выражение.

— Ещё не знаю, — буркнул он. — Сегодня решу.

— Иди лучником, там конкуренции меньше.

Карин только небрежно шевельнул плечами. Нахохлился и ушёл.

Еле высидев следующую лекцию, я полетела на кафедру стихийников — записываться.

В отличие от Карина передо мной проблема выбора не стояла. Меч и только меч. Отстояв небольшую очередь, я быстро накорябала своё имя, а потом устроилась в коридоре на подоконнике, сосредоточенно пытаясь почувствовать добытый в сражении с сороконожкой магический меч. Я и вчера вечером, и сегодня утром пыталась призывать, но пока особых успехов не было.

Представила, что заглядываю вглубь обвившегося вокруг запястья дракончика, и мысленно зашептала: «Мечик, миленький,

выходи скорее. Нас ждут такие свершения, не время медлить».

Поначалу я не почувствовала вообще никакого отклика, но минут через десять руке стало тепло, как будто дракончик соизволил прислушаться. Я воспряла духом и уже хотела было обрушить на него новую горячую тираду — но тут по коридору пронёсся усиленный магическим заклинанием рупора голос:

— Сатьяна Тайсен. Сатьяна Тайсен. В кабинет декана боевой магии, немедленно.

Я окаменела. Выпучила глаза, глядя вверх, откуда лился голос — как будто ожидала увидеть там самого мастера Верта. И только через полминуты, когда голос замолк, опомнилась и вскочила.

Хагос, что я натворила? Что декан узнал? Неужели что-то насчёт Хена? Или Карина? Или хочет запретить мне участвовать в турнире? Ни за что не подчинюсь!

Прибежала я растерянная, но готовая сражаться. Секретарь декана молча кивнул мне на дверь, я раскрыла её, влетела в кабинет — и оторопела, увидев у окна какую-то странно знакомую женщину с роскошным меховым палантином на худощавых плечах.

И тут эта женщина обернулась.

— Мама!

Глава 28

На миг я растерялась от чувств, захлестнувших меня с головой. Там было и изумление, и страх, и тревога — и радость видеть родного человека. Впрочем, последнее исчезло без остатка, когда мать подошла ко мне и сходу отвесила пощёчину.

Кожу обожгло, я заморгала, на глаза навернулись слёзы — больше от неожиданности и обиды, чем от боли.

Мать не дала мне опомниться, зачастила высоким пронзительным голосом:

— Да как ты посмела выскочить замуж без разрешения?! И за кого? С кем ты связалась?

Я стояла молча, прижимая к горевшему месту руку. Только стискивала зубы, хотя не собиралась отвечать. Просто от бессилия и злости.

— Ар-теранна Сантерн, — вполголоса сказал декан. — Позвольте напомнить, что теранна Тайсен теперь принадлежит другому роду. Вы можете выдвинуть главе её рода официальную претензию, но применять физическое и психологическое давление я вам не позволю. Сатьяна, ты вправе уйти.

Мать задохнулась от гнева. На щеках полыхнул румянец, глаза негодующе заблестели. Она открыла было рот, но поймала предостерегающий взгляд декана и замолчала, хотя было видно, что не утихомирилась.

Я с трудом ответила:

— Спасибо, декан Верт. Всё хорошо.

— Пойдём-ка, — мама решительно подхватила меня под руку. — Подумать только, мне запрещают говорить с моей собственной дочерью! Я ещё посмотрю, я ещё разберусь, кто позволил тебе учиться на этом ужасном, опасном, мужском факультете. Скорее развод и домой… Нет, сперва домой, там со всем разберёмся.

— Мама!

Дверь распахнулась навстречу, мама испуганно отшатнулась. На пороге вырос Хен.

При виде его внимательных синих глаз у меня болезненно дёрнулось сердце. Сразу вспомнилась прошлая ночь, как я замирала в его объятиях, как щекотало шею жаркое дыхание, а от сидра кружилась голова.

А потом — то загнанное выражение на лице Хена, когда он выслушал моё неловкое признание.

Кровь прилила к щекам, стало жарко. Я бы отвернулась, но с каким-то острым удовольствием наблюдала, как Хен окинул

кабинет быстрым взглядом и, явно в мгновение сообразив, в чём дело, сосредоточил внимание на маме.

Интересно, он сам прибежал сюда спасать меня? Или вызвали? Второе вернее.

— Добрый день, очень рад встрече, — он взял оторопевшую маму за руку и церемонно поцеловал. — Я ещё тогда удивился, какая у Сатьяны молодая и прекрасная мама. С тех пор вы только ещё больше похорошели. Истинное счастье, что ваша дочь так похожа на мать.

Мать только изумлённо раскрывала и закрывала рот. Глаза у неё стали огромные и совершенно обескураженные. Ещё бы: я только сейчас вспомнила, что они с Хеном уже виделись, просто она не сопоставила имя моего мужа с беловолосым вендайцем, так щедро оплатившем наши покупки.

Хотя я и сама слегка обалдела от лёгкости, с которой Хен буквально разливался соловьём. И звучало это всё так, словно он и в самом деле так думает, будто и впрямь ряд встрече, и смущён, и весь пропитан уважением и благоговением.

— Ты… вы… ты… что? Это что, был фарс? — мать вырвала руку и обернулась ко мне.

Я не сразу поняла: она решила, будто мы с Хеном уже были знакомы и разыграли сценку, чтобы мама прониклась к Хену симпатией. Замотала головой, внутренне напрягаясь. С матери станется подумать, что и кошелёк вытащила я. Сейчас получу вторую пощёчину.

Но Хен ответил:

— Что вы! Но с той встречи я не смог её забыть, — он ободряюще улыбнулся мне.

Я вспыхнула и отвернулась, сжимая кулаки. Даже не знала, чего во мне больше: злости, что он издевается, или желания хотя бы на миг поверить, что это могло быть правдой. А Хен всё продолжал вешать матери лапшу на уши:

— …а потом мы оказались в одном караване. И…

Она прервала его на полуслове:

— Сумасшествие! Да кто вы такой? По какому праву вы посмели ребёнка обмануть, увести из семьи, втянуть в свои грязные…

— Мама! — прошипела я. Было безумно стыдно, что она называет меня так при Хене. Тем сильнее, что проскальзывала мыслишка, что он тоже считает меня ребёнком.

Хен выпрямился, будто опомнившись.

— Да, конечно. Позвольте представиться официально, Хеннай Тайсен, глава рода Тайсен из Вендая. Наш род малочисленный, но у него долгая и славная история. И мы стоим горой друг за

друга. Впрочем, что это я всё о себе. Безумно рад, вы проделали такой путь, вас, должно быть, утомила дорога. Я знаю очень вкусное заведение в городе, буду очень рад пригласить вас туда. Разумеется, я всё оплачу. Это только доля благодарности вам за ваш приезд.

Мама обомлела от такого напора. Даже не сопротивлялась, когда он повёл её из кабинета. На выходе Хен кинул на меня непонятный взгляд. То ли проверял, что я в порядке, то ли боялся, что устрою скандал.

— Сатьяна! — спохватилась мама, и я, отвесив короткий поклон декану, выскочила за ними следом.

Пристроилась рядом с мамой, чувствуя себя третьей лишней и страстно желая оказаться где-нибудь в другом месте. Хен шёл рядом с мамой с другого бока и не переставал заливаться. Рассказывал про семью, которая ничем особенно не известна, разве что умеет зарабатывать, про свои перспективы, про то, что его уже зовут после окончания академии в одну слаженную группу. Я всё это слышала в первый раз, и почему-то было обидно. Мы уже больше месяца знакомы, но ни про его семью, ни про его планы я почти ничего не знала.

У ворот академии мы встретили Ласа. Мать тут же накинулась на него с упрёками, но пыл у неё от беспрестанной атаки Хена явно поубавился. Тут же выяснилось, что Вейс с группой на практике, передаёт привет. Я ему молча позавидовала: заложил меня матери, а сам смотался, даже встречаться с ней не пришлось.

Выйдя за пределы академии, мы как-то сами собой разбились на пары: впереди мама с Хеном, следом мы с Ласом. Хен не умолкал, мама постепенно освоилась настолько, что начала закидывать его вопросами, только мы с Ласом молчали.

Я ещё обижалась на него, что с того времени, как вскрылось моё замужество, он вообще со мной не общался, хотя с Хеном, похоже, помириться успел. И когда Лас заговорил, только зыркнула на него исподлобья.

— Не волнуйся, он её заболтает.

— Она всё равно ничего не может мне сделать, — возразила я. — Я теперь в другом роду.

— Не скажи. У клана длинные руки и много знакомых, которые нам так или иначе обязаны. Так что при желании мать может сделать так, что вам после окончания придётся тяжело.

— Тогда уедем из Морвенны, — сказала я из чистого противоречия.

— Да? Куда? — ухмыльнулся брат. — В Имерию? Думаешь, они дадут вам пересечь границу?

Отвечать на подначку я не стала. Ясное дело, в Имерию нам хода нет, обитателей Морвенны туда не пускают. Да и у нас имерцев ловят и уничтожают. Впрочем, зачем нам в Имерию, когда можно затеряться на диких землях так, что никто в жизни не отыщет. В смысле — кроме тварей.

Но, кажется, судя по тому, как Хен обрабатывает мать, бежать никому никуда не придётся.

Глава 29

Выбранный Хеном ресторан оказался совсем рядом с академией, но мы всё равно сели на извозчика, чтобы проехать с помпой пять минут, а не идти пешком пятнадцать. Мне показалось, Хен сделал это специально, чтобы пустить матери пыль в глаза, и я с мысленным вздохом отметила, что мой долг перед ним снова вырос.

Мама настолько смягчилась, что, когда мы вошли в ресторан, настояла на том, чтобы мы с Хеном сели рядом, напротив них с Ласом. Всё бы ничего, если бы сидеть не пришлось на диванчиках, таких узких, что я чувствовала, как бедро Хена прижимается к моему. И тут настала настоящая пытка.

Как будто мало было того, что нас усадили рядышком, как цыплят в корзинке, так мама ещё и начала выспрашивать всякие-разные щекотливые подробности.

— И кто же кому признался первый?

Я сглотнула. Показалось, что чувствую горячий взгляд Хена. Наверное, надо что-то сказать… но я не успела придумать, что именно, как спокойный чуть хрипловатый голос Хена уже отвечал:

— Я. Буквально в тот же день, когда увидел её в караване. Решил, что это судьба. Но Сатьяна всадила мне кулак в живот, так что пришлось начать осаду.

— Осаду? Но вы же поженились почти сразу, по-моему, тебе не пришлось долго её обхаживать? — мама усмехнулась и метнула на меня короткий острый взгляд. Мне почудилось в нём странное понимание, как будто мама прониклась рассказом Хена и мысленно согласилась с тем, что я и правда вряд ли могла бы устоять.

— Я понял, что хочу, чтобы она стала моей женой, как только увидел, — Хен пожал плечами. Я почти видела смущённую усмешку на его лице. Сама на него не смотрела и очередной удивлённо-понимающий взгляд матери выдержать была не в состоянии. Уставилась прямо перед собой, в тарелку густого супа-пюре с зелёной веточкой петрушки.

— И что же, любовь не позволила подождать? Нет, я понимаю, почему Сатьяна выскочила за тебя — назло мне, да и голову ты ей вскружил, наверное, она у меня легкомысленная девочка. Одни романтические бредни в голове. Но ты же старше её, почему не попросить сначала представить родителям?

В голосе Хена появились виноватые нотки.

— Да, вы совершенно правы, я поступил непростительно.

Вообще отказало умение мыслить. Я думал только о том, что она согласилась, и боялся, что передумает. Вот и… — я снова почувствовала, как он повернулся и смотрит в мою сторону.

Спрятала руки под стол, потому что смертельно захотелось Хену врезать.

Просто за то, что знает, что это неправда, знает, что это я в него влюбилась, а не он в меня, и вот так спокойно, как ни в чём не бывало, рассказывает — а мама верит!

Хен всё продолжал:

— …поступок очень глупый и необдуманный. Так что теперь я очень рад, что смог встретиться с вами и принести свои извинения. Если уважаемые родители Сатьяны и её родственники не возражают, мы могли бы приехать к вам на праздники Начала зимы и получить ваше официальное благословение. Чтобы сделать всё как следует. Я хотел бы выплатить вено.

Я подняла глаза и увидела, как лицо у мамы вспыхнуло жадностью. Она сразу постаралась вернуть себе невозмутимость, но я слишком хорошо её знала, чтобы обмануться.

Мама обожала тратить деньги. Постоянно выходила из семейного бюджета и ссорилась с папой, когда он ловил её на этом. А вено — выкуп за невесту — она с абсолютно чистой совестью может объявить полностью своим. Вот когда мы платили за жену Аттера, тогда пришлось раскошелиться папе — это же семейное дело.

Так что Хен угадал со стратегией.

— Да, конечно, приезжайте, будем рады, — мама расплылась в улыбке.

Я чуть не застонала вслух. Такими темпами я никогда с Хеном не расплачусь, даже закончив академию.

Ну нет, никакого визита на праздники, я просто не поеду домой, вот и всё. А то с Хена и впрямь станется выложить деньги, причём с таким видом, словно для него это ничего не стоит.

В дальнейшей беседе я не участвовала, молча хлебала суп, молча одолела запечённую с сыром рыбу, гарнир и салат. Мама с Пасом и Хеном болтали об обучении в академии. Речи о том, чтобы я перевелась к «рыбникам», не заходило — и на том спасибо.

Наконец мама заметила, что я не в духе. Спросила с лёгким недоумением:

— Сатьяна, а ты чего такая унылая? Недовольна, что мама приехала? Ну, знаешь, если бы ты сразу написала мне, мне бы не пришлось тащиться сюда через все земли!

Ага, конечно.

Если бы я написала, она вылетела бы сюда в тот же день,

когда получила бы письмо. Я же не Хен, у которого всё звучит так гладко, что только диву даёшься.

В ответ я только криво пожала плечами.

Мама не успокоилась:

— И вообще, что-то ты у меня не выглядишь счастливой влюблённой. С мужем сидишь рядом, как с чужим человеком.

Она засмеялась, как будто удачно пошутила — а я испугалась, что сейчас она всё поймёт. Заставила себя взглянуть на Хена. Он посмотрел на меня в ответ — внимательно и испытующе.

И я почувствовала, как на плечи легла тяжёлая рука. Сердце сразу рванулось, застучало, как сумасшедшее. Я уставилась куда-то вниз, а Хен привлёк меня к себе и легонько поцеловал в висок. От прикосновения тёплых мягких губ по телу хлынули мурашки, в животе словно закрутилась тугая пружина. А Хен всё не спешил отпускать меня, как будто наслаждался близостью, глубоко вдыхал мой запах и продолжал легонько касаться губами виска.

Я заставила себя остаться на месте только потому, что мама с Пасом наблюдали за нами. Лас, правда, отвёл глаза, но мама смотрела вовсю, а на губах её была улыбка.

— Вот теперь я вижу, что передо мной влюблённые голубки, — проговорила мать удовлетворённо.

Хен отпустил меня. До слуха донеслась слабая усмешка. Я продолжала сидеть, уткнувшись взглядом в пол, сжав кулаки, чувствуя, как щёки пылают от смущения.

Ох, как бы мне хотелось поверить, что Хен не притворяется. Если кто-нибудь сейчас предложил мне сделку: я узнаю настоящие мысли и чувства Хена, а взамен буду обречена на вечную кабалу — я бы подписала этот договор на месте. Но увы, такого доброжелателя не существовало.

Когда после обеда мы вернулись в академию, мама вдруг взяла Хена под руку:

— Хеннай, проводи меня к ректору. Нужно кое-что обсудить.

Меня это насторожило, но Хен поймал мой взгляд и подмигнул, мол, не волнуйся.

Мама обняла меня и Ласа, сообщила, что зайдёт позже, и упорхнула вместе с Хеном.

— Зачем ей к ректору? — подозрительно спросила я, провожая её взглядом.

Лас фыркнул:

— Да низачем. Это предлог. Что ты, маму не знаешь? Она просто хочет остаться с твоим мужем наедине, обсудить сумму выкупа. Хотя, может, и из ректора чего вытянет…

Хагос!

Лас прав — в этом вся мать.

И ведь она даже не задумалась о том, чтобы вернуть Хену деньги, которые он на нас потратил. Нет, вместо этого она только собирается взять с него ещё.

Вот уж нет. Не позволю. Костьми лягу, но не пущу Хена к нам, что-нибудь придумаю. Поеду одна или не поеду вообще.

Когда мы поднимались по склону, Лас заговорил:

— Ты знаешь, я поначалу был настроен резко против. Ну, у вас это всё очень внезапно случилось, мы были уверены, что он чего-то от тебя добивается. Настроил тебя против нас. А сейчас… Сейчас вижу, что он и впрямь хороший парень и любит тебя. Ну и это нормально — заплатить выкуп за жену. Не волнуйся, совсем без штанов она его не оставит. Он…

Слова «любит тебя» ударили меня, как топором. Я перебила Ласа на полуслове:

— Он это сам сказал?

— Ну не прямо так, но это видно. Вон он глаз с тебя не сводит, чуть глянет — сразу улыбается.

«Потому что считает меня маленькой дурочкой», — угрюмо докончила я про себя.

— Он интересуется тобой, заботится, побежал в деканат, как только услышал от меня, что мать туда пошла. А что? Поссорились? — Лас насторожился так, будто готов был бежать отбивать меня у Хена.

— Нет, всё хорошо, — я выдавила улыбку.

Впрочем, для этого не пришлось сильно напрягаться: новость, что Хен помчался выручать меня по собственной воле, и вправду меня обрадовала. Пусть он и не воспринимает меня как девушку, по крайней мере нашу дружбу моё неловкое признание не испортило.

Глава 30

Вечером мама, как и обещала, заглянула ко мне. Чуть поморщила нос, рассматривая скромную обстановку, но придираться не стала. Вместо этого уселась на кровать, похлопала по покрывалу, чтобы я села рядом, и начала:

— Ну что, кажется, всё не так плохо, как я думала. Я, конечно, всё равно не одобряю твоих поспешных самовольных решений, но теперь хотя бы понимаю, почему ты так поступила. Такой роскошный мальчик зовёт замуж, как уж тут устоять, да? — она легко толкнула меня плечом и улыбнулась. Добавила со вздохом: — Какая же ты у меня ещё маленькая. Но я рада, что он, по крайней мере, не какая-то шваль, а достойный человек. Я порасспрашивала декана целителей, говорит, он на хорошем счету. Правда, часто пропускает лекции. Я так понимаю, ради тебя? Устраиваете свидания? — она усмехнулась, я кивнула, хотя слышала об этом впервые. — Ты смотри, учись как следует. А то, может, всё же перейдёшь к стихийникам?

Я упрямо покачала головой. Повезло, мать не стала настаивать. Произнесла задумчиво:

— Жаль, конечно, что он не ар-теран. Я мечтала, что ты станешь частью сильного клана. Но зато он глава… это тоже неплохо. И деньги у них водятся, бедствовать ты не будешь. А если что — возвращайся.

Я даже растрогалась, хотя отлично понимала, что это мама говорит сейчас, а если я и впрямь вернусь — то сразу снова начнёт придумывать, как повыгоднее меня пристроить да как распланировать мою жизнь.

И тут со стороны окна послышался шорох.

Я по привычке оставляла всегда небольшую щель, чтобы ласка могла пролезть. Вот и сейчас знакомая остроносая мордочка просунулась внутрь.

— О, — я попыталась вскочить с постели, но мама выставила руку.

Ласка увидела маму, быстро высунула морду и попыталась сбежать. Не тут-то было — сияющий голубой шар преодолел оконное стекло и в один миг распустился плотной голубой сеткой, пеленая ласку от мордочки до кончика хвоста. Мощный порыв ветра распахнул окно и внёс зверька внутрь, прямо в руки матери.

Вернее, не совсем в руки — ласка зависла в воздухе перед лицом мамы, судорожно перебирая лапками, словно пыталась найти опору. Шёрстка распушилась, маленький рот отчаянно

скалился.

— Эт-то что ещё такое?! Сатьяна!

Мама вскочила и метнула на меня гневный взгляд. Я пожала плечами, не понимая, из-за чего она злится.

— Отпусти, это просто ласка. Она безвредная.

— Просто ласка? Просто ласка?! — мама презрительно фыркнула. — Это же та самая, что преследовала нас дома, в Орейле! Хочешь сказать, нет?

Я примирительно пожала плечами:

— Я не знаю, мам. На ней не написано. А чего такого, даже если та самая? Она не делает ничего плохого. Это же не тварь, на академии стоит защита.

— Какая же ты у меня наивная, Сатьяна, — сказала вдруг мать с пронзительной жалостью. — Ну какой из тебя лидер группы? Может, всё-таки переведёшься на магию стихий, пока не поздно? Там тебя хотя бы научат отличать обычное животного от привязанного.

Ласка замерла. Мне показалось, в глубине чёрных глаз метнулась паника. Мне стало её жаль, но одновременно с жалостью я почувствовала тревогу. Неужели мама права? Говоря начистоту, ласка и впрямь вела себя странно. Но я давно выбросила из головы мысль, что она может быть чьим-то шпионом, ведь фамилиары не могут далеко отходить от своих хозяев.

Я так и сказала маме, но она покачала головой:

— Значит, хозяин где-то рядом.

— Где? Стоит внизу? — я открыла окно и демонстративно высунулась наружу. — Пятый этаж! Или ты думаешь, за нами в Орейле следил кто-нибудь из моих соседок? На этом этаже одни первокурсницы.

Мало того, маг-животновод должен был ехать с нами в одном караване, ведь ласка привязалась ко мне ещё в дороге. Первокурсников там, кажется, точно не было. Впрочем, не факт: я и словом-то с ними не перекинулась, постоянно держалась вместе с братьями и Хеном. Однако мне казалось сомнительным, чтобы среди них вдруг оказался животновод, которому зачем-то вздумалось за мной шпионить. Прежде всего — зачем?

— Тогда… — мама, прищурившись, уставилась на ласку. — Тогда хозяин внутри неё. Животноводы могут сливаться со своими фамилиарами. А тогда… — глаза её торжествующе сверкнули.

Взмах пальцев, искусное движение кистью — и мать вытянула из ниоткуда мерцающую петлю. Ласка обвисла в воздухе, обречённо глядя, как петля приближается. Я не выдержала и

схватила маму за руку.

— Что ты делаешь? Не убивай её!

— Я не собираюсь её убивать, глупая. Я просто запру сущность мага внутри неё. Ты ведь там, да, шпионишка? Или покажешься по доброй воле?

Я уставилась на ласку со смешанным чувством страха и волнения. Неужели сейчас она действительно обратится человеком? Я только один раз видела, как животновод сливается вместе со своим животным — но это был огромный медведь, а совсем не маленькая ласка.

Пара жестов — и ошейник, как юркая змейка, сам скользнул на шею ласки, завился вокруг и успокоился, становясь обычной на вид перламутрово-белой лентой. Мама махнула рукой, вытянула из ленты мерцающую нить и хотела было привязать себе на запястье — но поймала мой взгляд, поморщилась и кинула нить мне.

— Это цепь, привяжи к своей ауре, чтобы шпионишка не сбежал. Он трусоват, раз уж появиться смелости не хватило. Завтра же днём пойдёшь на кафедру животноводства и потребуешь, чтобы они вытащили мага из этой белой шкурки. Я бы сама сходила, но обещала твоему отцу, что вернусь через три дня. Ты поняла? Завтра же!

— Поняла, — пробурчала я, вплетая нить в ауру.

Только теперь я начала понимать все масштабы катастрофы.

Может, мама и ошибается, но если права, то это кошмар. Я что, всё это время спала с неизвестным магом?

Хагос, я ведь и переодевалась без малейшего смущения! И брала ласку к себе под одеяло, и щеголяла при ней в маечке и шортиках, которые ничего не скрывают. И вообще не следила ни за поведением, ни за собственным языком, молола всё, что только приходило на ум.

И… тысяча тварей на мою голову, я же рассказывала ей про Хена!

Нет, конечно, в этих сведениях нет ничего такого важного, это же не семейные секреты. Но при мысли, что всё это время мои сокровенные излияния слушал какой-то незнакомец, мне стало и стыдно, и страшно.

— А они точно смогут разобраться, кто это? — я отвернулась от умоляющих чёрных глазок. — И я бы не хотела, чтобы кто-нибудь пострадал.

— Не волнуйся, — мать хищно усмехнулась. — Пострадает только тот клан, который осмелился заслать к нам лазутчика. Проследи, чтобы всё было тщательно зафиксировано. Мы ещё возьмём с них такое возмещение, что они пожалеют, что вообще

посмели сунуть к нам нос.

Мановением руки она отправила ласку за окно, подвесив снаружи в магической сетке, и закрыла окно непроницаемой для прослушивания пеленой. После этого мы снова уселись на кровать, и мама ещё несколько раз объяснила мне, что делать завтра, как выдвинуть формальное обвинение, и велела отписаться сразу, как только выяснится имя посмевшего шпионить клана.

Вместе мы немного поломали голову над тем, почему ласка прибилась именно ко мне. Мать предположила, что я показалась ей, вернее, её хозяину, самой доверчивой, и я скрепя сердце была вынуждена согласиться. Ни Лас, ни Вейс ни за что не стали бы доверять подозрительному животному свои переживания.

Впрочем, утешала одна мысль: что никаких по-настоящему важных клановых секретов я ласке не рассказывала и рассказывать бы не стала. Только свои переживания и мысли по поводу Хена.

Уезжала мама с первым же караваном, так что подняться пришлось ни свет ни заря. Я взяла с собой ласку, чтобы сразу после проводов идти на кафедру животноводства. Мама сказала, что лучше управиться с этим делом перед тем, как начнутся лекции.

Лас уже отирался рядом с воротами, а вот Хен запаздывал.

Глава 31

— Где же Хеннай? — спросила мама почему-то у Ласа.

Тот пожал плечами:

— Я его со вчерашнего обеда не видел.

Мама обернулась ко мне:

— Сатьяна?

— Я тоже не знаю. Может, он забыл, что ты уезжаешь?

— Да как же забыл, когда я ему вчера три раза напомнила. Странно, мне показалось, он довольно вежливый молодой человек, неужели не появится?

Я оглянулась назад, на широкую осиновую аллею. По случаю раннего часа на ней не было ни единого человека. Действительно странно. Не похоже на Хена: он вчера так старательно обхаживал маму, нелогично, чтобы пропустил её отъезд. Это же испортит все его вчерашние завоевания.

И тут на аллее показалась несущаяся вовсю длинная худощавая фигура. Белоснежные волосы трепал ветер, но я и без этого узнала Хена: сердце ёкнуло и застучало быстрее.

— Прошу прощения! — закричал Хен издалека. — Проспал!

Он подбежал к нам, остановился и скосил глаза на ласку у меня на руках. Ничего не сказал, но взгляд выражал недоумение.

— Ничего страшного, — с неожиданной любезностью сказала мама. — Молодые должны спать хорошо. О, а вот и мой фургон.

Снаружи к воротам как раз подъезжала громоздкая махина, чуть покачиваясь на чёрных высоких колёсах. Мама не стала терять времени, попрощалась как-то особенно ласково, поцеловала меня в лоб, сказала, хитро блестя глазами, что желает нам счастливой семейной жизни и ждёт на праздники Начала зимы.

Хен заверил, что мы обязательно приедем, я молча кивала. Про себя думала, что уж чего-чего, а Хена домой я не потащу. Не хочу, чтобы ему пришлось платить за наш ненастоящий брак.

Мама забралась в фургон, её чемоданы забросили на крышу и крепко привязали. Внизу в окне показалось мамино лицо. Она замахала нам затянутой в перчатку рукой.

У меня почему-то защемило в груди. Странно, вроде бы надо радоваться, я снова остаюсь одна, буду продолжать учиться на любимом факультете, меня не развели с Хеном, всё уладилось просто замечательно — но всё равно нахлынула грусть.

Как будто это был последний раз, когда я почувствовала себя маминой девочкой, маленьким детёнышем. Как будто теперь меня точно отпустили во взрослую жизнь, с благословением, с

любовью — но дороги назад уже нет. И я почти влезла на столб ворот, чуть ли не на колени каменному охранителю, и махала, пока фургон не скрылся из виду, не обращая внимания на косые неодобрительные взгляды истуканов.

А потом Лас быстро попрощался с нами и, позёвывая, сказал, что идёт досыпать. Мы с Хеном остались одни.

Меня снова одолело смущение. Чтобы избавиться от него, я перехватила ласку по-другому, якобы чтобы размять руки, а на самом деле чтобы обратить на неё внимание Хена. Хотелось какой-нибудь безобидный предмет для беседы. Уловка сработала.

— Что это у тебя? Обзавелась питомцем?

Я покачала головой. Рассказывать всё начистоту не хотелось, почему-то сегодня мамина шпионская теория казалась мне сомнительной. Я ответила расплывчато:

— Несу на кафедру животноводства. Надо проверить кое-что.

— В чём ты подозреваешь бедное животное? — усмехнулся Хен. — Дай подержать.

Я передала ласку в протянутые руки. Что она убежит, я не беспокоилась: цепь была на месте, крепко ввязанная в ауру. Белый зверёк в руках Хена притих и казался совсем маленьким.

Хен осторожно погладил ушастую головку. Ласка прижмурилась, уткнулась носиком в его ладонь, высунула тонкий розовый язычок и лизнула.

— Ведёт себя как обычное животное… — прокомментировала я вслух.

— А на самом деле оно необычное? Расскажи.

Я промолчала, и Хен догадался сам:

— Думаешь, это чей-то фамилиар? Тогда хозяин ведь должен быть где-то рядом, — он протянул мне ласку обратно. — Может, вы с мамой ошиблись? Это ведь она велела тебе проверить?

Я пожала плечами и осторожно взяла лёгкое тельце. Ласка, словно смирившись со своей участью, прильнула и ко мне, устроила голову в сгибе локтя и почти по-человечески вздохнула.

Мы с Хеном уже шли по направлению к учебным зданиям. Я-то направлялась, как и хотела, на кафедру животноводства, а Хен, видимо, просто составлял мне компанию.

Как всегда с ним рядом, я чувствовала себя не в своей тарелке, внутри всё бурлило от волнения и смущения. Особенно сейчас, когда разговор иссяк. К слову, это тоже было немного странно, обычно Хен не молчал подолгу: болтал, шутил, подкалывал. А тут шёл рядом, бросал изредка взгляды и не на шутку этим смущал. Хагосов муженёк.

Когда мы дошли до учебного корпуса, Хен приглашающе открыл мне дверь. Я хотела было зайти, но едва поставила ногу

на крыльцо, как Хен взял меня за локоть. Тёплые шершавые пальцы проехались по коже, по спине, по позвоночнику прошла мощная волна мурашек. И в этот самый момент ласка вдруг напружинилась и резко оттолкнулась от меня всеми лапами.

Это был отчаянный и дикий прыжок. Ласка взвилась в воздух, вытянулась стрелой, хвостик затрепетал на ветру. Приземлилась она в десяти шагах и тут же юркой белой молнией метнулась по двору, мгновенно исчезая где-то в кустах.

— Стой! — я бросилась за ней, потом вспомнила про цепь, натянула…

Чтобы обнаружить, что к ауре привязан лишь жалкий огрызок, на глазах истончающийся и рассыпающийся прахом.

— Хагос!

Я остановилась, сжимая кулаки. Ужасно хотелось запустить в кусты какое-нибудь боевое заклинание. Перехитрила! Да как она только смогла?! Там точно внутри какой-то маг! И ведь мама не подозревала о такой возможности, иначе бы обязательно предупредила!

— Мы её найдём, она не успела далеко убежать.

Я покачала головой. Хен не знает, сколько раз я уже пыталась её поймать. И это было ещё тогда, когда ласка не подозревала подвоха. Теперь она вообще ко мне не подойдёт.

Мы всё же пошарили по кустам, но, как я и думала, безрезультатно. Ласка пропала, не оставив ни следа, ни клочка даже белой шерсти на ветках. Сбежала. Вернётся теперь в свой клан, там хозяина высвободят из тела фамилиара.

— Ну не огорчайся, — сказал Хен, когда стало ясно, что мы ничего не найдём. — Она же не сделала тебе ничего плохого, насколько я понимаю? Ну вот, значит, тот человек не хочет тебе ничего плохого. А ты теперь знаешь, предупреждена и вооружена. Я тоже буду посматривать.

Я кивнула. Хен был прав. Теперь глаза не спущу с каждого мага, даже стихийника, которому только вздумается ко мне приблизиться. Обязательно выясню, кто это.

— О, супруги Тайсен! — раздался сзади смутно знакомый голос.

Мы с Хеном одновременно обернулись. Перед нами стоял одетый с иголочки (впрочем, как всегда) ректор — в вышитом серебром жилете, с перекинутым через руку плащом, даже с тросточкой в руке.

— Здравствуйте, ректор Магрус, — поздоровались мы в унисон.

— Очень кстати, что я вас встретил, — заулыбался он. — У меня для вас прекрасная новость. Хотя, быть может, вы уже в

курсе?

Мы переглянулись. Хен пожал плечами, я повторила его жест.

— Удалось найти для вас отдельную комнату. Точнее, даже отдельные покои, в общежитии для приезжающих команд. Там все удобства: спальня, кухня, гостиная, ванная и так далее. Хотя… ну как удалось, — ректор засмеялся. — Скажу честно, что если бы не настоятельная просьба вашей, студентка Тайсен, уважаемой матушки, это было бы нелегко… но, в общем, как бы то ни было, сегодня вечером вы переезжаете. А что такое? Не видно радости на лицах?

Хен глянул на меня, расплылся в улыбке. Даже его живая мимика подвела, улыбка вышла натянутой. Я тоже попыталась улыбнуться, чувствуя, как густая краска заливает лицо. От ужаса аж волосы встали дыбом. Общая ванная? Общая спальня?

Вот ведь мама! Оказала, называется, услугу!

Я не хочу жить с ним в одной комнате! Он мне не настоящий муж! Он парень, который мне нравится и который не в состоянии ответить на мои чувства! Как я буду спать с ним в одной постели?!

Глава 32

— Ничего себе…

Ректор не преувеличил, покои впрямь оказались роскошными — особенно по сравнению с той узкой комнатушкой, в которой я жила раньше. Небольшая прихожая — с комодом для обуви и пуфиком, чтобы удобнее было её надевать — выходила в гостиную, тоже сравнительно небольшую, но очень уютную, с кухонным уголком, который от основной зоны отделяла высокая стойка с двумя табуретами перед ней.

Ещё в гостиной стояли два письменных стола и две высоких полки для книг, посередине небольшой обеденный стол с двумя стульями, а широкое окно выходило на увитый плющом балкончик. Этот балкончик был общим со спальней, так что выйдя на него из гостиной, можно было зайти в спальню, если, конечно, дверь не была заперта.

А уж спальня вообще заставила меня покраснеть. В ней не было ничего, кроме кровати — вернее, были ещё две тумбочки и огромный встроенный в стену шкаф — но кровать с лихвой перетягивала на себя всё внимание. Широченная, даже не дву-, а скорее трёхспальная, под тёмно-зелёным бархатным балдахином, накрытая шёлковым тускло блестящим золотистым покрывалом, с высокими подушками — она напоминала скорее любовное гнёздышко в каком-нибудь гареме, чем скромную спальню двух, пусть и женатых, но всё же студентов.

Я с ошеломляющей яркостью представила, как на этом покрывале сплетаются в жарких объятиях двое, и безудержно покраснела. Представила, как Хен обнимает меня, как я тянусь к его губам, как его взгляд меняется, темнея так, что дух захватывает.

А потом вспомнила, как поцеловала его в палатке. И хорошо ещё, что тогда Хен спал и ничего не понял.

А что если он не спал?!

Эта простая мысль заставила меня ощутить себя как на костре. А ведь и правда: он вполне мог не спать, только притвориться, будто ничего не понял.

Хотя нет, ведь он тогда обнял меня. Зачем бы ему это делать, если я ему не нравлюсь? Тогда уж было бы логичнее отвернуться от странной девчонки, вздумавшей лезть к нему с поцелуями.

Ох, Нигос, чума на твою голову.

Нет, я, конечно, не собиралась снова его целовать. Но вся эта близость… вернее, одно только ожидание близости — всё это кружило голову и лишало способности соображать. Я уже и сама

запуталась в своих чувствах: нравлюсь я Хену или нет, догадывался ли он о моих чувствах до признания или нет… — и самый главный вопрос: у меня совсем нет шансов или всё же на что-то можно надеяться?

Объект моих рассуждений, совсем не подозревавший о том, что творится у меня внутри, остановился неподалёку.

— Я в гостиной буду спать, — сказал он. — Спальник есть, нормально.

Меня захлестнули смешанные чувства. Там было и облегчение, что выход нашёлся, и злость, что Хен вообще решил искать этот выход. Отчаяние: вот я размечталась-то, а ему вовсе и не хочется спать со мной вместе.

Хотя это понятно, с чего бы ему хотеть, если он продолжает делать вид, что признания не было.

А с другой стороны, знать, что он спит на полу, когда я буду в позе морской звезды валяться на этой огромной кровати — это тоже вызывает сильный моральный дискомфорт.

И я предложила, стараясь думать, что передо мной Лас или Вейс:

— Мы вполне можем спать вместе на кровати, она вон какая громадная.

Хагос, только бы он не подумал ничего лишнего! Только бы не отвесил какую-нибудь дурацкую шуточку…

— Не боишься за свою невинность? — спросил Хен с ехидной широченной улыбкой.

А потом поймал мой взгляд, и всё вдруг неуловимо переменилось. Повисла странная напряжённость, Хен отвёл взгляд, улыбка пропала с его лица.

Он отошёл к балконной двери. Оттуда оглядел спальню ещё раз. Сказал с вопросительным оттенком:

— Как тебе будет удобнее?

— Ну кровать огромная, — пробурчала я снова. — Не думаю, что будем мешать друг другу.

— Ну хорошо, — с сомнением отозвался Хен. — Сегодня можно и так. А так надо в здешних лавках или в городских присмотреть какой-нибудь топчан, поставим его в гостиной.

Я кивнула. Вот и договорились, а всё равно неловко и немного обидно.

Ужинать решили «дома». Хен сам предложил что-нибудь приготовить. У меня с готовкой было худо, я как-то всю жизнь налегала больше на упражнения с мечом, чем на всякие женские занятия, и даже мама, сама не очень любившая готовить, смотрела на это сквозь пальцы. А теперь вот я об этом пожалела.

Знай я, как всё это делается, сейчас бы так же ловко стучала

бы ножом по доске, шинкуя капусту, или одной непрерывной стружкой бы снимала с картошки кожуру. А так оставалось лишь наблюдать, как это делает Хен.

Впрочем, это тоже было здорово. Я загляделась на его ловкие быстрые движения и длинные сильные пальцы… когда они брали овощи, почему-то так и представлялось, как эти же пальцы ласкают женское тело. Такими же нежными и уверенными движениями.

— О чём задумалась? — вопрос застал меня врасплох.

Я поспешно отвернулась и только после этого сообразила, что попытка скрыть выдала меня с головой. Боязливо глянула на Хена — так и есть, он смеялся. Одними губами и глазами — но искорки смеха читались безошибочно.

— Учусь, — пробурчала в ответ. Показала учебник по животноводству, как будто в качестве оправдания.

— Может, чем-нибудь помочь? — Хен накрыл крышкой закипавший суп.

Сполоснул доску, поставил на сушилку. Потом неторопливо подошёл и остановился прямо за моей спиной. Позвоночник тут же осыпало мурашками.

Я покачала головой. Потом вспомнила ласку.

— Как ты думаешь, кто следит за мной?

— Следит? Зачем?

— Вот это я и хочу выяснить.

Хен, кажется, пожал плечами или развёл руками: я почувствовала движение воздуха и поймала краем глаза отражение в стоявшем наискосок большом зеркале. Уставилась туда уже с осознанным интересом.

Хен стоял, как я думала, совсем рядом, при этом сохраняя небольшое расстояние. Меня поразило его выражение лица: удивительно серьёзное и даже как будто с долей душевной борьбы, от которой делались чётче скулы и сильнее становилась складочка между бровей. Он смотрел не на меня, а скорее в пространство, но стоял при этом так, словно вот-вот был готов сделать шаг вперёд и заключить меня в объятия.

Я поспешно отвернулась от зеркала.

Ну вот, начинается: безудержное воображение, дурацкие желания, всякая придуманная чушь. Если дать мне волю, я снова себя накручу. Опять как наброшусь на Хена с признаниями или, упаси Нигос, поцелуями.

Чтобы избавиться от наваждения, продолжила рассуждать вслух:

— Интересно, может ли быть такое, чтобы маг не был внутри?

— Почему ты думаешь, что не был?

— Не знаю… может, мне просто хочется так думать. А то неудобно думать, что со мной спал… кто-то.

Хен издал короткий смешок.

— Зайди завтра к животноводам, — посоветовал он. — Не повредит узнать побольше об их магии. Может, и подозреваемого найдёшь.

Почему-то меня эта мысль не вдохновила. Даже наоборот — как будто стоило Хену её озвучить, как у меня появилась внутренняя уверенность, что полезной информации на кафедре животноводства я не получу. Это, конечно, не повод не идти туда, но всё же…

И на протяжении ужина, и вообще на протяжении всего вечера меня не покидало ощущение странности. Может, тому виной были натянутые нервы, может, то, что после признания прошла всего пара дней, и ничего ещё не успело забыться.

А может, просто во всём виновато было присутствие Хена так рядом — постоянно, как будто так и должно было быть. То и дело накатывали разные мысли: а что если бы мы на самом деле были женаты. А что если бы на самом деле… вот едим-едим, а потом… Хен бы подошёл, обнял меня, поднял бы со стула… и его губы накрыли бы мои, я бы обвила руками его шею, он бы схватил меня на руки — а там уже шёлковое покрывало и тёмно-зелёный балдахин над нашими головами, и жадные прикосновения, и шелест сбрасываемой одежды.

Ужасно.

Но когда настала пора ложиться (перед этим я вызвалась помыть посуду, раз уж в готовке не участвовала), Хен вдруг объявил:

— Я пойду проветрюсь, а ты ложись.

Я поначалу хотела было возмутиться: какое проветрюсь на ночь глядя?! Потом сообразила: он же даёт мне возможность спокойно помыться и лечь. Кивнула, без возражений проводила, закрыла за ним дверь и действительно спокойно, хоть и быстро, расправилась с вечерними процедурами.

Потушила свет везде, кроме гостиной, нырнула в прохладную постель, затаилась, собиралась ждать, когда он вернётся, и притвориться спящей, чтобы потихоньку понаблюдать. И сама не заметила, как заснула.

А наутро я поняла, что Хен вообще не приходил ночью.

Не вернулся он и на следующий день.

Глава 33

К вечеру второго дня я извела себя настолько, что решила с утра ждать у кабинета ректора и бить тревогу. От того, чтобы не сделать это прямо сегодня, меня удержало только то, что день был выходной, а их ректор, по слухам, проводил в своём городском жилье.

На кафедре целителей никто ничего не знал, а симпатичная целительница средних лет только махнула рукой, когда я спросила, не появлялся ли Хен сегодня на лекциях:

— Он заглядывает-то пару раз в неделю. Может статься, ты его увидишь раньше, чем я. Скоро буду жаловаться. Я, конечно, всё понимаю, он всё это уже знает, но это не основание, чтобы так беззастенчиво прогуливать. Раз уж перевёлся на третий курс, будь добр слушать лекции третьего курса.

— Он всё уже знает? — повторила я, нахмурившись. Странно, мне почему-то казалось, Хен отучился только первые два года в городской школе Вендая. В школах обычно не преподают больше.

— Ну, насколько я понимаю, он уже учился где-то. Он, правда, не признаётся, но я вижу, когда ученик уже обладает какой-то базой. Если бы он был клановым, я бы решила, это домашнее обучение, но раз он теран… — целительница пожала плечами. — Думаю, он учился в какой-то другой академии.

Я покивала, но ушла в смятённых чувствах. Хен ни разу не упоминал какую-то другую академию. Зато вспомнилось, как он вешал лапшу на уши моей маме. Не сказал ни слова неправды, но увязывал правдивые сами по себе элементы в такую сложную вязь небылиц, что…

Конечно, нет ничего такого в том, что он учился в какой-нибудь другой академии, всё-таки Академия Трёх Сил очень далеко от Вендая. А перевёлся потому, что она считается в Морвенне лучшей. Но всё равно мысль о том, что, может, Хен и меня кормит такими же небылицами, была непривычной и очень неуютной.

В тот день я умаялась на тренировках до последнего: не хотела возвращаться в пустое общежитие и прислушиваться к каждому шороху. Впрочем, с нашего курса я такая была не одна: все пятеро клановых парней тоже решили участвовать. Это одновременно и мотивировало, и сильно выматывало: среди них я была далеко не самой лучшей.

А Карин всё же записался на участие лучником, и во вторую половину дня мы с ним почти не встречались: он всё время проводил на стрельбище. Лидайя же участвовать ни в чём не

собиралась и ходила на обычные тренировки с большинством курса. Из-за всего этого как-то в одночасье я осталась в полном одиночестве: ни подруги, ни друга, ни мужа, пусть даже не настоящего.

Но к ночи Хен вернулся.

Я уже лежала в постели, но от беспокойства всё равно не могла уснуть. И когда услышала шум в прихожей, то подскочила, словно мне подпалили пятки. Помчалась на звук, по пути ещё успела подумать, что я буду делать, если это не Хен.

Сейчас в огромном здании для приезжающих жили только мы и несколько преподавателей на контракте, и только трое-четверо человек с семьями — так что по ночам жизнь тут совсем замирала. Можно легко было представить, как в дверь ломится грабитель: мало ли, решил, что тут есть чем поживиться.

Но это оказался Хен.

Он ввалился в дом, высокий, худой, странно неуклюжий. Дышал он тяжело, с присвистом. Я хотела было накинуться на него, то ли обнять, то ли побить, сама ещё не решила, но он выставил руку:

— Не подходи. Я грязный, как хагосова задница.

Я зажгла светляка — ох, и правда грязный. Одежда обвисла, на лице полосы, волосы стоят острыми белыми иголочками, как будто слиплись. И ещё от Хена пахло потом и ещё чем-то — ядовито-неприятным, чуть сладковатым въедливым запахом.

Он сразу стал раздеваться, скинул куртку, рубаху. Показалось голое тело, худые мускулистые руки, плотные мышцы пресса. Я хоть и смутилась, не отводила взгляда. Крепкое жилистое тело было всё в синяках и ссадинах — на вид подживших, но ведь Хен целитель, что же с ним было до того, как он собой занялся, и почему не вылечил себя полностью — не хватило сил? Он выглядел не то что избитым — выглядел так, словно его пожевало и выплюнуло нечто огромное.

— Что с тобой? Где ты был? Почему не предупредил?

Хен устало пожал плечами:

— Пришлось выдвигаться сразу. Я думал, быстрее обернусь.

— Куда ты ходил?

Не отвечая, Хен потянулся к пряжке ремня. Выразительно глянул на меня, как будто намекая, что мне лучше удалиться, но я не купилась. Отвернулась и продолжала:

— Ты пропадал два дня! Я чуть всю академию на уши не поставила!

Говорить, уставившись в стену, и знать, что сейчас совсем рядом в двух шагах, Хен раздевается догола, было ужасно странно. Так и хотелось подглядеть.

— Ты кому-нибудь сказала? — спросил он напряжённо.

— Нет, только спрашивала на вашей кафедре. Там сказали, ты не появлялся.

— А-а.

В этом коротеньком ответе прослеживалось облегчение. Раздался шорох, шмяканье, бряцанье, шелест упавшей на пол одежды. Потом по полу прошлёпали босые ноги — в направлении ванной.

Я дождалась, пока за Хеном не закроется дверь и внутри не зажжётся свет. Собрала одежду в корзину и выставила в прихожую. Постирушки устроим потом, когда он помоется.

Когда вернулась в гостиную, из-за двери ванной выглянул мокрый и встрёпанный Хен. Попросил, блестя умоляющими синими глазами:

— Если не сложно, согрей чего-нибудь. Чаю или супу. И где-то у меня была бутыль виски… поищи в моих вещах.

И снова пошёл фыркать и плескать водой. Я пожала плечами и отправилась в спальню. Шкафы мы честно поделили пополам: мой — у двери, Хенов — ближе к стене.

Через пятнадцать минут Хен появился: отмытый до скрипа, порозовевший, закутанный в тёмно-серый халат. Глаза заблестели по-другому: не лихорадочно, а живо и почти довольно. Особенно после того, как я вручила ему в обе руки чашку с чаем и тарелку с сиротливо глядевшей яичницей.

На недоумённый взгляд ответила:

— Супа не было, что умела, то и сделала…

Хен усмехнулся:

— Спасибо.

Поставил вручённое на стойку, присел на табурет и сжевал, только за ушами затрещало. Правда, после первого куска попросил соли (я что-то забыла, что яичницу надо посолить, хорошо, что чай не посолила в запаре).

Я тоже взяла табурет, но села напротив, со стороны кухни. Дождалась, пока Хен доест, откроет виски и вольёт немного в чай. Когда отпил и зажмурился, как большой тощий кот, я спросила:

— Откуда у тебя столько денег и всяких магических штук? Я не хотела лазить, но ты их даже не прятал.

Залежи мерцающих камней, оружия и украшений обнаружились буквально сразу, как только я открыла шкаф. Там были и знакомые сияющий бирюзовым камни, и какие-то амулеты, окутанные дымкой кинжалы, кольца, браслеты, медальоны… Всё это валялось, в полном беспорядке собранное в ящик, так, словно хозяину не было никакого дела до содержимого.

— А-а, — протянул Хен. — Это так, собралось по мелочам.

— Ты охотишься на тварей? Откуда ты знаешь, где их можно встретить? Или просто наобум? Поэтому так часто пропадаешь?

— Ух, сколько вопросов, — Хен снова усмехнулся, приподнял руки, как будто хотел закрыться от моей словесной лавины. Не отвечая, снова потянулся к чаю.

— Ты что-то ищешь?

Я спросила по наитию, но по едва заметным изменениям на его лице поняла, что угадала.

И Хен не стал отпираться:

— Ищу, но без особых надежд…

— Что?

Он помедлил, будто сомневался. Отпил ещё немного, побарабанил пальцами по стойке. Наконец поднял глаза:

— Ты когда-нибудь слышала о Пяти оружиях?

Глава 34

Пяти оружиях?.. Я хорошенько порылась в закоулках памяти, но почти ничего не наскребла. В принципе, разные упоминания о том или ином легендарном оружии встречались часто, но чтобы именно пять видов, вкупе… И что это за оружия, интересно? Конечно, меч, магический шар, посох… а что ещё?

Я покачала головой и испугалась, что разговор на этом и закончится. Но Хен кивнул, будто ожидал такой реакции, и спросил снова:

— А о посохе Денортов слыхала?

— О, да, конечно!

Говоря по сути, клан Денортов встретил и свой рассвет, и закат задолго до того, как я вообще появилась на свет. Но Денорты не только ухитрились объединить несколько независимых земель и править там, как самопровозглашённые жрецы Нигоса, по примеру соседней с нами Имерии — они так же покровительствовали развитию торговли, наукам, основали множества городов, способствовали очищению диких земель.

И да, конечно, я слышала о магическом посохе, передававшемся из поколения в поколение. Оружие даже не легендарное, потому что такое хоть редко, но всё же встречается — а посох Денортов вообще не имел подобий. Говорили, что обладатель посоха видел насквозь все помыслы собеседника, что оружие предсказывало опасности и катаклизмы, что одного взмаха хватало, чтобы повергнуть самую злобную и гигантскую тварь. Никто не осмеливался вставать на пути у Денортов, пока они обладали таким могущественным талисманом.

Вот только где-то лет пятьдесят назад посох Денортов был украден.

До сих пор было неизвестно, кто это сделал, зачем, каким именно образом. Посох просто канул в небытие, как будто его никогда не существовало. Денорты потеряли власть почти сразу, буквально за несколько лет. Глава погиб в тот же год, когда исчез посох, его наследники пытались восстановить авторитет, но бывшие соратники накинулись на них, как псы. На пару десятилетий с тех пор бывшие земли Денортов стали средоточием междоусобиц, где самые разные кланы рвали друг другу глотки, пытаясь вырваться вперёд.

Сейчас всё уже давно успокоилось, но небылицы о посохе, который до сих пор лежит где-то и тихо и мирно дожидается нового владельца, не переставали ходить.

— Ты ищешь посох? — спросила я недоверчиво. — Но почему

здесь, а не там, где жили Денорты?

— Не обязательно посох. Существует пять таких оружий. Три известны: это посох Денортов, магический шар Имерии и Золотой лук Морвенны.

— Лук Морвенны — магическое оружие? — я чуть не выронила ложечку, которую бездумно облизывала. — Он существовал на самом деле? И… существует? Я думала, это сказка.

Даже не так — не только лук Морвенны, сама Морвенна была для меня скорее персонажем сказки. Знаменитая воительница, нашедшая способ сражаться с тварями, положившая начало возрождению — если Денорты были ещё живее всех живых каких-то полвека назад, то история Морвенны насчитывала несколько столетий.

И вот теперь Хен утверждает, что лук Морвенны — не сказка и не легенда, а самая что ни на есть реальная вещь?

— Лук Морвенны, без сомнения, существовал, но сейчас никто не знает, где он. Скорее всего, последующий хозяин либо погиб на диких землях, и оружие попало к тварям, либо лежит себе спрятанным так хорошо, что никто не знает о его существовании. Вот уже несколько веков.

Я покачала головой. Всё это звучало как-то сомнительно.

— Я думала, оружие просто ушло. Оружие такого уровня ведь само выбирает хозяина.

— В том-то и дело. Выбирает, а не уходит. Видимо, после смерти Морвенны её наследник побоялся, что не сможет с ним совладать. Ни с оружием, ни с теми, кто будут за ним охотиться. Вот и спрятал. Трусливый дурак.

Я снова покачала головой. Может быть, и так. Но если бы найти это оружие было так легко, за все эти столетия оно непременно где-нибудь мелькнуло бы. Не знаю, на что надеется Хен.

— Зачем тебе лук?

Хен сперва отпил ещё немного чая, потом осторожно поставил чашку и только после этого продолжил:

— Во-первых, это не обязательно будет лук. Хотя, конечно, оружие обычно тяготеет к определённой форме. Но даже если лук — ты не представляешь, что это значит. Какие это огромные силы. Если жрец Имерии с одним шаром встал во главе страны, Морвенна объединила разобщённые земли, выстояла против стольких желающих сместить её… да и Денорты были очень сильны, пока не пропал их посох.

— И ты хочешь встать во главе страны? — я сказала это с насмешкой, уверенная, что он рассмеётся.

Очень сложно было представить Хена в куколе, как ходили жрецы Имерии. Хотя… развалившимся на каком-нибудь золотом троне (ходили слухи, что так правят короли далеко на востоке) я Хена представить могла. Он бы ещё лениво покачивал носком и смотрел на просителя с насмешливой улыбкой.

Однако Хен ответил серьёзно:

— Если ты не во главе, значит, ты подчиняешься. Я бы предпочёл отдавать приказы, чем выполнять их. Но дело даже не в этом. Ты только представь, сколько может стоить такое оружие.

— Тебе нужны деньги?

Потянулась пауза. Потом Хен рассмеялся. Встал, взял пустую тарелку, обошёл стойку и опустил тарелку в раковину. Пользуясь тем, что оказался совсем рядом, потрепал меня по голове, я даже не успела увернуться.

— Давай ложиться спать. Я устал, как стадо тварей.

Я почти послушалась, по крайней мере, даже пошла в ванную, чтобы почистить зубы, как вспомнила, с чего вообще начинался разговор. Обернулась на полпути.

Хен старательно мыл забытую мной посуду и выглядел ужасно домашне в этом его халате, с закатанными рукавами, с мыльной пеной на руках. Пришлось помотать головой, чтобы вспомнить, о чём я собиралась спросить.

— А сегодня? Что ты узнал и за чем ходил? Это тоже связано с легендарным оружием?

Он же вернулся чуть живой. Явно его потрепала какая-то тварь.

— Ложная наводка, — отмахнулся Хен. — Мелочь, а не добыча.

— А когда ты меня водил тварь валить?

— Тоже. Нет, я, конечно, надеялся. И да, я знал, что она сильнее, чем я сказал тебе, так что твой подлипала был прав. Я не сказал тебе всей правды. Но такую информацию вообще не говорят направо-налево, тем более при чужих ушах. Тебе я доверяю. Но только тебе.

Я не нашлась с ответом. Было очень приятно это слышать. И теперь яснее становилось его поведение тогда.

Следующая фраза вырвалась у меня почти ненамеренно:

— Возьми меня с собой в следующий раз. Я понимаю, что я нагрузка, а не помощь… но я обещаю, буду очень осторожной! И сильной! И обязательно научусь призывать магический меч, — я выпалила всё это и закусила губу, потому что прогресс с мечом был куда хуже, чем мне того хотелось бы. И Хен знал об этом, я спрашивала у него пару раз совета.

Молчание тянулось так долго, что я уверилась: откажет. Хен

домыл посуду, потушил знак воды, вытер руки и наконец обернулся.

— Хорошо, — сказал он, сверля меня суровым синим взглядом. — Нет, я не про вылазку, а про магический меч. С завтрашнего утра мы с тобой начнём тренировки. А там посмотрим. Это бывает опасно, я не хочу рисковать.

— Собой-то рискуешь, — поддела я его и нырнула в ванную.

Вслед донёсся смешок.

Мы легли спать вместе. Чтобы не смущаться, я устроилась на боку, спиной к Хену, и мысленно прокручивала услышанное сегодня. Впрочем, подумать действительно было о чём, так что смущение меня не сильно одолевало, тем более, что кровать и правда была огромная. Не то что тогда в палатке, когда приходилось лежать в обнимку. И стоило так подумать, как Хен придвинулся ближе и обнял меня.

Внутри всё замерло, сердце застучало сильнее. В лицо бросилась кровь, я мысленно поблагодарила окружающую темноту. Но Хен ничего больше не сделал, и я поняла, что он спит. Вдруг захотелось снова услышать от него то нежное «наянэ…». Хотя нет, оно ведь обращено не ко мне.

Уже в дымке полусна мне причудилось, словно сзади ко мне прижимается что-то твёрдое. Но эту мысль я сразу откинула: показалось. Откуда вообще в постели возьмутся твёрдые вещи.

Глава 35

Хен вернулся! Эта мысль подогревала и радовала меня весь день. Хен вернулся и даже пообещал тренировать меня. Теперь я обязательно заставлю свой меч подчиниться. Да и как может быть иначе, если за дело возьмётся Хен.

Впервые за всё время учёбы я подгоняла часы, чтобы скорее пришёл вечер. Но день, как назло, тянулся медленно, как коровья жвачка. Только после обеда я немного воспряла духом. Осталось всего несколько часов, и можно будет вернуться в общежитие.

К тому же, подготовка к турниру мне нравилась: это вам не скучные лекции о том, сколько ложноножек выбрасывает агнистурция и где у неё находится энергопоглощающее отверстие.

Вот только на разминке случилось непредвиденное.

Обычно на подготовке к турниру участвовали оба курса, и первый, и второй. Но сегодня у второго была выездная практика на весь день, так что на тренировке мы были только вшестером: пятеро клановых боевиков с первого курса и я. Учитель запаздывал, и разминку мы начали без него.

Последней частью разминки обычно шёл небольшой марафон: десять кругов по площадке. Каждый раз из этого выходило негласное соревнование: кто придёт первым. Магию использовать не запрещали, но нужно было помнить, что впереди ещё целая тренировка, и если израсходовать все запасы в начале, то, скорее всего, завянешь на половине.

Обычно я и бежала, держа в голове эту нехитрую схему и не используя больше, чем можно. Даже при всём при этом обычно удавалось выдать неплохую скорость: я редко когда приходила к финишу третьей или четвёртой и почти никогда — последней.

Вот и сегодня я шла то второй, то первой, как вдруг уже на последнем кругу бежавший впереди Хаунд, словно получив какой-то неслышный сигнал, неожиданно ускорился — и одновременно нагонявший меня Буллар грубо толкнул в плечо при обгоне. Не ожидая такого, я потеряла скорость и чуть не споткнулась. Выправилась, чтобы тут же покачнуться при новом толчке — уже от Смартена.

Проглотив ругательство: да что с ними сегодня, чего так рваться к финишу? — я прибавила скорости, но нагнать парней уже не успела. Хаунд финишировал первым с большим отрывом, следом пришёл Буллар, и только Смартена я сумела обойти буквально в последний момент.

Встала, чтобы отдышаться, упёрлась ладонями в колени.

Краем глаза отметила, что последние двое тоже добрались до финиша. Кто, как и я, остановился, пытаясь вернуть ритм дыхания, кто продолжал шагать кругами, чтобы дать организму перестроиться.

Только Хаунд оглянулся и твёрдым шагом направился ко мне.

Я выпрямилась, чтобы не смотреть на него снизу вверх. Хотя всё равно смотреть снизу вверх пришлось: я и самому мелкому из них едва-едва доставала макушкой до носа, а уж Хаунд был почти как Хен ростом — высоченная жердь с плечами в полтора локтя.

И эта жердь нагнулась к моему лицу и угрожающе сказала:

— Снимись с турнира.

— Что? — выдохнула я, ещё не полностью восстановив дыхание.

Хаунд выпрямился и повторил:

— Сними свою кандидатуру с турнира. Тебе всё равно ничего не светит.

Я мельком посмотрела на остальных. Плохо дело: трое лыбятся, один, только-только финишировавший, ещё слишком занят самим собой, чтобы вообще обратить внимание на происходящее.

Угрозы? Хотят избавиться от конкурентов? Они плохо меня знают.

— Это мы ещё посмотрим, — я состряпала высокомерную улыбочку.

Хаунд сузил глаза, понизил голос:

— Не суйся, девка. Ещё и неклановая. Ты хоть сама понимаешь, что у тебя нет шансов? Снимись сейчас, иначе опозоришься при всех. Или ты думаешь, что разжиженная кровь Сантерн тебе поможет?

Твари Хагоса! Они всё же считают, что я незаконнорождённая Сантерн? Опять распространяются странные слухи? Или Хаунд просто хочет вывести меня из себя? Может быть, и последнее. И я сказала ещё более холодным и равнодушным тоном:

— Конкурентов убираешь?

Окинула взглядом других. Кто притворяется, что не заинтересован в беседе, хотя сам держит ушки на макушке, кто выставляет напоказ недружелюбие. — А вы думаете, вам что-то светит? — спросила я у ближайшего, которым оказался Смартен. — Идиоты, Хаунд будет вас по одному выдавливать.

— Заткнись, безотцовщина, — Хаунд замахнулся.

Я перехватила руку, прибавив силы, заломила, заставив его нагнуться. К чести Хаунда, он почти моментально вырвался из захвата, попытался ударить меня, но я прочла движение и ушла.

— А может, дуэль? — отскочила в сторону и спросила на

выдохе, ощериваясь в ухмылке. Кровь шумела в ушах, толкала на безумства. Невидимый браслет на левой руке сжался сильнее, словно дракончик готовился вырваться.

— Много чести — дуэль со всякими ублюдками, — выплюнул Хаунд. Огромный, разъярённый, широкоплечий, пышущий жаром от пробежки — он вызывал во мне какой-то инстинктивный страх, и я внимательно следила за каждым его движением. Но пока что он только накручивал себя словесно. — Скажи-ка лучше, кто твоя мамочка, Тайсен. Такая же шлюха, как и ты? Что, правду говорят, что ты перед каждым ноги раздвигаешь? Серёжку напялила, чтобы никто не удивился, когда в подоле принесёшь? Не освящённая же, признайся! С кем ты там спишь? Может, и со мной станешь? Я заплачу, не сомневайся!

Краем уха я слышала хохот. Как будто в отдалении, он накатывал, как шум моря. Я плохо запомнила, как оказалась рядом с Хаундом, как всадила кулак ему под дых. Привычный усиленный удар словно встретился с чугунной плитой: Хаунд успел отреагировать.

В следующий миг я увидела несущийся к моему лицу кулак. Увернулась буквально в последний момент, перехватила, дёрнула Хаунда на себя — но этот паршивец устоял, кажется, воспользовавшись магией.

Не знаю, что произошло бы после этого — если бы в зал не ворвался запоздавший преподаватель.

— Простите, задержали в деканате! — он сходу начал извиняться. — А вы уже начали тренировку, я смотрю? Молодцы! Теперь делимся на пары и отрабатываем нападение и защиту.

Как назло, моим оппонентом оказался именно Хаунд, и этот мерзавец при каждой передышке шептал мне оскорбления. Явно пытался вывести из себя. Но я быстро поняла, что его злит моё равнодушие, и с огромным удовольствием играла это равнодушие, даже когда совсем его не чувствовала.

Ничего, я всё понимаю. Официально турнир ещё не начался, но подготовка идёт вовсю. Причём далеко не только физическая — вот уже пошли интриги и попытки запугать. До сих пор Хаунд вообще не проявлял ко мне интереса, но теперь, когда мы все соперники, решил, что надо избавиться от возможного конкурента.

Почему начал с меня? Потому что счёл меня самым слабым звеном, сам ведь сказал, что я и девчонка, и неклановая.

Но ничего — возможно, это мне даже на руку. Конфронтация в открытую куда лучше, чем подлости за спиной. А Хаунд сам напросился — теперь послужит примером остальным. Я буду не я, если не стану на курсе первой.

Глава 36

В общем, такая вот вышла тренировка, на нервах и на пределе, и к Хену я припёрлась вся из себя злая и фырчащая. Он сразу это заметил, стал расспрашивать. Я не хотела ему рассказывать (ну что я, сама не справлюсь?) — но как-то незаметно, слово за словом, он вытянул из меня всё.

И только я испугалась, что услышу набившее оскомину: «может, переведёшься?» — как услышала бы от матери или от любого из братьев, как Хен спокойно произнёс:

— Если хочешь, можно сделать так, что на турнир он не попадёт.

Я уставилась на Хена молча. Его предложение явно отдавало нелегалом. Сразу представилось, как накануне Хаунд ломает ногу или заболевает неизвестной науке хворью. Хен же целитель, мало ли как он может повлиять.

Но я покачала головой:

— Нет, я сама хочу его наказать. Заставить опозориться при всех.

Хен усмехнулся:

— Так и думал, что ты так скажешь. Так держать, Сатьянка.

Почему-то это заставило меня покраснеть. Стало приятно и тепло внутри, как будто я сдала какой-то важный экзамен. А может, виновато было так мягко брошенное «Сатьянка» — удивительно домашнее и близкое.

— Но тогда у нас мало времени. Я ведь правильно понимаю, он у вас на курсе лучший?

Я нехотя кивнула. Хаунд из известного клана боевиков, и подготовка у него на уровне. Он вполне мог учиться сразу на втором курсе. Если в случае с остальной четвёркой я ещё могла побарахтаться, Хаунда я бы вряд ли одолела, как ни горько это признавать. Про дуэль я крикнула в запале, но если бы он принял вызов, от проигрыша меня спасло бы только чудо.

— До открытия турнира ещё почти месяц, верно? Думаю, за месяц с мечом ты справишься. Я постараюсь находить время несколько раз в неделю, а в остальные дни тебе придётся тренироваться самой.

Это меня вполне устраивало.

Первым делом Хен заставил меня медитировать. Целительские штучки какие-то, фыркнула я про себя и поначалу всё время отвлекалась. Хен не больно, но очень обидно щёлкал меня по лбу. Приходилось начинать сначала.

Потом я и впрямь впала в некое подобие медитации,

перестало волновать всё на свете: и турнир, и хагосов Хаунд, и то, смогу ли я приручить меч, и даже то, как ко мне на самом деле относится Хен.

И когда я плыла в голубой дымке, ничего не думая и не ощущая, вдруг послышался приказ:

— Чувствуй!

Я попыталась последовать ему. Почему-то сразу поняла, что нужно делать. Мысленно позвала голубого дракончика, подставила ему ладонь, почувствовала рукоять меча. Дракончик налился серебряным светом, расправился, превращаясь в сталь. Побежали огни по заострённой кромке.

Я открыла глаза. С неутихающим восторгом залюбовалась очертаниями появившегося в руках меча. Однако всё самое сложное только начиналось. Выпускать меч я и раньше умела — проблема была с тем, чтобы удерживать форму.

В этом деле я всегда чувствовала себя так, словно балансировала на канате: нужно отдавать ровно то количество энергии, которое необходимо, не больше и не меньше, иначе меч снова потеряет форму. Этот баланс никогда мне не удавался, в какие-то моменты я неизбежно соскальзывала или в ту, или в другую сторону. Вот и сейчас — разволновалась, испугалась, что не дожму, добавила чересчур много, и контуры меча угрожающе запылали.

Хен осторожно прикоснулся к моим ладоням с внешней стороны, как будто поддерживал. Поток энергии, словно отзываясь, сразу же стал плотнее.

— Запомни это ощущение. Ровный полёт. Позволь энергии самой вести себя. Не ты управляешь ею, а она поднимает тебя, даёт тебе силы, ведёт за собой.

И правда — так стало куда легче. Поток стал мощнее и спокойнее, словно горная, скачущая по скалам река наконец влилась в глубокое русло. Повинуясь жесту Хена, я взяла меч наперевес.

Хен отпустил меня, отошёл и взмахнул рукой. Из его ладони выпростался, раскрываясь на ходу, словно огромный стебель, сияющий серебром посох. Я выдохнула восхищённое: «о-о-о».

Всё же я была права: у Хена есть магическое оружие. Даже не будучи целителем, я залюбовалась: навершие в виде плоского обоюдоострого лезвия, наливающийся холодным сапфировым блеском драгоценный камень в основании лезвия, древко, сплошь покрытое защитными знаками. И видно было, что управляться с посохом Хену легко и привычно: если мой меч выглядел наполовину прозрачным, подёрнутым дымкой, то его посох был совершенно реальным. И свист, с которым он рассёк воздух, тоже.

Я не готовилась, но приняла удар на рукоять выученным движением, спустила по скользящей. Хен очутился за спиной, я хотела перестроиться, но спохватилась, что перестала поддерживать ровный энергетический поток. Испугалась, дала слишком много энергии — Хен уже сделал новый выпад, а я всё никак не могла совладать с мечом. Ушла от удара, хотела было развернуться — но меч уже таял, очертания его замерцали, растворяясь, и запястье обвили голубые огни, чтобы пропасть через мгновение.

Хен поймал меня, тяжело дышащую, расстроенную, на грани от того, чтобы начать кричать и топать ногами от собственной безрукости. Погладил по голове утешающим жестом. Обычно я не любила, когда он так делал, но тут была слишком расстроена, чтобы возмущаться.

— Всё хорошо, ты молодец. Главное, не отчаиваться. Давай ещё раз.

Я кивнула. Он был прав. С обычным мечом было то же самое. Повторяешь приём, пока не начинаешь чувствовать его кожей. Отошла на полтора шага, зажмурилась и представила, как дракончик становится сталью в моих ладонях.

И снова получила щедрый щелчок по лбу.

— Ай! — я возмущённо открыла глаза.

— Медитация, — Хен хитро шевельнул бровями. — Вечно вы, боевики, норовите сразу кинуться в драку.

В тот вечер мы умотались до последнего. Оба поняли, что пора заканчивать, когда зевать стали чаще, чем разговаривать.

Хен благородно уступил мне первую очередь в ванной. Я быстро помылась и, не выдержав, вытираясь на ходу, открыла дверь и стала забрасывать Хена вопросами:

— А давно у тебя посох? Почему раньше не показывал? Из-за Карина?

Хен сидел вполоборота, и я только тут спохватилась, что он меня увидит. Хотела было закрыть дверь, но Хен смотрел совсем в другую сторону, и я успокоилась. Но он почему-то ответил не сразу, сперва подался вперёд, как будто узрел где-то что-то неожиданное, потом откинулся назад, продолжая смотреть в ту сторону с нескрываемым интересом. Положил ногу на ногу. Глаза вдруг заблестели, а на губах появилась довольная улыбка. Улыбку, впрочем, Хен накрыл ладонью, будто пытался спрятать.

Хагос, на что он там такое пялится? Что у нас там, балкон? Какая-то иллюминация на стадионе?

Теряясь в догадках, я повторила вопрос. Только тут Хен ответил:

— Ты про сороконожку? Да, тогда не было смысла его

доставать, он у меня только боевой, целительскую мощь не увеличивает.

Я глубокомысленно кивнула, повесила полотенце и потянулась за трусиками. Вот почему Хен был уверен, что справится с сороконожкой и сам. Он тогда не использовал и половины своего боевого потенциала: сперва давал мне возможность разозлить сороконожку, а потом появился Карин, и Хену вообще пришлось сосредоточиться на целительстве.

— А почему ты взял меня с собой в тот раз?

Хен снова ответил не сразу. Наклонил голову, будто любовался чем-то, что видел в окне.

Глава 37

— Как раз потому, что надеялся на хорошую добычу, — сказал довольно. — От таких тварей часто остаётся очень много бесхозной магии. Правда, в тот раз она сразу выбрала себе хозяев. Даже на лишних зрителей хватило.

— Карин не только зрителем был, — вступилась я за него. — Хотя конечно, если бы его не было, оружие могло бы выбрать тебя…

— Не могло. У меня уже есть оружие, и оно не из слабых. Уж прости, но ваши ему и в подмётки не годятся. Шанс того, что магия выберет меня, был минимальный. Так что я просто рассчитывал добыть что-нибудь для тебя и, можно сказать, рассчитал верно.

Он неожиданно повернул голову в мою сторону и улыбнулся. Я уже оделась, так что взгляд встретила без смущения. Разве что чуть ёкнуло сердце, потому что оно, глупое, постоянно ёкало, особенно когда Хен смотрел на меня вот так пристально, как сейчас. Ещё и с загадочной улыбкой на губах.

— Ванная свободна, — напомнила я ему — а может, себе, чтобы отвлечься.

Хен встал, но вместо того чтобы сразу пойти мыться, сперва отошёл на миг в сторонку и протянул руку, словно поправлял там что-то покосившееся. Потом направился в ванную.

Когда он проходил мимо, я покосилась на его подозрительно довольное лицо. Подождала, пока он скроется за дверью, и вороватой перебежкой добралась до его места. Села в ещё тёплое кресло, уставилась в ту сторону, куда смотрел Хен…

Сначала ничего не увидела. На балкон с этой позиции смотреть было неудобно, так что вряд ли он пялился именно туда. А в зеркале виднелась только кухня. Но стояло оно странно. Кажется, раньше было по-другому.

Я вскочила, подошла ближе. Протянула руку, повторяя увиденный недавно жест Хена. Пальцы коснулись прохладной поверхности, толкнули раму — и в тёмном стекле отразилась закрытая дверь ванной и свет в непрозрачном прямоугольном оконце.

На некоторое время я застыла, от возмущения хватая воздух ртом.

Ах он хагосов паршивец!

Это же значит…

Это же он… когда я думала, что он благородно отвернулся, он на самом деле всё это время пялился в зеркало! Вот уж,

должно быть, разглядел в деталях! Я ведь ничуть не смущалась, вытерлась тщательно, ещё грудь свою в зеркале в ванной рассматривала скептически. Хагос! И всё это у него на глазах. То-то он был такой довольный!

Я обхватила щёки ладонями. Внутри бурлили самые разные чувства: и злость, и смущение — стоило вспомнить его улыбку и блеск в глазах. И ещё к этим ощущениям примешивалось некое смутное торжество. Но если Хен думает, что это сойдёт ему с рук, то он сильно ошибается…

Я осторожно приблизилась к двери ванной. Запора на ней не было, так что когда я тихонько нажала на ручку, дверь легко отворилась.

Шум воды стал сильнее. Дверь умывальной кабинки была закрыта, за ней виднелась смутная желтоватая тень человеческого тела.

Хен сбросил одежду прямо на пол, не потрудившись повесить. Даже до корзины не докинул. Зато чистое лежало на полке, аккуратно сложенное: серые домашние штаны из мягкого хлопка, белая полотняная рубаха с короткими рукавами.

Я, стараясь действовать тихо, но быстро, взяла эту стопку и рысью утащила в спальню. Положила в шкаф Хена, как будто так и надо.

Потом вытащила из ванной корзину с грязным бельём, кинув туда и то, что Хен снял. Корзину выставила на балкон, если что, скажу, что там она и стояла.

Последней настала очередь полотенец. Их отнесла тоже в спальню, припрятала под одеждой. Нельзя оставлять врагу ни малейшей лазейки.

А сама засела в спальне, ожидая, когда Хен выйдет. Двери везде специально оставила нараспашку, наблюдая за происходящим через щель.

Ждать пришлось долго, я успела и заскучать, и укорить себя за глупость, и уже начала подумывать было о том, чтобы вернуть всё как было — и останавливала только мысль, что Хен выйдет из ванной в самый неподходящий момент.

А потом шум воды наконец утих.

Я замерла, теряясь в догадках, что Хен будет делать. Я бы на его месте… я бы, наверное, сперва поискала бы одежду хорошенько, решив, что сама её куда-то задевала, а потом даже не знаю, что делала бы. Разозлилась бы? Начала кричать и буйствовать?

Ох, а что если Хен сейчас позовёт меня и потребует вернуть одежду?

Я его недооценила.

Он как будто вообще не заметил, что сменная пропала. Показался на пороге с совершенно невозмутимым лицом — в чём мать родила, как будто так и надо. Влажные волосы стояли дыбом, жёлто-оранжевый свет подсвечивал капельки воды на гладкой коже. Я невольно засмотрелась на его тело: худощавое, испещрённое шрамами и узорами… татуировки? Разве у него раньше такие были?

Впрочем, мне стало не до татуировок, когда Хен как ни в чём не бывало направился в спальню. Одна половина разума запаниковала: сейчас мне влетит! надо срочно в постель и делать вид, что давно сплю! — а другая любовалась, как зачарованная, потому что при движении от этой картины захватывало дух.

Я видела раньше парней, что называется, без штанов — но это были или глупые случайности, или совершенно не вызывающие романтического интереса объекты.

А тут это был Хен. Полностью обнажённый, длинноногий, узкобёдрый, мускулистый — и свет играл, вычерчивая мышцы пресса, обтянутые гладкой кожей, и внутри у меня разгорался незнакомый огонь. И страх. И жадность. На лицо Хена было страшно смотреть, и ниже живота тоже взгляд опускать я боялась. И хотела. И боялась.

Я пришла в себя, когда Хен был уже на пороге. Метнулась к постели, не думая о том, что выдаю себя, прыгнула под одеяло, накрылась: я в домике.

Шаги Хена замерли на пороге. Послышался смешок, но Хен ничего не сказал. Отошёл к шкафу, раздался стук дверцы. Потом шорох одежды. Я молча лежала, проклиная минуту, когда в голову пришла дурная мысль устроить этот идиотский розыгрыш. Сердце билось где-то в ушах, рук и ног я вообще не чувствовала, они словно отнялись от сладкого ужаса.

Потом кровать заскрипела и чуть просела под чужим весом. Хен погасил магический светлячок, и комната погрузилась во тьму. Я снова замерла: показалось, что теперь Хен точно услышит, как лихорадочно бьётся моё сердце.

Но тишина всё тянулась и тянулась, и, осмелев, я высунула нос из-под одеяла. Прислушалась. Хен дышал мерно и спокойно. Заснул?

У меня немного отлегло от сердца: не будет смеяться надо мной. А к утру всё уже более или менее забудется. И тут вспомнилось, как он шёл к спальне. Всё то, что, казалось бы, не разглядела тогда, вдруг само встало перед глазами.

Я зарылась лицом в подушку.

— Хагос! — вырвалось полушёпотом отчаянное. Тут же я снова притихла, вслушиваясь в дыхание Хена.

Спит.

Я вздохнула, перевернулась. Взглянула сквозь ресницы. Да точно спит. Я придвинулась ближе, притворяясь, что во сне. Уткнулась лбом в руку Хена. Вот сейчас он что-нибудь скажет…

Но Хен молчал, только повернулся ко мне лицом, и на плечи легла тяжёлая рука.

Под ложечкой сладко засосало. Я затаила дыхание и только через долгий миг спохватилась, что выдала себя этим. Теперь если он не спит, точно знает, что я проснулась. А может, это к лучшему?

И я открыла глаза, вовсю уставившись на Хена.

Его ресницы чуть дрогнули. Тоже не спит. Сердце заколотилось уже как сумасшедшее. Рука Хена придавливала меня к постели, а иначе бы… иначе бы я могла чуть податься вперёд и поцеловать его в губы. А у него на шее бьётся жилка. Дыхание спокойное, но если прислушаться — слишком лёгкое, будто Хен с трудом заставляет себя не реагировать.

В горле совсем пересохло. Я облизнула губы, почти решившись действовать — и будь что будет. И тут Хен отвернулся.

Я не сдержалась: вздохнула порывисто и разочарованно. И отвернулась сама на другой бок: подумаешь! Не хочет — ну и не надо! Бегать за ним я не буду.

В ту ночь я ещё не знала, что очень скоро все мои решения перестанут что-нибудь значить, а наши отношения — бесповоротно изменятся.

Глава 38

Сессия началась не очень.

Старый, похожий на жабу профессор по животноводству зверствовал так, будто все мы стремились стать магами-животноводами, за зачёт по своему предмету хотел, чтобы у всех от зубов отскакивало. Остальные преподаватели были немногим лучше. Каждый считал свой предмет самым важным и нужным, совершенно не думая о том, что, скажем, боевикам вряд ли часто придётся варить нужные зелья (их всегда можно купить) или самостоятельно чинить артефакты (а артефакторы на что тогда?).

Как-то вдруг оказалось, что те предметы, посещение на которых особо не учитывалось, сдать сложнее всего, и я завалила историю твареведения и готовилась к пересдаче. Лекции и тренировки на время сессии отменили, но позволить себе такую роскошь, как совсем не тренироваться, я не могла: Хаунд. Если я всерьёз рассчитывала побить его на турнире, нельзя было терять ни дня. А он ходил гоголем, поглядывал свысока, отпускал язвительные комментарии, когда мы встречались в учебных коридорах.

Успокаивала только мысль, что я поговорила начистоту с двумя другими парнями из клановых. Пояснила, что если Хаунд выдавит меня, то следующими будут они. Парни, Митен и Лавайс, собственно, и сами уже пришли к такому выводу и вели себя вполне миролюбиво. Договорились если не держаться друг друга, то не поддерживать травлю — а это уже довольно большой шаг.

Ещё радовало то, что приручение магического меча продвигалось. Мы с Хеном нашли отличное место для тайных тренировок: в том же здании, где нас поселили, на третьем этаже. Там обнаружился незапертый зал — судя по столам и стульям, неработающая столовая. Мы расчистили в середине место и носились, лупя друг друга магическим оружием.

Вот только проблемой оставался сам Хен, вернее, наши отношения.

Тяга к нему сводила меня с ума. Все эти взгляды, прикосновения, внезапные паузы в разговоре, то, какое напряжённое, отчаянное выражение лица у него делалось в такие минуты — всё это сбивало с толку и добавляло дурости в мою и так не самую умную голову. Но я поклялась себе, что больше ни словом, ни жестом не буду проявлять ненужную инициативу, и слово это держала.

Про случай с подглядыванием и глупой местью мы оба не

упоминали. Но после того дня Хен, кажется, решил не ложиться, пока я засну. Может, конечно, так выходило случайно, но теперь я всегда засыпала в одиночестве, и такое отношение слегка обижало. Как будто Хен опасался, что я на него наброшусь.

Каждый совместный день был как сладкая пытка. Мы словно застыли в шатком равновесии. Это было ненормально. И эти взгляды, которые длились дольше, чем нужно (а может, так только мне кажется?), и случайные прикосновения, которые ощущались как наждаком по коже, болезненно остро и пронзительно, и то, как быстро Хен убирал руку, показав мне очередной приём, как поспешно отстранялся, как будто хотел сохранить дистанцию. И моё мощное желание быть с ним рядом постоянно, обнимать, утыкаться носом… я чувствовала себя мухой, застрявшей в сладкой паутине, когда паук вместо того чтобы поскорее сожрать, ходит по краешку и только и делает что смотрит, не проявляя ни малейшего желания наброситься. Но и освободиться никак.

Всё это довело, и в один прекрасный день, когда мы сидели за учебниками в столовой (самое подходящее для учёбы место) я выложила свои страдания Лидайе. А она вылупила глаза:

— Да ты что?! Я думала, вы уже давно… консумировали всё, что надо. А почему? Он же любит тебя, это же видно!

Наверное, горячая поддержка должна была меня обрадовать, но я только сильнее расстроилась.

— Второй раз я на эту удочку не попадусь, — ответила хмуро. — Ты и на Любование примерно так же сказала, я призналась, и что вышло? Если бы не мама, мы бы, наверное, вообще больше никогда словом не перемолвились бы.

— Но он же не сказал «нет»?

— И «да» тоже не сказал. И вообще, он же знает о моих чувствах. Если бы чувствовал что-нибудь ко мне, давно бы что-нибудь предпринял.

— Может, он ждёт, пока ты повзрослеешь? Ты не обижайся, но иногда ты совсем как маленькая девочка, особенно в отношениях.

— Может, и так, — я пожала плечами. Такое предположение одновременно и льстило, и огорчало. Я и сама знала, что в отношениях как свинья в апельсинах. Та же Лидайя была куда подкованнее меня, и она уже начала встречаться с одним боевиком с последнего курса. — В таком случае у меня вообще нет шансов, потому что я не уверена, что в ближайшее время мне светит как-то измениться в этом смысле.

— Почему бы тебе не соблазнить его? Вы же живёте вместе. Выйди после ванны в одном полотенце.

Я представила эту картинку и поперхнулась. Вряд ли. Он меня видел вообще без ничего и что-то пока не соблазнился. Правда, я к нему не приставала.

В воображении мелькнула картина, где я в одном полотенце вешаюсь Хену на шею, полотенце соскальзывает, на лице у Хена ужас и паника, он изо всех сил пытается отстранить меня… и тогда я заламываю ему руки выученным захватом, ставлю подножку, толкаю на кровать и прыгаю сверху.

Ох ты ж Хагос!

— Хм-м, — когда я отвергла идею, Лидайя надолго задумалась. — Тогда надо его напоить. Чтобы выдержка дала слабину. Кстати, в конце недели у одного парня с животновода день рождения будет. Пойдёшь?

— Пойду, приглашали.

С недавних пор я сдружилась с парой человек с животноводческого. Вообще цель состояла в том, чтобы отыскать на их факультете хозяина ласки, которая, к слову, с тех пор так и не появлялась — но пока что никто из учившихся там студентов не вызывал подозрения. Зато удалось обзавестись друзьями.

— Вот и чудесно, — Лидайя похлопала в ладоши. — Хенная сама позовёшь? Или лучше чтобы хозяин?

— Наверное, лучше чтобы хозяин. Но ты это серьёзно? Как ты его напоишь?

— Ой, да ему и без нас нальют, это же день рождения. Твоя задача будет только уединиться с ним и не дать ему сбежать, пока он не поплывёт. Я вам помогу.

Едва приняв решение, Лидайя подскочила и начала оглядываться. Тут же нашла кого-то взглядом, засияла и изо всех сил замахала.

— Короче, не переживай, всё будет отлично! — и убежала.

Я выглянула из закутка, где мы сидели, и обнаружила, что она уже беседует с девчонкой из стихийников. Та слушала внимательно и кивала.

Ох. Зная Лидайю, можно не сомневаться, что не позднее чем к вечеру план действий по соблазнению Хена будет составлен и моя роль в нём — прописана до мелочей.

Внутренности словно сжала холодная рука. Но я помотала головой и села, заставляя себя расслабиться.

Пусть будет что будет. Навязываться я всё равно не собираюсь, но мало ли… всё-таки праздник, веселье. Мне вспомнилось, как мы танцевали в ночь Любования, и у меня кружилась голова от сидра, а может, и не только от сидра. И как Хен смотрел тогда, и как обнимал, как близко было его лицо, дыхание… та непередаваемая близость, ощущение, словно на

свете нет никого, кроме нас — пока я не брякнула своё «люблю». Если это повторится, я больше вообще ни слова не скажу, только лицо подставлю: на, целуй.

К пересдаче по твареведению я готовилась и всё равно чуть не завалила её снова. Выехала только на том, что за вопрос, какие материальные формы может принимать магия — упомянула про дракончиков. Оказалось, это мало кто знает, и профессор Марб сразу повеселел.

— Вот так бы сразу, — он расписался в воздухе. Огненный знак «рагус» — «сдано» — поплыл, вылетел через окно — в деканат. Я с облегчением проводила его взглядом.

Когда вышла из аудитории, обнаружила, что на улице уже стемнело. В окнах на фоне тёмно-синего неба едва просматривался чёрный профиль горы. Учебный корпус фактически пустовал в такое время: обычно все зачёты и экзамены проходили днём, только некоторые преподаватели назначали пересдачи по вечерам, вот как профессор Марб.

Я шла по пустому коридору, стараясь не шуметь (звук собственных шагов отдавался слишком гулко и нервировал), и думала о Хене. Мысли постоянно соскальзывали на него, просто как наваждение какое-то. Сегодня, он сказал, будет поздно, сдаёт какой-то очень сложный экзамен по целительской практике.

Я почти добралась до лестницы, как из одной из пустующих аудиторий донёсся хрипловатый мужской голос. Он насмешливо произнёс:

— Да не трусь, никого тут нет в такое время.

Ему ответил капризный женский:

— Ну мало ли. Слухи пойдут, тебе же самому будет хуже.

Я остановилась, как вкопанная. Невольно сделала шаг ближе прислушиваясь. Мне кажется, или я узнаю эти голоса?..

Тем временем из кабинета послышался тихий мужской шёпот:

— Да ладно тебе… — а следом звуки поцелуев.

Глава 39

Я осторожно шагнула вперёд. Дверь была полуоткрыта, так что заглянуть, оставаясь незамеченной, было совсем несложно.

В глубине пустующей аудитории, спиной ко мне, опираясь о парту, стояла тоненькая хрупкая девушка. Рассыпанные по спине длинные пшеничные волосы безошибочно подтвердили то, что я и так уже поняла: Висперина.

А через мгновение, когда приникший к её губам черноволосый парень наконец выпрямился, я узнала и его.

Карин.

Я застыла на месте. Почему-то, хотя я и подозревала что-то подобное, услышав их голоса, открытие всё равно оказалось неприятным.

Карина я не видела уже несколько дней и, если честно, начала немного по нему скучать. С тех пор как он записался на турнир лучником, мы пересекались разве что на экзаменах, и то если ухитрялись попасть в одну группу. Если так подумать, с ночи Любования, когда он ни с того ни с сего меня поцеловал, мы толком и не разговаривали.

Решил окончательно перейти на Висперину? Так-то это его дело, конечно… Но всё равно было неприятно, как будто он предал нашу дружбу.

В этот миг Карин поднял голову и посмотрел прямо на меня.

Я вздрогнула, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Дёрнулась, но заставила себя остаться на месте. Мне нечего стыдиться. Сами виноваты, что не нашли для уединения места получше.

Подспудно я ожидала, что Карин смутится или даже начнёт оправдываться — хотя это было бы очень глупо. Но Карин лишь широко ухмыльнулся, внаглую подмигнул мне, а потом снова нагнулся, возвращаясь к прерванному занятию. Аудиторию опять наполнили звуки вздохов и поцелуев.

Хагос и Нигос, оба взятые! Я резко развернулась и зашагала прочь. Услышала, как взвизгнула Висперина:

— Там кто-то есть!

И успокаивающий голос Карина:

— Никого там нет, тише. Если будешь так орать, точно кто-нибудь прибежит.

Висперина ответила ещё что-то резкое, но этого я уже не расслышала. Ускорилась, чтобы не дай Нигос не попасть ей на глаза. Быстро оставила здание позади и заторопилась вверх по склону.

Внутри ворочалось глухое недовольство. И даже не сколько подсмотренной случайно сценой: я и в прошлый раз поняла, что они встречаются — сколько реакцией Карина: такой нахальной и вызывающей. Я впервые видела, чтобы он так вёл себя.

Хотя нет, не впервые. Когда мы ещё не подружились, он разговаривал и смотрел именно так — например, хотя бы тогда, когда он вызвал меня на дуэль во второй раз, по стрельбе из лука, отлично зная, что у меня нет шансов.

А вот потом зато Карин рисковал своей жизнью, чтобы помочь нам. Мне. Хотя то, что он следил за нами с Хеном — втайне, скрытно — это как раз опять свидетельствует не в его пользу. Притворялся? Если и притворялся, то когда именно? Он обманывает Висперину? Или одну наивную ар-теранну, урождённую Сантерн?

Некстати вспомнились слова Висперины: «пойдут слухи, и тебе будет хуже». Интересно, что она имела в виду? Неужели то, что я всё пойму, если пойдут слухи об их близости? А на самом деле она использует Карина, чтобы подобраться ко мне? И он передаёт ей все мои секреты?

Хена не было, я приняла ванну и стала готовиться к следующему экзамену. За учёбой я о Карине почти не вспоминала, но смутное недовольство, осевшее в глубине души, то и дело ворочалось, добавляя неприятных ощущений. А через час в комнате вдруг раздался тихий шёпот охранителя:

— К вам посетитель, пропускать?

Я с изумлением подняла голову. Какой ещё посетитель в такое время? Стрелка часов близилась к девяти.

— Кто?

— Карин Насмин, первый курс боевой магии.

Спокойный шелестящий голос хранителя оглушил меня не хуже грома. Я встрепенулась, как будто Карин стоял уже за порогом, вскочила, закрыла учебник, потом снова раскрыла, мысленно назвав себя идиоткой.

Зачем он явился? Может, хочет всё объяснить?.. Или наоборот? Ещё больше запутать и снова втереться в доверие? А то, может, он и Висперину с собой привёл?!

— Он один?

— Да.

Я думала недолго. Накинула на плечи кофту потеплее, всунула ноги в уличные туфли.

— Ладно, я спущусь.

Ничего не отвечая, дух растворился в пространстве. Они часто так поступали, людские правила вежливости им были неведомы. Хотя они вообще не питали интереса к людям, к их

стремлениям и тревогам. Впрочем, это же делало их превосходными хранителями.

Карин и впрямь стоял внизу, рядом со входом. Он нахохлился и выглядел недовольным, совсем не так, как пару часов назад. Увидев меня, дёрнулся, как будто хотел кинуться навстречу и только силой воли заставил себя остаться на месте.

— Сатьяна…

— Чего ты хотел? — я остановилась поодаль, зябко натянула рукава кофты на кончики пальцев. Холод пробирал.

— Можно зайти к тебе? Есть разговор, — Карин шагнул ко мне и тоже засунул руки в карманы. Зелёные глаза пристально сверлили моё лицо.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Тогда пойдём ко мне.

— Почему нельзя поговорить здесь?

— Есть причины.

Я нахмурилась. Соврать, что Хен дома и ему не понравится, если я пойду куда-нибудь посреди ночи? Или просто без объяснений уйти?

Но что-то мешало мне так поступить. Какая-то отчаянная просьба в глазах Карина или интонации, которые словно намекали, что дело и впрямь серьёзное, или… или, может быть, просто глупое желание ему поверить.

— Это нельзя отложить? — попробовала я всё же воспротивиться.

Карин мотнул головой:

— Я и так слишком долго откладывал.

Я вздохнула. И сдалась:

— Проходи.

Карин молчал, пока мы не оказались в комнатах. Огляделся, буркнул что-то вроде:

— Неплохо.

Потом поинтересовался:

— А этот где?

Вопрос явно относился к Хену.

— Сегодня поздно будет, — я дёрнула плечом. — Ну так о чём ты хотел поговорить?

Карин кивнул, но вместо ответа поднял правую руку. Выдохнул активирующее слово, начертил знак. Полилась серебристая дымка, в одно мгновение затопившая весь пол, затянувшая стены и потолок.

— Что ты делаешь?! — я взмахнула рукой, попыталась рассеять чужое заклинание. Тщетно: на базовый жест оно не отреагировало, а для направленного воздействия мне нужно было

прежде всего понять, что это за заклинание.

— Это маскировка, — пояснил Карин. Повернул голову в сторону: — Вейн.

— Что ещё за маскиров… — я не договорила, потому что на фоне серебристых хлопьев тумана чёрным силуэтом проявилась человеческая фигура.

Я еле удержалась от вскрика. Что это?.. Нападение?! Отскочила в сторону, приняла боевую стойку. Отработанным усилием вызвала меч — в воздухе взвились голубые искры, пальцы сомкнулись на прохладной рукояти.

— Тихо-тихо, не убивай меня, — рассмеялся… ещё один Карин.

Он был одет точно так же, как первый: в чёрный свитер и чёрные же штаны, только серебристая бляха мерцала отражённым светом. А вот ухмылка на его лице была совсем не Карина — та же наглая, полная превосходства ухмылка, с которой он смотрел на меня, когда целовался с Висперионой.

— Что вообще происходит? — я метнула разъярённый и изумлённый взгляд на Карина. — Вас двое?! И кто из вас… настоящий?

Нахальный Карин с усмешкой кивнул на обычного:

— Наверное, он. Хотя это ещё как посмотреть… Если считать настоящим того, кто родился первым…

— Вейн, заткнись, — дружески посоветовал ему обычный Карин. И спросил у меня как ни в чём не бывало:

— Нальёшь чаю?

Я стояла, как вкопанная, всё ещё не полностью понимая происходящее. Потом вернула меч в небытие и выпрямилась.

Карин со вздохом пояснил:

— Рассказ будет долгий, — и улыбнулся так, словно с его плеч наконец свалился тяжёлый груз.

Глава 40

Чай в итоге пришлось готовить Карину. Первому, более привычному. Я никак не могла прийти в себя и поверить собственным глазам. Переводила взгляд с одного на другого, искала отличия и не находила. Одинаковые лица, одинаковые фигуры, одинаковая одежда, одинаковые голоса… если смотреть со стороны, они были похожи, как две виноградины в одной грозди. И в то же время какое-то смутное ощущение помогало мне ориентироваться. Что-то неясное — во взглядах, в выражениях одинаковых лиц — словно подсказывало, кто из них кто.

Впрочем, я не была уверена, что смогу различить их, если они вздумают поменяться местами. А пока Карин сидел на стуле за столом Хена, Вейн развалился рядом со стойкой, и я с грехом пополам была уверена, кто есть кто.

— Почему вас двое?

Это факт сам по себе никак не укладывался в голове. Я так привыкла к Карину, считала его своим другом, а тут оказывается, что всё это время их было — двое? И я думала, что общаюсь с Карином, а на самом деле это мог быть Вейн? А поцеловал меня, простите, который из них?

— Вы близнецы?

— Нет, — усмехнулся тот, что сел за стойкой. Вейн, значит. — Мы мама с дочкой, неужели не видно.

Я только через миг сообразила, что это тупая шуточка. Изобразила улыбку.

— Естественно, близнецы, иначе какой смысл всё это затевать?

— А какой у вас смысл?..

Тут оба посерьёзнели. Вейн открыл было рот, закрыл его, взглянул на брата. А тот обратился ко мне:

— Сатьян, мы на самом деле — клановые.

Я оторопела. Вот так новости сыплются одна за другой. Карин из клана боевиков? Это, конечно, объясняет, почему он так хорош и с луком, и с мечом… хотя погодите, с луком наверняка хорош только один из них, и, судя по всему, это Вейн.

Но известие и впрямь неожиданное.

— Клан Насмин? — спросила я вслух. Нахмурилась: никогда не слышала. Конечно, если это маленький клан с другого конца земель Морвенны, это и не удивительно.

Но Карин покачал головой.

— Дебил! Хотя бы клятву возьми с неё! — вмешался Вейн.

На лице Карина проступило замешательство. Ничего не ответив брату, он мерил меня взглядом и хмурился. Я тоже молчала, ожидая решения. Если честно, вызываться самой, кричать, что дам клятву с удовольствием, мне не хотелось. Мало ли что я сейчас услышу.

Карин молча смотрел на меня ещё пару мгновений, потом наконец сказал Вейну:

— Я ей верю.

Тот аж взвился:

— Ты веришь?! А мне от этого что? Пожалуйста, если дело касается только тебя! Рискуй, чем хочешь. А я ради ничего для меня не значащей девчонки рисковать не собираюсь. Кто она мне, жена, невеста? Да она и тебе-то никто!

Я притихла, чувствуя себя третьей лишней.

— Не так уж мы и рискуем, — миролюбиво возразил Карин. — Это же всё равно было что-то проверки, по замыслу.

— По замыслу не предполагалось, что мы сами станем выкладывать всю подноготную постороннему.

— Ты же согласился.

Вейн дёрнул плечом, отвернулся. Отхлебнул горячего чаю, обжёгся и стал вполголоса ругаться. Я усмехнулась, получила яростный взгляд.

— В общем, я всё равно расскажу, — снова заговорил Карин. — Я не буду брать с тебя клятву и всякое такое, но очень прошу молчать.

Такой вариант меня устраивал. Хотя подначивало сказать, что я никого не о чём не просила, прийти сюда Карин решил сам. И сам настаивал, что есть разговор.

— В общем, — он выдохнул и резко, будто наконец решившись, сообщил: — Дело в том, что наш клан — из ночных.

Я вытаращила глаза. По спине пробежал холодок.

Ночными назывались те кланы, что находятся вне закона. Наёмные убийцы, чёрные маги, воровские гильдии — те, кто всегда на грани. Карин, с которым я уже который месяц учусь на одном курсе, который сейчас как ни в чём не бывало сидит тут, смотрит совершенно спокойно, правда, чуть настороженно, этот самый Карин — из ночных?

— Не придумывай лишнего, — он словно прочёл мои мысли. — Да, мы вне закона, но это не значит, что мы прямо исчадия ночи.

— Как это не значит, — сбоку раздался нахальный голос Вейна. — Мы же едим младенцев в колыбели.

Не обращая внимания на глупые подначки, я молча смотрела на Карина. Тот, тоже не сводя с меня взгляда, жарко продолжал:

— Наш клан — воровской. Но мы не срезаем кошельки на рынке и не забираемся в чужие дома. Ну, — он чуть смутился, — пока на кону не стоит что-то по-настоящему грандиозное. Наша добыча — фамильные секреты или гильдийные тайны. Шпионаж во вражеском государстве или клане. Разведка. Понимаешь?

Я отвела взгляд. Новость оказалась для меня слишком шокирующей, необходимо было время, чтобы переварить её. В принципе, то, что говорил Карин, с моим знанием о мире согласовывалось. Ночные кланы боялись, но и уважали, о них говорили с оглядкой, но без презрения. Это были профессионалы высшего класса.

С другой стороны, ночные кланы прятались настолько хорошо, что в их существование некоторые попросту не верили. А теперь один из моих однокурсников утверждает, что он сам родом из такого клана.

Вернее, не один. Их ещё и двое — свалились оба на мою голову.

— Ты слышала про Белую Змею?

— Конечно, кто про неё не слышал. «Придёт белая змея и украдёт тебя», так ведь детей пугают, если они не слушаются? Или ты о другой какой-то?

Карин неожиданно усмехнулся:

— О ней. На самом деле она тоже из детей ночи, только действовала несколько поколений назад. Настолько прославилась, что её именем стали пугать детей. Хотя детей она как раз не воровала. Зато проникнуть в чужой клан и вытащить оттуда парочку секретов, почти ценой собственной жизни — это пожалуйста. У нас её приводят в пример как легендарную мастерицу тёмного искусства.

— А зачем вам обучаться в академии?

Неужели они тоже ищут здесь какие-то секреты? Вообще говоря, тут полно знаний и редких книг, артефактов, которые вполне могли вызвать интерес какого-нибудь клана. Неужели Карин с Вейном выполняют заказ?

Но Карин пожал плечами:

— Да хотя бы для прикрытия. У каждого уважающего себя ночного должна быть обычная жизнь. Наши все учатся где-нибудь, если не в академии, то при городской школе.

Я хотела спросить ещё кое-что, но тут Вейн вскочил с места, одним быстрым смазанным движением — я даже не успела отшатнуться — оказался у меня за спиной. Перед глазами блеснули длинные когти, а в следующий миг я ощутила, как твёрдый металл врезается в горло.

— Проговоришься — умрёшь, — свирепо произнёс Вейн.

Я замерла. Он ведь и правда может меня сейчас убить, стоит только сжать руку.

И тут вдруг парни в один голос расхохотались. Когти исчезли, Вейн схватился за живот:

— Ой не могу! Ты видел её рожу? Явно решила, что пришёл её последний час!

Карин, поймав мой взгляд, осёкся. Извинился, встал и дал Вейну щелбан. Точнее, попытался, потому что Вейн увернулся и отбежал. Карин за ним, Вейн прочь от него, потом один схватил другого за руку, прижал к стенке, и я окончательно перестала понимать, кто из них где.

— А ну сядьте! — прикрикнула на обоих. — На те же места, желательно, а то я временно в вас потерялась.

Парни переглянулись, усмехнулись, и один пошёл обратно к стулу Хена, а второй забрался на стул у стойки. Сказал, как бы подытоживая с того же места, на котором прервался разговор:

— Ну, в общем, всё не так страшно, как ты могла себе представить. Но теперь ты понимаешь, почему об этом не следует никому говорить? Даже твоему этому. Или особенно твоему этому.

Выпад в сторону Хена я пропустила. Спросила взамен то, что меня интересовало:

— А почему Висперина сказала, что тебе не поздоровится, если пойдут слухи? Она в курсе, что ли?

— А-а… — сидящий у стойки — я уже поняла, что они всё же поменялись местами, и это был Карин — кивнул другому. — Давай ты лучше скажи.

— Там дело в другом. Ви встречается с одним боевиком, и если выплывет, что она не только с ним встречается, мне намылят рожу.

Перспектива Вейна, похоже, совсем не удручала, потому что он широко ухмылялся.

— Ты знаешь, что она уже собирает свою команду? И я туда приглашён лучником.

— Вейн специально подобрался к ней, чтобы быть в курсе её дел, — пояснил Карин.

— Ну и ещё ради секса, — тут же вставил сам Вейн, заставляя меня молчаливо поднять глаза к небу.

— Не слушай его. Он, кстати, выяснил, кто тогда нас подслушивал. Помнишь, на тренировке рано утром? И это, кстати говоря, тот же самый человек, который заложил тебя твоим братьям. По указке Висперины.

Глава 41

— И кто же это был? — я ведь узнавала у Ласа, он сказал, Вейсу была подброшена записка.

Записка, это же надо! Насколько же человек должен быть мелочным и трусливым, чтобы воспользоваться таким способом. И это боевик? Наверное, кто-нибудь из самых слабых на курсе. Ведь мы же будущие лидеры. Разве станет потенциальный лидер заниматься такими вещами?

Карин подождал ещё немного и наконец произнёс:

— Хаунд.

Я настолько не ожидала услышать имя сильнейшего на курсе, что с одно долгое мгновение лишь бессмысленно гипнотизировала Карина глазами.

А потом руки сами сжались в кулаки.

Вот как. Похоже, не все из первокурсников боевой магии разделяют мои взгляды по поводу, что подобает боевикам, а что нет. Но взбесило меня не это. Хаунд мог себе подкидывать дурные записочки, сколько влезет.

Но ведь дело в том, что он знает, что я Сантерн. Он подслушал наш с Карином разговор, он потрудился донести братьям, отлично понимая, что они за мной примчатся. И при всём при этом он всё равно распространяет слухи, мол, я незаконнорождённая.

Явно рассчитывает на то, что если даже я и заявлю, что я Сантерн по крови, то все посчитают это всего лишь за попытку оправдаться.

Ну уж нет. Я не буду никому ничего доказывать. Вернее, буду, но делом. Турнир начнётся после зимних праздников — вот тогда и посмотрим, кто выйдет в финал.

— Ясно. Спасибо, что сказал.

— Надеюсь, ты не полезешь теперь на рожон? — озабоченно спросил Карин.

— Не волнуйся, — я хищно усмехнулась. — Хаунд сам полезет на рожон. Собственно, он уже начал. А видя мои «успехи» на тренировке, он ещё больше уверится в победе. Вот тут мы и посмотрим…

Карин открыл рот, но тут же закрыл. И я тоже замерла, услышав лязг ключа в входной двери.

Хен!

А мы тут втроём, причём один из нас в академии фактически нелегалом.

Надо отдать им должное, близнецы, в отличие от меня, не

паниковали. В одно мгновение исчезла обволакивающая нас глушилка, Карин вскочил, Вейн воспользовался магией и исчез. Я тоже подскочила, с ужасом уставившись на дверь.

Практически в тот же самый миг она открылась, и на пороге действительно появился уставший Хен.

Он окинул взглядом гостиную, сразу заметив и Карина, и застывшую меня, и три кружки с чаем. Но сказал всего лишь:

— Добрый вечер.

Правда, от его тона у меня по коже прошли мурашки — настолько явно он означал: «вымётывайся отсюда».

Карин, кажется, тоже это понял. Улыбнулся — и мне показалось, улыбка потребовала от него усилий, — и как ни в чём не бывало пошёл к выходу.

— В общем, спасибо за помощь и гостеприимство, но мне пора.

Хен молча проводил его взглядом. Я как вскочила, так и застыла, опасаясь, что вот сейчас он что-нибудь скажет или заметит. Или слишком быстро захлопнет дверь, так что Вейн не успеет уйти.

Но бушевать и хлопать дверьми Хен не стал. Шаги Карина утихли в тишину (как я ни прислушивалась, не могла различить, это шум от ног одного человека или двоих), и я выдохнула с робким облегчением. И тут же снова вздрогнула от ледяного:

— Смотрю, ты развлекаешься вовсю.

— Я не… это… просто нам нужно было кое-что обсудить…

Хен смотрел отчуждённо и непримиримо, и я совсем растерялась. В глубине разума мелькнула мысль, что я вовсе не обязана перед ним оправдываться. Он сам гулял с Висперионой. Подумаешь, правда, сказал, мол, она только просила помощи с учёбой — но ведь и мы с Карином не занимались ничем предосудительным. Мы даже наедине-то не были на самом деле.

Эта мысль вернула мне спокойствие и уверенность в себе. Не дожидаясь, пока Хен начнёт задавать неудобные вопросы, например, почему мы с Карином были вдвоём, а кружки с чаем стоят три — я подхватила парочку и шмыгнула на кухню мыть посуду.

Слава Нигосу, Хен не стал ничего спрашивать. Молча сел за свой стол, зажёг светлячок и начал заниматься. Я тоже расправилась со своими делами, сходила помыться, тоже немного посидела над учебником, но ничего не лезло в голову. То вспоминалась ухмылка Вейна, то Кариново: «мы из ночного клана», то всплывало в памяти издевательские интонации Хаунда.

Наконец я встала и бросила в пространство:

— Я спать.

Хен всё ещё сидел за своим столом. На мою реплику он никак не отреагировал, но когда я уже стояла на пороге спальни, позвал вполголоса:

— Сатьяна?

— Да? — я остановилась, чувствуя, как в глубине тела что-то отзывается на его голос. Как будто распускается цветок, и одновременно становится тепло, и наполняет загадочным томлением.

Послышался скрежет ножек стула о пол. Я бросила взгляд наискосок — там, в глубине комнаты, стояло злополучное зеркало, и в нём отражалась моя фигура, короткие светлые волосы и непривычно беззащитная спина. Это ощущение беззащитности стало ещё сильнее, когда сзади ко мне подошёл Хен — высокий, худой — и остановился совсем рядом, так, что я почувствовала тепло его тела.

Уже одного этого хватило, чтобы сердце забилось сильнее. А в следующий момент, когда Хен протянул руку, и я ощутила его пальцы на коже предплечья, то меня вообще пробило долгой томительной дрожью.

— Ты с ним встречаешься? — неожиданно спросил Хен. — Не думай, я не возражаю… я всё понимаю. Только… хотелось бы, чтобы ты сначала сама сказала об этом — а не так, чтобы я пришёл домой и застал в гостях…

— Ты с ума сошёл? — я вспыхнула. Вырвала руку, резко развернулась. Снизу вверх уставилась в тёмно-синие глаза. В них мелькнуло недоумение.

— Вы не встречаетесь?

— Нет!

— Извини, — быстро сказал Хен и отошёл, как будто чего-то испугался. Молча сел на своё место.

Я побуравила взглядом его склонённую спину и белоснежный затылок. Бесполезно, Хен то ли делал вид, то ли и впрямь целиком ушёл в учёбу.

Я легла в холодную кровать. В тишине неосвещённой спальни в голову то и дело лезли дурацкие предположения. Этот вопрос Хена… и вообще его поведение — как будто тщательно скрываемый гнев — можно ли считать, что он ревнует? От этой мысли внутри становилось тепло и щекотно.

Дверь нам открыла белка.

Самая обычная белочка, разве что чуть крупнее, чем привычные обитатели наших лесов. С пушистым длинным хвостом, чёрными бусинками глаз, маленькими лапками, которые сноровисто справились с замком.

В первый миг я обалдела — а потом вспомнила, чей день

рождения отмечаем. Эйвера, животновода с четвёртого курса, в тесном кругу других животноводов — и вообще кого попало. Но животноводов было много — так что хватало и зверья.

Впрочем, зверьё — говорить нехорошо. Фамильяры.

На первый взгляд казалось, что комната полна студентов, на второй было видно, что тут далеко не только студенты, а меховая шкура под ногами — вовсе не шкура, а здоровенный волк, что чёрная подушка на кресле — свернувшийся клубком котище, что светляк, полыхающий под потолком — ослепительная птица, присевшая на явно специально сделанную для неё жёрдочку.

— Сразу видно, животноводы, — хихикнула Лидайя.

Я согласно кивнула.

Маги-животноводы не всё время проводили в обнимку со своими фамильярами. Но как-то всегда получалось, что если в одном месте собиралось несколько животноводов, то не проходило и часа без того, чтобы один из них не призвал своего фамильяра — то похвастаться, то просто обсудить характеристики — и пошло-поехало.

Но вот ласки я пока ни у кого не встречала. А ведь фамильяр может быть только один. Нельзя одновременно призывать разных зверей или превратить своего волка в единорога.

И я всё больше склонялась к мысли, что лаской управлял не здешний животновод. Или, по крайней мере, не студент. Да и то, что ласка смогла избавиться от ошейника, вызывало вопросы.

Впрочем, сегодня я пришла сюда развлекаться. И… я поёжилась, поймав требовательный взгляд Лидайи.

Ну да.

Сегодня на повестке дня соблазнение Хена.

Глава 42

А он уже был здесь, сидел за столом, с улыбкой болтая о чём-то с какой-то старшекурсницей. Я ревниво посмотрела на неё, но тут же смягчилась, переведя взгляд на Хена. Сердце привычно ёкнуло — так сладко и так болезненно.

Сегодня он был ещё красивее, чем обычно. Новая, нарядная рубашка обтягивала широкие плечи, ворот открывал шею, на руках, как всегда, верёвочки оберегов. Хен словно почувствовал мой взгляд — поднял голову. Сердце ёкнуло снова.

Чтобы скрыть смущение, я помахала и отвернулась. Получила тычок в бок от Лидайи.

— Чего ты отворачиваешься? — зашипела она. — Иди лучше сядь поближе! Зря мы тебя, что ли, так старательно одевали?

Я кивнула, подавляя непрошеный трепет.

Одевали меня и впрямь старательно. Ради этого я вышла из дома на три часа раньше, с огромной сумкой, в которой лежали почти все мои наряды — и мы с Лидайей долго перебирали её и мой гардероб. Спорили до хрипоты: она настаивала, чтобы я оделась как можно соблазнительнее, а я, вспоминая о ночи Любования, наоборот, соглашалась только на такие варианты, которые были лишь немногим наряднее моих обычных. Казалось, стоит только чуть-чуть перестараться — и всё пойдёт прахом.

Учитывая, что обычно я носила штаны, найти что-то такое, что будет наряднее лишь ненамного — это уже само по себе было непросто. Даже самая завалящая юбка уже казалась чем-то особенным. Но в итоге мы всё же нашли компромисс и одели меня достаточно скромно и в то же время мило: нежная пышная юбка чуть ниже колена, с цветочной вышивкой по краю, и блузка с кружевными воротником.

Лидайя схватила меня за руку и, как полководец войска, повела прямо к Хену. Усадила с ним рядом, сама села с другой стороны от меня. Через мою голову завела с Хеном беседу.

Наверное, Лидайя предполагала, что я тоже вольюсь в их разговор, но меня вдруг одолело просто дикое смущение — от одного сознания, что я сижу рядом с Хеном, что его бедро касается моего — и я уткнулась в пол, опасаясь поднимать взгляд, чувствуя, как яростно пылают щеки.

Слава Нигосу, я быстро пришла в себя. Хен вёл себя как всегда, рассказывал разные байки — в основном об учёбе и о сокурсниках — и постепенно я расслабилась.

Вот только великий план соблазнения Хена, выбрав то время, когда он будет навеселе, пошатнулся почти сразу, когда мы

поняли, что Хен совсем не пьёт. Лидайя упорно пододвигала ему кружку с вином, Хен упорно пил только воду, я сидела рядом, притворяясь, что ничего не замечаю.

Пока вдруг посреди беспечной беседы нас не прервал вопрос:

— Так вы правда женаты или просто родственники?

Я вздрогнула, не сразу вспоминая, где нахожусь. С другой стороны стола сидел белобрысый парень и сверлил нас любопытными чёрными глазами. Белозубо улыбался, показывая, что спрашивает без подвоха. Смотрел он только на меня, и я замялась, не зная, что ему ответить.

Хен сделал это вместо меня:

— С какой целью интересуешься? — и в следующий момент, словно заявляя на меня свои права, по-хозяйски обнял за плечи и притянул к себе.

Притиснутая к его груди, плавясь от его запаха, чувствуя, как ускоряется ток крови, я замерла, как мышка. Услышала, как протянули с того конца стола:

— О-о-о… всё ясно.

— Что это тебе ясно, может, она его младшая сестрёнка? — вопросил незнакомый мне по-мальчишески звонкий голос. — И он отгоняет от неё ухажёров?

— И с этой целью нацепил на неё свадебную серьгу! — вокруг загоготали.

Я невольно потянулась прикрыть ухо, но пальцы Хена поймали мою руку и мягко отвели. Я вскинула на него недоумевающий взгляд. В синих глазах промелькнула непонятная тень — как будто Хен собирался что-то сказать, но передумал. Улыбнулся невинной улыбкой. Играет на публику, всё ясно.

— Всё с ними ясно, — повторил чей-то голос в такт моим мыслям. — Скучно! Все самые красивые девушки уже кем-то заняты.

Хен отпустил меня, и я наконец смогла нормально дышать.

Тут же получила в другой бок очередной тычок от Лидайи. Это был явный призыв к действию, но я сделала вид, что ничего не заметила.

Праздник тянулся, шёл, буйствовал. Кто-то уходил, кто-то приходил новый, вино лилось рекой. Чтобы хранитель не привязался, комнату накрыли пологом и веселились так, как только могут веселиться студенты на исходе сессии.

Через полчаса я обнаружила себя в компании смутно знакомого стихийника с третьего курса. Он шутил, я смеялась, а потом заметила, что Хена в комнате нет — и сразу желание смеяться пропало, стало как-то скучно и грустно. Я заметалась взглядом по лицам, отыскивая Лидайю. Поняла, что её тоже нет,

и сердце сразу забилось сильнее, стало жарко и душно, люди и их голоса словно отдалились, как будто меня запихнули в маленькую гулкую коробку.

Я не знала, что именно задумала Лидайя, она не посвящала меня в свои планы. Но то, что они с Хеном пропали одновременно, наводило на мысли, что наступление началось.

И стоило мне так подумать, как дверь открылась, и внутрь скользнула Лидайя. Она нашла меня взглядом и призывно помахала рукой. Я протолкалась между людьми и вышла вслед за Лидайей наружу.

Благодаря пологу звуки праздника словно отрезало. Тишина упала плотным занавесом, я даже покрутила головой, пытаясь уловить хоть какие-то отголоски.

Лидайя подвела меня к соседней двери:

— Всё, иди!

Пока я хлопала глазами, открыла дверь и втолкнула меня внутрь.

Это тоже была явно студенческая комната — с неубранной кроватью, столом, заваленным учебниками, и схемами магических токов на стенах. Хозяин отсутствовал: видимо, праздновал вместе со всеми. Я снова поразилась общительности и находчивости Лидайи: ну вот как она узнала, что эта комната пустует? Впрочем, неважно.

Хен стоял у окна. На стук двери он обернулся, а увидев меня, явно удивился:

— Сатьяна? А где Лидайя? Она притащила меня сюда, велела ждать, а сама исчезла.

Я неловко пожала плечами. Внутренне прокляла Лидайю: и это всё, что она придумала? Увести Хена под предлогом важного разговора, а потом притащить туда же меня?

Но в голове слегка шумело — даже не от вина, хотя я выпила полкружки, а скорее от осознания, что мы наедине, что наступил решительный момент, что надо действовать, сейчас или никогда. Ладони вспотели, зачесались, невыносимо захотелось вытереть их о юбку, но под взглядом Хена я это сделать не могла.

Наверное, для начала надо хотя бы подойти поближе. И я решительно направилась к окну. Хен не мешал, только молча, с лёгким удивлением наблюдал за мной.

Советы Лидайи мельтешили в сознании, сливаясь в бессмысленную мешанину.

«Сядь рядышком. Взгляни на него. Посмотри на губы, приоткрой свои — он сразу отреагирует, вот увидишь. Ещё можно вертеть что-нибудь в пальцах, как будто играешь, на уровне груди, тогда сперва он заметит движение, а потом уже взгляд

опустится на грудь — и всё, полдела уже сделано».

Когда я слушала её, все эти уловки и ухищрениями казались мне откровением. Но сейчас, наедине с Хеном, в ночной тишине, всё стало каким-то глупым и ненужным. А на первый план вышло желание выяснить наконец самый важный для меня вопрос. Получить чёткий ответ раз и навсегда, чтобы не тешить себя надеждами и не загораться так жарко от ничего не значащих мелочей.

И я, едва добравшись до окна, остановившись напротив Хена, жамкая непослушными пальцами мягкую ткань юбки, бахнула:

— Я тебе не нравлюсь?

Глава 43

Кончики пальцев похолодели, оглушительно заколотилось сердце. Я смотрела на Хена, который, в свою очередь, смотрел на меня. Молчание всё длилось, хотя на самом деле, наверное, прошло не дольше мгновения.

Потом Хен криво усмехнулся и спросил:

— С чего такие вопросы?

Это была очень искусственная, ненатуральная усмешка. Я видела, что ему было совсем не до смеха, он просто пытался свести всё к шутке. На лице проступило напряжение.

— Ответь… — потребовала я.

Он перестал улыбаться. Нахмурился, бросил взгляд в окно — как будто ему неудобно было выдерживать мой и срочно требовался предлог отвернуться. Что-то буркнул сквозь зубы.

— Что?

Хен метнул на меня недобрый взгляд. Отрывисто бросил:

— Не надо, Сатьяна. Ты же ничего обо мне не знаешь.

— Почему не знаю?

Что ещё мне нужно о нём знать, кроме имени, возраста, происхождения, его семьи? Или он хочет сказать, что его родственники меня не примут? Или что у него есть какая-то тайна? Но даже если так, какое отношение она имеет к моему признанию? Я ведь полюбила его не из-за имени или происхождения и не из-за его семьи.

На миг сердце болезненно трепыхнулось: а вдруг невеста? Потом я напомнила себе, что невеста невестой — а я официально его жена. И если есть что-то, что я должна бы знать, сейчас самое время мне это сказать.

Хен поморщился, но пояснять не стал. Вместо этого спросил:

— Зачем тебе это?

— Что «это»?

Мне захотелось отступить. Хен реагировал вообще не так, как я ожидала или могла ожидать. Ладно попытка отшутиться — это можно было предположить. Но странные упрёки или эти вопросы… я не понимала, к чему они.

— Зачем тебе… — он запнулся, на время отвёл глаза. Потом снова полоснул беспощадным недобрым взглядом. — Чего ты хочешь добиться вот всем этим? — он неопределённо дёрнул подбородком. — Зачем ты…

Не договорив, он отвернулся, упёрся руками в подоконник, длинно и судорожно выдохнул. Повесил голову, потом покачал ею. Резко повернулся.

— Зачем тебе я? — повторил тоскливо и как будто с некоей беззащитностью, уставшим безразличием, когда уже нет сил сражаться и хочется просто сдаться.

— Тебя это так сильно раздражает? — проговорила я, почти не слыша, что именно говорю. Сердце пустилось вскачь, оглушительно, от напряжения темнело в глазах.

Хен досадливо мотнул головой. Сказал с силой, будто уговаривая:

— Не надо. Зачем? Почему бы тебе не влюбиться в кого-нибудь другого? Вон их сколько крутится вокруг тебя.

Это было как удар под дых. На глазах выступили слёзы, дыхание перехватило. Где-то внутри судорожно сжалось, скрутило болезненной судорогой, резануло, заныло.

«Почему бы тебе не влюбиться в кого-нибудь другого».

Ледяные слова эхом повторялись в сознании. Вот, значит, что он обо мне думает. Назойливая мелкая липучка со своими чувствами. Хочет, чтобы я оставила его в покое, чтобы не донимала больше взглядами и признаниями.

Лицо Хена расплылось от выступивших слёз. Я стиснула зубы, чтобы не расплакаться прямо здесь. Изо всех сил стараясь держать спину, повернулась.

Скорее, скорее бежать отсюда. До двери дойти медленно, чтобы не выглядеть снова глупой малолеткой — а там, снаружи, можно пуститься уже со всех ног. И не домой, только не домой. Дождусь окончания праздника где-нибудь на стадионе или на тренировочной площадке, заявлюсь к Лидайе. Выскажу ей всё, что думаю о её дурацких планах и подначках.

Я не успела додумать мысль. Хен нагнал меня на полпути, подхватил за локоть, рывком развернул. Его грудь вздымалась, глаза метали молнии.

Я уткнулась лопатками в жёсткую холодную стену. Дверь была совсем рядом, но я тут же забыла об этом, потому что Хен одной рукой упёрся в стену над моей головой, другой преградил мне путь. Я вдруг испугалась. Рванулась было, но рука Хена помешала, а в следующий миг он вообще прижал меня к стене, придавил сильным, крепким телом.

— Проклятье, Сатьяна, — проговорил глухим, наполненным мукой голосом. — Не делай такое лицо. Это невозможно…

Я застыла, притиснутая к стене его телом. На глазах всё ещё были слёзы, но сердце уже выскакивало из груди. Я ничего не понимала, но было страшно даже дышать, как будто в любой момент могло случиться что-то непоправимое. От напряжения потрескивало в воздухе. Отвернувшись, я смотрела в пространство, опасаясь говорить и шевелиться. Любая реплика,

любое действие могло оказаться ошибкой.

В следующий миг я почувствовала, как к скуле прижались мягкие губы. Дыхание опалило кожу, на мгновение меня словно окунули в горячую лаву. Я вздрогнула, взметнула глаза на Хена. Он поцеловал меня? Мне показалось?

В его глазах плавало столько разного, что я совсем растерялась. Смутная, тяжёлая вина, глухое отчаяние, тревога, сожаление — и ещё что-то непонятное, тягучее, вызывающее внутреннюю дрожь, словно неявный сигнал, заставляющий моё тело реагировать. Синие глаза были сейчас почти чёрными, и я тонула в них, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

Хен снова глухо и тяжело вздохнул. Взгляд опустился чуть ниже, стал странно расфокусированным, затуманенным. Потом Хен резко сглотнул, облизнул губы, будто в горле внезапно пересохло. Рывком, словно совсем отчаявшись, будто прыгая с головой в омут, подался вперёд. Горячие губы накрыли мой рот, раздвинули, язык ворвался внутрь — это был рваный, почти насильный поцелуй, хотя я ничуть не сопротивлялась. Едва оторвавшись от моих губ, Хен поцеловал меня снова — ещё необузданнее, со звериной дикостью, так, будто заявлял свои права.

Я дрожала в его руках, не понимая, что происходит. Бросало то в холод, то в жар, я не верила собственным ощущениям, не верила, что это Хен целует меня, что это всё на самом деле. Внутри всё сжималось от его близости, от запаха, от настойчивых движений языка и губ.

Совсем растерявшись, я робко обняла Хена за талию — даже не обняла, а схватила его за полы рубашки, то ли пытаясь притянуть ближе, то ли для того, чтобы устоять на ногах. Смявшие ткань пальцы коснулись гладкой горячей кожи, и Хен судорожно вздохнул, и стал целовать меня так яростно и исступлённо, что ноги у меня окончательно подкосились. Он будто вымещал на мне что-то — или, скорее, выплёскивал что-то, что его давно мучило. Он как будто сам не мог остановиться, пока не выпустит весь этот бесконечный пыл, не избавится от сжигающего его жара. Его пальцы пробрались в мои волосы, ласкали кожу головы, рождая сотни мелких иголочек. В промежутках между поцелуями я видела его глаза — совсем шальные, пьяные, затопленные чем-то первобытно-тёмным.

Наконец этот безумный, невозможный водоворот стал стихать. Хен целовал меня уже спокойнее и вдумчивее, дольше заглядывал в глаза, словно проверяя, что всё в порядке. Зато его руки опустились ниже, оплели меня намертво, так, что было трудно дышать. А может, дыхание спирало от нашей невероятной

близости.

Я ничего не понимала и только боялась, что всё сейчас прекратится. Что в следующий момент он отстранится от меня, скажет опять какую-то резкость, прогонит — или сбежит сам. Но Хен, когда закончился очередной поцелуй, только упёрся лбом в мой лоб и смотрел в глаза. Он дышал тяжело, как загнанный зверь, но в глаза возвращалась разумность. Левая рука поднялась к моему лицу и плавно, нежно скользила по коже, очерчивая линию скул, щёку, челюсть.

— Глупышка Сатьяна, — пробормотал Хен глухо и неразборчиво. Слабо улыбнулся.

В глазах тяжёлым осадком колыхалась неясная вина. Это настораживало, но я предпочла не обращать внимания. Не хотелось обращать внимание ни на что, что могло бы нарушить этот момент беспредельного счастья.

Я потупилась, а потом уткнулась носом в рубашку Хена. Вцепилась в ткань, будто боялась, что Хен сейчас уйдёт. Может, и впрямь боялась.

— Глупышка, — повторил он чужим далёким голосом. Но обнял меня, притягивая к себе. Его сердце под моей ладонью колотилось так же бешено, как моё, и это кружило голову и путало мысли.

Глава 44

Домой мы пошли вместе, рука об руку. Я не могла поверить, всё поглядывала на Хена, словно он в любую минуту мог растаять. Но Хен не таял, а только посматривал в ответ с лёгкой улыбкой. Его пальцы, крепко переплетённые с моими, вызывали ощущение уверенности.

Поначалу мы оба молчали. Я боялась говорить, боялась ляпнуть что-нибудь такое, что разрушит едва зародившиеся отношения. Хен заговорил сам: о сессии, о приближающихся праздниках, начал рассказывать разные смешные случаи с его сокурсниками. Вёл себя как всегда, и если бы не наши сплетённые вместе руки, я бы засомневалась, что между нами что-то было.

Рассказы Хена были весёлыми, я хохотала, но внутри продолжала мучиться, не в состоянии задать самый главный вопрос. Наши отношения и правда изменились? Можно ли считать, что мы встречаемся? Я ему всё-таки нравлюсь? В принципе, недавний поцелуй обнадёживал, но вдруг… вдруг это был мимолётный порыв, нахлынувшее желание, случайное, ничего не значащее? Очень хотелось поговорить наконец начистоту, определить раз и навсегда, кто мы друг другу.

Чем ближе мы подходили к дому, тем неувереннее я делалась. А когда Хен отпустил мою руку, чтобы открыть дверь, вообще почувствовала себя одинокой и брошенной.

Хен зажёг светляк, внутренности прихожей осветились мягким оранжевым светом. Повинуясь вежливому жесту, я шмыгнула внутрь, чувствуя странное смущение. Стащила куртку, потянулась, чтобы повесить её, и тут куртка сама поползла из рук. Я вскинула глаза на Хена, а он отобрал одежду, быстро кинул её на вешалку и вдруг шагнул ко мне, чуть не заставив попятиться.

Как всегда от его близости кровь сильнее погнала по жилам. Тёмный пристальный взгляд смущал и будоражил. Руки Хена коснулись моих, пальцы скользнули по коже, рождая волны крупной дрожи, и в горле мгновенно пересохло. Я всё же попятилась — отступила на шаг, ещё на один, пока не упёрлась спиной в стену, и убегать стало некуда.

Сердце чуть не выпрыгнуло из груди, когда Хен поцеловал меня. Пошло отбивать сумасшедше-радостный ритм, заставлять внутренности плавиться, истекать горячим волнующим жаром. Нравлюсь! Всё-таки нравлюсь! — кричал возбуждённый мысленный голос. Осмелев, я тоже обняла Хена. Сначала просто взяла за полы рубашки, как в прошлый раз, а потом, потому что поцелуй всё продолжался, отважилась настолько, что просунула

руки внутрь. Хен не возражал, только задышал шумнее, и поцелуи его стали ещё более волнующими.

Мы долго целовались в тёмной прихожей. Светляк совсем потускнел, когда Хен отпустил меня и, как прежде, некоторое время замер — лоб в лоб, — успокаивая дыхание. Я смотрела в его глаза, как зачарованная. По-моему, я могла бы смотреть в них вечно. У Хена были ужасно красивые глаза, особенно сейчас, с тонкой полоской синей радужки, затуманенные и манящие.

— Иди мыться, — прошептал он прерывисто. Отпустил меня, подтолкнул легонько.

Я послушно пошла в спальню, взяла сменную одежду, отправилась в ванную. От происходящего кружилась голова. Закрыв дверь, я привалилась к ней и выдохнула. Потрогала горевшие губы. Быстрым движением оторвалась от двери и нырнула к зеркалу. Там отражалась до неприличия счастливая Сатьяна, с сияющими глазами, пылающим румянцем и припухшими от поцелуев губами.

Ой что завтра скажет Лидайя… Я устану краснеть от её шуточек и расспросов. А если сегодня мы ещё и…

От следующей мысли у меня внутри всё сжалось от ужаса и восторга.

А что если сегодня ночью мы с Хеном станем по-настоящему близки?

Ведь всё к тому и ведёт. Эти безумные поцелуи, явная тяга, наше взаимное, сводящее с ума желание. И мы женаты, никто и слова не скажет, если это и правда произойдёт. Так почему бы и нет?..

Стараясь не слишком поддаваться этой пугающей и соблазнительной мысли, я старательно вымылась, высушила волосы, почистила зубы. Переоделась в приготовленную одежду и судорожно пожалела, что не притащила ничего миленького и соблазнительного. Хотя у меня в гардеробе и не было ничего миленького и соблазнительного, я же не Лидайя с её пеньюарами и вызывающим алым бельём. Обычные мягкие короткие шорты, достаточно свободные, чтобы не мешаться во время сна, и просторная же хлопковая кофта, тёплая и уютная. Кого соблазнишь в таком виде?

Вздохнув, я осторожно выглянула за дверь. Хен сидел за столом, то ли учился, то ли что-то читал. Хотя нет, скорее размышлял: на лбу появилась суровая складочка, рот был крепко сжат, как будто мысли не доставляли ему удовольствия.

Я выскользнула из ванной, и тогда он меня заметил. Взгляд метнулся сперва на лицо, потом ниже, на мгновение замер где-то, потом опустился ещё ниже. От такого беззастенчивого интереса я

почувствовала себя почти обнажённой и, конечно же, залилась краской: щёки мгновенно загорелись. Ну вот, он наверняка подумал, что я похожа на чучело.

— Иди сюда, — сказал он охрипшим голосом.

Я смутилась, но подошла. Остановилась в двух шагах. Хен отъехал на стуле мне навстречу. Поймал за руку, потянул. Я шагнула ближе, растерянно остановилась, но он не дал, заставил пройти дальше, встав между его расставленных ног. Совсем близко. Преступно близко.

Хен сидя был почти с меня ростом. Я смотрела на него чуть сверху вниз. Может, поэтому так хорошо видела все изменения: как темнеет его взгляд, как глубже и тяжелее становится дыхание, как вздрагивает кадык на мощной шее. От этих изменений захватывало дух, а от того, что Хен не отпускал моей руки, по коже вверх шли горячие будоражащие волны.

Беззащитность в его глазах сводила меня с ума. Беззащитность и какая-то невыразимая то ли мольба, то ли призыв. Я подняла свободную руку. Провела указательным пальцем по скуле, по щеке, дотронулась до подбородка. Хен не уклонялся, смотрел на меня, и взгляд его темнел с каждым мгновением.

Не сумев побороть соблазн, я коснулась его губ. Они были мягко-шершавые, тоже чуть припухшие, как мои, и, вспомнив своё недавнее отражение, я чуть улыбнулась. Губы Хена двинулись под моими пальцами: он тоже улыбнулся, повторяя за мной, как зачарованный. Я наклонилась и попробовала теперь коснуться его губ губами. Провела мягко и осторожно, ловя каждый миг, каждое трепетное дыхание, каждое движение навстречу. Хен порывисто выдохнул, его руки сжались на моих бёдрах, невольно заставляя потерять равновесие, упереться ладонями в его плечи, прильнуть всем телом, ощущая твёрдую грудь и пресс… и еще кое-что.

Губы Хена раскрылись навстречу, он углубил поцелуй, рука легла на мой затылок, не позволяя вырваться. Но поцелуй вышел совсем коротким. Хен будто заставил себя прерваться. Встал, отстранил меня, мягко чмокнул в макушку. Я разочарованно надула губы. Возбуждение совсем не схлынуло, так и бурлило внутри. Я чувствовала себя котёнком, за шкирку оттащенным от миски с едой, или пьянчугой, у которого отобрали едва налитую кружку вина.

Не обращая внимания на мои гримасы, Хен исчез в ванной. Зажёгся свет, послышался шум воды. Я немного посидела за столом, но почти сразу сбежала в спальню. Нырнула в кровать, спряталась под одеялами и принялась ждать.

Хен появился, когда меня уже потянуло ко сну. Впрочем,

когда кровать качнулась от тяжести чужого тела, я немедленно проснулась и затаилась, чувствуя себя мышонком в норке. Хен лёг, жестом погасил светляк, привычным движением повернулся на бок, лицом ко мне, и вздрогнул, буквально наткнувшись на мой взгляд.

— Не спишь? — спросил так, как будто пытался выиграть время.

Я ничего не ответила, продолжая сверлить его смущённым взглядом. Одеяло закрывало нижнюю часть лица, так что я чувствовала себя как в домике, а Хену было, кажется, напротив, неуютно, потому что он не мог прочесть выражение моего лица. Наверное, поэтому он осторожно отодвинул одеяло вниз. Улыбнулся, поймав мою робкую улыбку.

— Спи уже. У тебя ведь завтра с утра экзамен, разве нет?

«Спи?»

Я кивнула, но не сумела подавить разочарование. А как же?.. И плевать на все экзамены, если сегодня может произойти кое-что куда поважнее.

Хен как будто понял. Мягко усмехнулся и вдруг объявил:

— После сессии поедем к твоим.

Улыбка сползла с моего лица. Это ещё зачем?

— Я хочу внести вено. Пока я этого не сделал, между нами ничего не будет.

Я задохнулась от возмущения. Что?! Несправедливо! Мама и так вытянула из него кучу денег! Открыла было рот, чтобы вылить на голову Хена поток возражений, но он предугадал и накрыл пальцем мои губы. Твёрдо сказал:

— Нет, и всё. Сначала вено, потом всё остальное.

Может, я бы сопротивлялась и дальше, но Хен, словно решив разом покончить со всеми возражениями, вдруг перекатился, оказываясь надо мной, и принялся целовать.

Я была словно гусеница в плену одеяла и тяжёлого мужского тела, спеленатая по рукам и ногам, а Хен явно наслаждался моей беспомощностью.

Когда поцелуй закончился, я тяжело дышала, а мысли совсем улетучились. И первым делом, когда Хен слез с меня и лёг рядом, поинтересовалась:

— А когда ты решил, что я всё же тебе нравлюсь?

Глава 45

Хен удивлённо приподнял брови, снова заулыбался:

— Это сложный вопрос. Я понятия не имею. Не думаю, чтобы я чего-то решал. Зато, я знаю, когда понял, что дело швах.

Подбор выражений меня позабавил. Но я затаилась, чтобы не пропустить ни слова.

— Ты ведь поцеловала меня тогда в палатке ночью?

Вопрос застиг меня врасплох, и в памяти поразительно ярко встали подробности той ночи. Разговор с Карином у костра, обида, Хен, спящий в палатке. Его лицо с закрытыми глазами — и мой нечаянный порыв.

Наверное, я густо покраснела, потому что нынешний Хен, не скрываясь, смеялся. Правда, почти сразу посерьёзнел.

— Тогда я решил, что мне это приснилось. Но… не знаю, сложно объяснить. Я вдруг понял, что всё не так, как мне казалось. Включая мои собственные чувства. А потом, на следующую ночь, когда ты призналась, то… я испугался, — Хен на миг замолчал, его кадык подпрыгнул. — Себя испугался. Того, что, оказывается, я тоже к тебе чувствую… что-то. А потом твоя матушка устроила это переселение. Ну, так покатилось всё по наклонной… — он усмехнулся, показывая, что шутит.

— Ты за мной подглядывал, — пробурчала я, чувствуя, как щёки горят. Хотя они весь вечер тут полыхают не хуже светляка, можно мной освещать комнату.

Хен подпёр рукой голову и уставился на меня с многозначительной усмешкой:

— А ты не специально это устроила?

— Нет, конечно!

— А я думал, мало ли… Ты ведь постоянно ходишь в таком виде… провоцирующем. Я всё не понимал, ты специально или просто не понимаешь.

Я хлопала глазами. Провоцирующий вид? О чём это он? О старых домашних шортах? Или бесформенной кофте? Или хлопковой маечке вместо красивого кружевного белья?

Я даже из-под одеяла вылезла, села, скрестив ноги, и потянула кофту, показывая:

— Ничего же не видно, оно даже не облегает…

Хен окинул меня медленным вдумчивым взглядом. Уделил особое внимание окрещённым ногам, и я в который раз подумала, что мне похвастаться нечем. Вот были бы у меня ноги от ушей, как у Лидайи. А так — обычные ноги, кое-где, пожалуй, слишком толстые в ляжках, пятнистые от синяков — неизбежное зло от

тренировок.

— Ничего ты не понимаешь, — сказал Хен. — Совсем ничего. Давай спать.

И отвернулся ко мне спиной, гад этакий.

Вне себя от возмущения, я накрылась одеялом, но буквально через несколько минут нырнула под соседнее и прижалась к горячей спине.

— Сатьяна… — простонал Хен. — Спи.

— Я как раз и пытаюсь заснуть, — пробурчала я.

Хен вздохнул, кажется, смирившись с неизбежным, и наступила тишина.

Домой ехали большим караваном. Я вспоминала, как в том же составе мы проделывали путь до академии: я, братья и Хен. Как Хен подшучивал надо мной, как называл мечницей… и как вдруг предложил формальный брак, узнав, что я не хочу к «рыбникам». Удивительно было сознавать, как всё изменилось. Тогда я и подумать не могла, что когда-нибудь наш брак станет вполне настоящим.

Ведь буквально через пару дней, когда мы приедем домой, Хен внесёт выкуп, и я стану по-настоящему его женой.

От этой мысли внутри всё замирало.

Я уже смирилась с мыслью, что мать снова погреет руки. Хен несколько раз объяснял, что делает это не потому, что не сумел найти предлог для отказа, а только потому, что сам этого хочет. Сказал, что поставит условием, чтобы мать не могла воспользоваться этими деньгами, чтобы они были записаны на моё имя в качестве моего приданого. Тогда я смогу ими воспользоваться, если вдруг с ним что-нибудь случится. Я и наши дети.

Аргумент о детях стал решающим.

Я сама об этом до сих пор ни разу не задумывалась. Хотя нет, один раз задумалась: когда рассказала Лидайе о том, что мы с Хеном теперь вместе, а она спросила, как обстоят дела с предохранением.

Вопрос ошеломил меня, как удар по уху. Почему-то до сих пор мне и в голову не приходило на этот счёт побеспокоиться. Я просто решила, что раз мы женаты, то всё в порядке. Но Лидайя была совершенно права: я только на первом курсе, какие дети, когда я едва поступила на факультет, о котором столько мечтала? А ещё ведь и желание самого Хена имеет значение: он, небось, тоже о детях совсем не задумывается.

Насладившись моим озадаченным лицом, Лидайя по-дружески хлопнула меня по плечу.

— Благодари небеса, что у тебя есть я, балда! — она полезла

в свою сумку и вытащила оттуда круглый медальон величиной с ладошку. Начертила знак «иргу-ос», и медальон с тихим звоном откинул крышку.

Я придвинулась к Лидайе, упираясь плечом в плечо. С любопытством заглянула внутрь.

В медальоне оказалась несложная схема: круг с девятью созвездиями, в центре изображение двух богинь, Девы и Матери, спинами друг к другу.

— Тут, — Лидайя указала на созвездие Пчеловода, — начало твоего цикла. В этот день читаешь ритуал Венценосной Деве, просишь, чтобы защитила от нежеланных последствий. Если в тот же день, на худой конец, ночью, не успеешь — всё, пиши пропало, придётся ждать следующего месяца. Если успеешь, тогда следующий ритуал читаешь через три пятидневки, в ночь Богини-Матери. Ей приносишь извинения, что пока не можешь последовать её путём. Если всё сделано хорошо, то каждые три дня будет загораться новое созвездие. Пока они горят, можно ни о чём не беспокоиться.

Я вытянула шею, следя за созвездиями в медальоне. Где-то две трети из них уже горели. Невольно рассчитав начало следующего цикла Лидайи, я смутилась. До неё я на такие темы ни с кем не разговаривала, разве что мать лет в четырнадцать объяснила, что в жизни женщины бывают такие дни.

— Откуда ты всё это знаешь?

Лидайя расхохоталась. С щелчком захлопнула медальон.

— В жизни каждой девушки однажды наступает время об этом узнать, — с намёком приподняла брови.

Сообразив, я слегка покраснела. Какая же я всё же ещё наивная. А Лидайя… она показалась мне ещё взрослее и умудрённее опытом, чем раньше.

Лидайя рассказала мне, и где можно приобрести такой медальон. Мы некоторое время ещё секретничали, болтая о всяком девичьем, пока разговор не перешёл на Хена.

И Лидайя вдруг сказала:

— Знаешь, мне иногда кажется, он не из Вендая, — она тут же улыбнулась, будто извиняясь за странную мысль. — Даже не знаю почему: он ведёт себя как вендаец, говорит как вендаец, выглядит как вендаец… Может, всё дело в словах, которые иногда у него проскальзывают? Они какие-то… слишком старые. Так давно не говорят.

— Ну и что? — насупилась я. Почему-то слова Лидайи показались мне обидными. Конечно, Хен вендаец, по нему издалека видно. — Не обязательно же все должны говорить одинаково.

Лидайя тут же пошла на попятную:

— Не бери в голову. Я глупость сболтнула. Это всё, наверное, потому, что он несколько лет жил в другой земле.

Я вспомнила об этом разговоре уже сейчас, в караване по дороге домой. Мы с Хеном говорили только о том, что он поедет к моим: во-первых, и мать звала, во-вторых, то самое хагосово вено…

Но что будет потом, после того, как с моими все дела уладятся?

Повезёт ли он меня в Вендай? Представит ли своим родственникам?

Почему-то сейчас, от мысли, что Хен никогда не упоминал о такой возможности, стало тревожно. Ерунда, чушь… я просто слишком многого сразу хочу. Надо учиться довольствоваться тем, что уже есть. Я прильнула к плечу Хена, призаснувшего от мерного движения, и почувствовала, как он пошевелился, протянул руку, обнимая меня, прижимая к себе — и на душе стало спокойнее.

Всё будет хорошо. Мы вместе, а значит, всё будет хорошо.

Глава 46

Родным Хен понравился. Даже больше, чем понравился — обаял всех от старого до малого. Даже бабушка, которая сперва с подозрением отнеслась к взявшемуся из ниоткуда вендайцу, когда увидела, как он управляется с посохом, крякнула и сказала: «Из этого парня будет толк».

Хен подружился и с братьями, и даже с моим отцом, и уже на третий день они впятером отправились в дикие земли, оставив меня дома. Я бы устроила скандал, но за приготовлениями к церемонии выкупа времени ни на что не оставалось. Приходилось помогать, украшать дом, готовить запоздалое приданое, закупать продукты и проводить часы на кухне.

Сама церемония выкупа состоялась на четвёртый день. Предпоследний — уже завтра нас ждал караван для возвращения в академию.

Торжество состоялось в святилище — перед Хранителем, поколение за поколением охранявшим спокойствие и благополучие клана Сантерн.

Хен, одетый в шёлковую, вытканную золотом багряную рубашку, подпоясанный кожаным поясом, в чёрных штанах и босой, по традиции, подошёл к отцу и матери, сидящим на возвышении. Представился по обычаю, полным именем, сказал положенные слова и опустился на колени, ожидая вердикта.

Лас, выполнявший роль друга жениха, держался сзади. Он тоже был одет в свой лучший наряд, но чтобы не затмевать жениха (точнее, уже супруга), старался казаться незаметным и смотреть в землю.

Другие братья: Вейс, Мане, Аттер с женой, а также бабушка с дедушкой, тётки-дядьки и прочая родня — сгрудились у стены слева.

Я стояла с другой стороны от родителей, за ширмой, за спинами Хена и Ласа. Считалось, что меня в комнате якобы вовсе нет.

Когда-то невесту и впрямь на церемонию взноса выкупа не пускали, всё происходило между родителями и женихом, а то и вовсе без жениха: просто договаривались главы двух родов. Но сейчас традиция стала куда мягче, и я, в нежного закатного оттенка платье, с высокой причёской, увенчанной диадемой — невеста невестой — подглядывала в щёлку за происходящим.

Жаль, Хена с Ласом я видела только со спины, зато лица родителей могла разглядеть ясно.

Мама выглядела не очень довольной. Ещё в первый день Хен

договорился с отцом, что деньги достанутся мне и нашим будущим детям. Впрочем, мама старалась не давать виду, и только я замечала пренебрежительную складку у рта, явно похолодевшие интонации и обиду во взгляде.

Ничего. Немного обиды пойдёт ей на пользу.

За спинами родителей ровным золотистым пламенем горел Хранитель, бросал отблески на лица, на праздничную одежду. Для него сегодняшнее событие было не в новинку: ещё со времён основания рода Хранитель встречал и провожал поколения Сантерн, видел, как растёт и крепнет наш клан, как парни приводят невест, как на свет появляются новые представители клана.

Родители поднялись. Негромко заговорил отец. Попросил Хена как следует заботиться обо мне, не обижать, любить, обеспечивать. Это тоже были ритуальные слова, но на глаза у меня навернулись слёзы. Церемония взноса вено словно стала для нас церемонией самого бракосочетания — взамен того быстрого, тайного, как будто постыдного, в маленьком храме Атракса.

Обычно, конечно, выкуп проводится раньше свадьбы, жених приходит в дом невесты, просит благословения её родителей и обещает заботиться о будущей жене всю жизнь. В знак хороших намерений передаёт вено. В нашем случае всё получилось наоборот — но сейчас мне это даже нравилось. Ведь тогда, в Атраксе, я ещё не любила Хена и представить себе не могла, что полюблю.

После церемонии взноса началось застолье. Мы с Хеном сидели бок о бок, во главе стола.

Чем ближе надвигалась ночь, тем сильнее я волновалась. Жала диадема, тонкий обруч казался верёвкой, которую словно затягивают всё туже и туже. От убранных в непривычную причёску волос начала болеть голова. Хен тоже то ли устал, то ли что, чем ближе ночь, тем мрачнее становится. Он почти не пил, только пригубил пару раз, когда старшие настаивали.

Я коснулась его руки, расслабленно лежавшей на столе. Поймала взгляд и чуть не отшатнулась: Хен смотрел так, будто я вонзила ему в руку нож, а не легонько притронулась, с какой-то тёмной, бурлящей яростью. Радовало только то, что этот взгляд предназначался не мне, Хен явно задумался о чём-то. Сообразив, что это я, он смягчился.

— Пойдём? — шепнул на ухо. Потянулся обнять, мимолётно коснулся губами виска, рождая во мне тысячи мурашек.

Я кивнула, почти не поднимая головы.

Нас сопровождал свист, хлопки и шуточки: похоже, вся семья

тоже воспринимала церемонию вено скорее как бракосочетание — а теперь они все провожали нас на нашу первую брачную ночь. Я шла, чувствуя, как алеет на щеках румянец и как рука Хена бережно сжимает мою.

До сих пор, с самого приезда, мы с Хеном спали по отдельности: я у себя, в старой спальне, а Хен в гостевой комнате. Но сегодня нам выделили целый домик на отшибе, хотя Хен и пытался уговорить моих родителей, что не нужно лишних хлопот, всего одна ночь осталась до возвращения в академию. Но никто его не послушал, положено — получайте.

Оказавшись наедине с Хеном, в глухой тишине пустого дома, я занервничала. Пытаясь отогнать ненужные мысли, села к зеркалу.

Спокойно, Сатьяна, никто не сказал, что всё состоится сегодня.

А если состоится… я ещё не успела провести ритуал предохранения, до начала цикла целых две недели.

Но ведь один раз… не обязательно означает, что сразу появятся дети?

За моей спиной, прерывая мысли, появился Хен. Молча встал сзади, через зеркало наблюдая за моим лицом. Я замерла, не отводя взгляда.

Всё-таки у него было странное выражение лица. Хмурое, сосредоточенное, совсем не такое, как полагается фактически новобрачному.

Я хотела было спросить, в чём дело, но Хен поднял руки и коснулся моей головы. Наблюдая за его движениями, я затаила дыхание. Он медленно, осторожно, проверяя каждый волосок, отцепил диадему. Вынул по одной шпильки, тщательно перебрал пряди. Распустил волосы, прочесал пальцами, начиная массировать уставшую кожу.

Я не сдержала полустона: это было так приятно.

Пальцы Хена на мгновение остановились, затем продолжили движения.

— Ты такая красивая, — сказал, не спуская глаз с моего отражения — с непонятной тоской.

Поплыв от массажа, я даже не отреагировала. Мне было хорошо, нега заполняла сознание, я почти засыпала. В полусне ощутила, как расстёгиваются пуговки на спине, как Хен выпутывает меня из платья. Потом — ощущение короткого полёта, прикосновение прохладных простыней, лёгкий поцелуй — почти невесомый, трепетный — и всё уплыло, погружая меня во тьму.

Проснулась я внезапно. Открыла глаза, уставилась в ночной

мрак. Сердце странно трепыхалось, словно только что что-то случилось. Я позвала Хена, но никто не откликнулся, а неведомая тревога тем временем набирала силы.

Потребовалось немного времени, чтобы обежать весь дом и убедиться, что Хена нигде нет. Часы показывали уже половину четвёртого ночи. Когда мы с Хеном ушли с застолья, было чуть больше двенадцати, я проспала почти три часа. Снаружи — я выглянула — уже потушили все окна, все лишние огни: клан спал.

Нарастающая глухая тревога погнала меня в главный дом. Это было странное ощущение: словно некий зов, непрерывный и отчаянный. К главному дому я почти подбегала. Влетела в него на всей скорости и остановилась, пытаясь понять, куда идти теперь.

Внутри было темно и тихо, как везде. Неужели Хен здесь? Почему? Сбежал от меня в гостевую комнату? Настолько не хочет быть со мной?

Полоснула обида, но её тут же перекрыл новый надрывный зов.

Не рассуждая, я ринулась вниз, потому что зов шёл именно оттуда.

Из святилища.

Я ворвалась туда и остановилась, утихомиривая дыхание.

Наш всегда спокойный, испускающий ровный золотистый свет Хранитель сейчас не просто светился — он пылал — тревожным, угрожающим огненно-алым.

Но это было не всё, что потрясло меня.

Перед Хранителем стоял Хен, а из его рук исходило мерцающее сияние. Вернее, нет, оно исходило от Хранителя. Хен забирал его!

Глава 47

В первый момент я просто не поверила собственным глазам. В сознании пронеслись разные объяснения: я всё не так поняла, это не то, что я подумала, или мне вовсе всё это кажется, я просто сплю и вижу безумный кошмар. Но неумолчный, стегающий разум, как кнут, зов Хранителя всё перечёркивал. Вот что меня разбудило — его зов.

Хен отскочил от Хранителя и принял боевую стойку. Исходящее из его рук мерцающее сияние рассеялось, зато в них появился посох. Хен пригнул голову и прищуренными глазами наблюдал за мной, ждал нападения. В алом свете Хранителя он выглядел совсем чужим. Беловолосый незнакомец, обманом пробравшийся в наш дом.

— Ты… ты специально меня усыпил?.. — дрожащим голосом спросила я. Сделала шаг навстречу — как была, безоружная, в одной лишь пижаме, которую накинула на скорую руку, вскочив посреди ночи с постели.

Хен сморгнул, на миг на лице появилось беззащитное выражение.

— Сатьяна… — он чуть опустил посох.

Я атаковала в эту минуту. Привычно и легко сплелась из голубого света, легла в ладони рукоять меча, взвились искры вокруг лезвия. Шаг, другой, пируэт — и лезвие, которое должно было распороть защиту Хена, с силой ударилось о выставленный навстречу посох.

На мгновение наши лица оказались совсем рядом. Хен дышал зло, с присвистом, по-звериному скаля зубы. Изумление, мелькнувшее в его глазах, когда я ударила, сменилось сосредоточенным спокойствием.

А я — я сражалась так бешено, с таким остервенением, что не узнавала сама себя. Все чувства: шок, неверие, боль от предательства — ушли внутрь, а их место заняло желание защитить свой клан, свой дом. В меня будто вселились все поколения мечников нашего дома, давно ушедшие на ту сторону.

Я очень долго тренировалась с Хеном и отлично знала, что, сражайся он в полную силу, и я не выстояла бы против него больше пяти минут. Но сейчас всё было по-другому. Я прыгала, выделывала финты, кружилась вокруг него — да только Хен каждый раз успевал отреагировать.

Алое сияние разгоралось вокруг, на лезвии плясало огненное зарево. Не помня себя, я наносила удары, двигалась молниеносно, а силы, вместо того, чтобы уменьшаться, только росли. Выпад

следовал за выпадом, словно мою руку направлял кто-то куда более умелый.

Хен не нападал, только защищался. Следил прищуренными глазами за каждым моим движением. Я начала его теснить, чувствуя себя всемогущей. В груди звенело ликование. Руки будто сами знали, как вести меч — да и меч уже был не тот, к которому я привыкла, не мой короткий и быстрый Сорванец, и не магический меч голубых дракончиков, а какой-то другой, совсем незнакомый — куда длиннее, тяжелее, мощнее. Но почему-то я управлялась с ним без каких-либо усилий, легко, так, словно делала это всегда. Словно я была не я, а кто-то другой, сильный, древний, закалённый воин, вся жизнь которого прошла в боях.

И я замерла перед Хеном, готовясь нанести последний удар. Сейчас… ещё немного — и мы уничтожим лазутчика, уничтожим вора, осмелившегося осквернить святое.

Моё сознание словно разделилось надвое: одна часть меня прекрасно понимала, что передо мной Хен, кричала от ужаса, пыталась сказать ему, чтобы бежал. А вторая — вторая торжествовала. И эта вторая была неизмеримо сильнее, именно она владела моим телом, с лёгкостью управлялась с огромным мечом — и сейчас именно она занесла огненный меч, готовясь нанести последний удар.

«Беги!»

Я бы зажмурилась, чтобы не увидеть, как он умирает, но тут комната сама закружилась перед глазами. Нахлынула слабость, ноги подогнулись, меч выпал из разжавшейся руки. Ускользающим сознанием — тем самым древним, чужим — я подумала, что недооценила противника. Целитель…

Глава 48

Сознание возвращалось медленно. Я поняла, что лежу на кровати, и в первый момент облегчённо вздохнула: всего лишь приснился кошмар. Но почти сразу стало ясно, что я не дома, не в своей комнате, и даже не в отдельном домике, подготовленном для нас с Хеном. Я в каком-то другом, тесном неосвещённом помещении, пахнущем пылью и затхлостью.

Сквозь одинокое окно в противоположной стене комнаты лился тусклый свет уличного фонаря: ночь ещё длилась. Я вскинулась, попыталась сесть — и одна из теней в комнате вдруг шевельнулась и превратилась в Хена. Он сидел на постели у меня в ногах, сгорбившись, уставившись в пространство — а теперь повернулся ко мне.

— Очнулась? — его голос звучал устало и глухо.

Я застыла. Как-то вмиг, удушливой лавиной накатились воспоминания.

Вот мы с мамой встречаем Хена. Здесь же, в Отрейле, в лавке магических принадлежностей. У нас пропадает кошелёк, и Хен получает такой удобный для него шанс заплатить за нас, вызвать благодарность. Может, он уже тогда рассчитывал, что мать пригласит его в дом? Вряд ли, скорее всего, это был первый шаг на пути к тому, чтобы завоевать доверие клана. Моё доверие.

Впрочем — меня наполнила едкая горечь — ему не пришлось с этим долго возиться. Я вообще его не подозревала, а предложение о браке приняла за подарок небес. Вот идиотка. А он уже тогда понял, что это самый надёжный способ добраться до Хранителя. Вот в чём его выгода. Вот в чём причина такого участия в едва знакомой девчонке.

Втёрся в доверие, обманул… вено туда же — чтобы получить предлог попасть в дом, я же не приглашала его. А он… с какой хладнокровной хитростью, с каким терпением он осуществлял свой план. И ведь не надеялся на одну меня, пока я дулась на братьев, он за моей спиной снова с ними сблизился. Вот почему Лас так быстро простил его: потому что Хен приложил для этого все усилия.

А мать? Как ловко он обвёл её вокруг пальца. А я, балбеска, только радовалась тому, что опасность в её лице устранена.

Почему же я не догадалась, что если он так ловко врёт матери и другим, то, может, обманывает и меня? Ни разу не допустила такой мысли, какая же я идиотка… заслужила. Всё заслужила. И ведь мать не раз твердила мне, что многие охотятся за клановыми секретами. Но нет, вместо того, чтобы оберегать

клан, я собственными руками впустила в него змею.

Разумеется, Хен никогда меня не любил. Он просто играл свою роль, аккуратно держал меня на расстоянии… а потом, когда понял, что другого способа пробраться в дом нет, решил воспользоваться моими чувствами.

Нигос, как же больно. Внутри всё саднило, выедало, выжигало — я не знала названия этому ощущению, но решила называть его ненавистью, так было легче. Болезненная, едкая, ядовитая ненависть — от которой душат рыдания, но нет слёз.

Спокойно, Сатьяна.

Нельзя поддаваться эмоциям. Я должна отобрать у него Хранителя и вернуть домой. Может быть, убить его самого, если получится. Вот только зачем он притащил меня сюда?..

— Как ты себя чувствуешь?

Вопрос дёрнул за душу своей неуместностью. Я уставилась на Хена ненавидящим взглядом. А он, как ни в чём не бывало, протянул руку, собираясь сделать целительскую проверку. Я ударила по этой руке, крикнула:

— Не смей меня трогать!

Хен настороженно замер.

Качаясь от слабости, я начала выбираться из постели. Может, и не следовало, но бурлящая ненависть заставляла двигаться. Мне просто физически необходимо было оказаться от него подальше.

Хен не препятствовал, сидел, сгорбившись на краю кровати, и только наблюдал прищуренными глазами за каждым моим движением. Тогда когда я пошатнулась, хотел было поддержать — и я отпрыгнула, точнее, откачнулась в сторону. Ударилась спиной о стену, замерла, тяжело дыша.

— Сатьяна, вернись в постель, — потребовал Хен жёстко. Встал, как будто готовился сгрести меня в охапку и уложить насильно.

Я замотала головой, прижимаясь к стенке. Выставила перед собой руки, попыталась призвать меч.

Глухо. Внутри меня как будто что-то перегорело, и, сколько бы я ни взывала, не слышала ни единого отклика.

— Не надо, не обращайся к магии. Тебе нельзя сейчас перенапрягаться.

Меня снова затрясло от злости. Как он может так спокойно говорить? Указывать мне, делать вид, что заботится? Притворяться, будто мы по-прежнему…

— Я тебя убью, — прошептала я со слезами на глазах. — Ты забрал Хранителя… вор… предатель…

Тень легла на глаза Хену, и мрачная решимость на лице

стала заметнее.

— Ты права, — сказал он.

Я задохнулась. Почему-то от этого стало только больнее. Будто кто-то воткнул в меня нож и безжалостно его проворачивал. Хен никогда не любил меня, никогда… Всё было только ради того, чтобы похитить Хранителя.

— Я не собираюсь оправдываться, — сказал Хен, буравя меня мрачным синим взглядом. — Это подлость и низость, и… Вот только всё должно было пройти куда тоньше и проще. Бабка часто повторяет, что самый страшный противник — это ты сам. Это и произошло со мной. Ты думаешь, я бы не добрался до твоего Хранителя, если бы не встретил тебя? Держи карман шире. Я бы вытащил его куда раньше и куда проще. Я вообще изначально собирался подружиться с твоим братом, и он сам пригласил бы меня на Зимние, если не раньше. Но из-за тебя… из-за тебя я решил было вообще выбросить эту мысль из головы. Все усилия тратил на то, чтобы найти потерянное оружие. Но не повезло…

Я слушала его исповедь молча.

В душе проклюнулся было росток надежды, но я безжалостно его раздавила. Нельзя верить ему. Нельзя допускать и мысли, что он что-то чувствует по отношению ко мне. Он снова пытается меня обмануть, ему нужно что-то ещё. Но что, если он украл Хранителя?

Или… надежда вспыхнула, как солнце. Может, он не успел?

— Где Хранитель? — я повела глазами по комнате. Ощущения его присутствия, как обычно в святилище, тёплого домашнего покоя, здесь, в этой тёмной тесной комнатушке, не было, как старательно я ни прислушивалась. Неужели и впрямь Хен не взял его?

— Ты не помнишь?

Я нахмурилась. Последнее, что я помнила — это как я заношу меч, и силы оставляют меня. Святилище полыхало багряным светом, так что по крайней мере на тот момент Хранитель ещё был там.

— Почему ты вообще явилась? — спросил Хен как будто невпопад — но требовательно и испытующе. — Что тебя разбудило?

— Не твоё дело!

— Скажи!

Хен сказал это с такой внутренней силой, с такой непререкаемостью, что я не выдержала:

— Он меня звал… он звал на помощь!

— Как странно… почему тебя? Решил, что только ты можешь мне помешать?

— Так ты его не взял? — с отчаянной надеждой спросила я.

Если Хен оставил Хранителя, я его прощу. Прощу обман и предательство, прощу то, что он пытался использовать меня.

Но Хен покачал головой. Ответил с паузой, как будто для этого ему пришлось сделать над собой усилие:

— Взял.

Слово упало, как лезвие топора. Бухнуло тяжело, принося конец моим надеждам. Взял… он забрал нашего Хранителя, нашу защиту, нашу силу.

— Ненавижу тебя, — прошептала я с бессильной злостью.

Ноги подогнулась, я съехала по стене вниз. Села прямо там и заплакала. Как ни старалась держаться, как ни твердила себе, что нельзя показывать слабость — слёзы сами выкатывались из глаз, горячие, крупные, неостановимые. Я оплакивала свои чувства, свою глупую любовь, своё наивное доверие. Какая же я всё-таки никчёмная… сама привела предателя в клан, позволила ему подобраться к самой нашей сердцевине, к самому важному для нас…

Руки Хена обвились вокруг меня. Он прижал меня к себе, молча, с силой, и я услышала, как быстро бьётся его сердце. Рванулась, но безуспешно, сил не хватило. Тогда я замерла, отворачиваясь, закрываясь, запрещая себе чувствовать. Хен шептал, обнимая меня, и его жаркое дыхание опаляло висок:

— Боги… не плачь, умоляю. Всё, что угодно, только не плачь.

Я его не слушала. Что за бессмысленная просьба, зачем он пытается меня утешить, зачем вообще всё это? Неужели воображает, что сможет обмануть меня снова?

— Верни мне Хранителя, — потребовала я срывающимся голосом. — Он наша защита.

Хен покачал головой:

— Вовсе нет. Всё, что он может — это предупредить владельца об опасности. Вы там у себя в клане и не знаете, да? Ваш Хранитель — одно из Пяти Оружий.

Я замерла. Разум ещё не успел переварить новые сведения, а Хен уже продолжал:

— Сатьяна… пойдём со мной. Я всё расскажу. По-настоящему расскажу, если ты станешь частью нашего клана.

— Клана? — повторила я механически. О чём он? Он же не клановый, что он имеет в виду?

Но Хен кивнул:

— Я всё расскажу, когда будем дома. Если ты станешь нашей.

Эти слова меня чем-то насторожили. Неклановый, который утверждает, что у него есть клан. Похожее я уже слышала совсем недавно… ну да, от Карина с его братом.

Меня резануло внезапной догадкой. Вот почему мне казалось, будто Хен и Карин знают друг о друге что-то такое, чего не знаю я. И вот почему Карин сумел проследить за нами и почему Хен так странно похвалил его, скорее поддел, а не похвалил: «Хорошее владение тенью». Потому что это умение — из умений ночных, мастеров слежки и шпионажа.

Хен тоже из них.

— Отпусти, — потребовала я.

Его руки медленно, неохотно разжались. Хен отстранился, продолжая смотреть мне в глаза.

Я, в свою очередь, по стенке отодвинулась подальше от него. Наткнулась на табурет, не без труда умостилась на нём. Спросила, находя во тьме глаза Хена:

— Я вроде бы и так твоя жена, что ты имеешь в виду, «стать вашей»?

Хен опустил взгляд, затем поднял. Отчаянный, но непреклонный.

— Всё потом, — сказал он.

— Ты хочешь, чтобы я ушла с тобой? Зачем тебе это?

Хен очень долго молчал. Наконец криво усмехнулся:

— Хороший вопрос. Знал бы я сам ответ на него…

Он сидел на полу, там, где я его оставила, бессильно опустив руки, и только смотрел на меня снизу вверх. Я не могла прочесть его чувств, даже выражение лица совсем не понимала. И тем более не понимала ни смысла его слов, ни побуждений.

Он забрал у нас Хранителя, так зачем ему я? Что он скрывает, чего добивается, чего хочет конкретно от меня?

Ясно было одно: сейчас он предлагает мне навсегда оставить свой клан. Поверить тому, что однажды уже предал.

— И что, если я скажу нет, ты меня отпустишь?

Я спросила это враждебно, почти насмехаясь. Но Хен сглотнул, стиснул зубы, и трепетный свет в его глазах потух.

— Ты свободна.

— А ты уйдёшь? С нашим Хранителем?

Хен опустил глаза.

Жемчужно-розовое утро зарождалось на востоке. Сыпал снег — первый в этом году. Я стояла на пороге заставы, кутаясь в плащ — последнее напоминание о Хене. Он сам, едва открылись ворота, исчез в диких землях, вместе с Хранителем.

Я пыталась остановить его, но едва Хен понял мой ответ, как тут же усыпил меня — в открытую, целительской магией. Я проснулась уже одна, а о том, что Хен давно ушёл, узнала только сойдя вниз, от сторожа на заставе.

А ещё через несколько дней, когда началось расследование,

выяснилось, что Хенная Тайсена никогда не существовало. Вернее, существовал, но человеку с этим именем было три года, и он был из клана Тайсенов в Вендае. Никакой связи с беловолосым целителем. Род Тайсен был создан искусственно: Хен всего лишь позаимствовал известную в Вендае фамилию.

Мой муж взялся из ниоткуда и исчез в никуда. Скорее всего, по-настоящему его звали совсем по-другому. Я и впрямь ничего не знала о нём — ни возраста, ни имени, ни происхождения… ни его целей.

Хотя чего там — выяснилось, что на самом деле мы даже не были женаты. Наш брак был куда больше фикцией, чем я могла предполагать: фальшивый брак с никогда не существовавшим человеком.

Всё, что у меня осталось — новая фамилия и статус главы новообразованного рода. Рода, состоящего из меня одной.

Конец.